

Российское
корееведение
в прошлом
и настоящем

Жизнь
и труд
посвятившие
Корее

Том I

РОССИЙСКОЕ КОРЕЕВЕДЕНИЕ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

- 한국국제교류재단 지원 -

러시아 과학아카데미 동방학 연구소

모스크바 삼일문화원

20세기 후반 러시아 한국학 학자들의 생애와 업적

(한국학 총서 제 I 권)

책임편저 : 유 웨 와닌

모스크바

2004

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ПЕРВОЕ МАРТА»

ЖИЗНЬ И ТРУД ПОСВЯТИВШИЕ КОРЕЕ

РОССИЙСКИЕ КОРЕЕВЕДЫ
2-й ПОЛОВИНЫ
XX ВЕКА

СБОРНИК СТАТЕЙ
ТОМ ПЕРВЫЙ

МОСКВА • 2004

*Книга издана при финансовой поддержке
Корейского Фонда (Korea Foundation, Seoul)*

Составитель: Ю. В. Ванин

Редакторы: Ю. В. Ванин, Л. Р. Концевич

Жизнь и труд посвятившие Корею: Российские корееведы 2-й половины XX века. Сборник статей. Т. 1.— М.: Первое Марта, 2004.— 276 с., ил. (Серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем»).

ISBN 5-8125-0439-3

Сборник статей «Жизнь и труд посвятившие Корею» о тех, кто пришел в корееведение в 1945–2000-е годы, воссоздавал и развивал его, трудясь на разных направлениях научно-исследовательской и преподавательской деятельности. Эта книга посвящена памяти людей, посвятивших всю свою жизнь корееведению.

Книга предназначена для всех интересующихся Кореей и корееведением.

Dedicating Life and Labour to Korea: Russian Koreologists of the second half of the 20th century. Series: Korean Studies in Russia: Past and Present.

Подписано в печать 29.04.04 г. Формат 60×90/16.
Печ. л. 17,25 + 1 вкл. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 400.

ИПП «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

© Коллектив авторов, 2004
© Институт востоковедения РАН, 2004
© РОО «Первое Марта», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Ли Хен Кын

К выходу серийного издания
«РОССИЙСКОЕ КОРЕЕВЕДЕНИЕ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ»

7

Ю. В. Ванин

ПРЕДИСЛОВИЕ

12

Ю. В. Ванин

ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ ГРЯЗНОВ

21

А. Ф. Троцевич

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЕЛИСЕЕВ

33

С. С. Суслина

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ КАЗАКЕВИЧ

41

А. В. Воронцов

ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ КИМ

46

В. В. Ремарчук

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ МАЗУР

75

Ю. В. Ванин

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ МАЗУРОВ

89

А. Ф. Троцевич

МАРИАННА ИВАНОВНА НИКИТИНА

105

Н. В. Иващенко

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ НИКОЛЬСКИЙ

112

Ю. В. Ванин

ВАДИМ ПАВЛОВИЧ ПАК

129

Ю. В. Ванин
ВАЛЕНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ ПАК
(ПАК КИЛЬ ЁН)

137

Н. Е. Бажанова
НИНА ПЕТРОВНА СЕМЕНОВА

148

Ю. В. Ванин
БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ СИНИЦЫН

158

В. В. Мокляк
ИВАН ДМИТРИЕВИЧ СКОРБАТЮК

174

А. В. Воронцов
ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ТИХОМИРОВ

183

С. С. Суслина
ЛЮДМИЛА АНДРЕЕВНА УСОВА

197

В. Н. Дмитриева
ХАН ДЫК ПОН

201

В. Н. Дмитриева, Л. Р. Концевич
ВИКТОР АНТОНОВИЧ ХВАН
(ХВАН ЮНДЮН)

206

Л. Р. Концевич
ИННОКЕНТИЙ ИВАНОВИЧ ХВАН
(ХВАН ДОНМИН)

215

А. Г. Васильев
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ХОЛОДОВИЧ

223

Ю. В. Ванин
ФАНЯ ИСААКОВНА ШАБШИНА
(КУЛИКОВА)

236

Ю. В. Ванин
ВИКТОР ИВАНОВИЧ ШИПАЕВ

260

Коротко об авторах

276

К ВЫХОДУ СЕРИЙНОГО ИЗДАНИЯ «РОССИЙСКОЕ КОРЕЕВЕДЕНИЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ»

Корееведение России своими несомненно лучшими достижениями занимает достойное место в мировом корееведении. Однако, если в прошлом его успехи были во многом обусловлены особой целенаправленной ориентацией со стороны государства, то теперь и в будущем исследования по Корее должны проводиться более свободно, не скованно, в многоплановых аспектах. Желательно также, чтобы эти исследования в еще большей степени служили делу укрепления мира и взаимопонимания между нашими народами и государствами, нежели какой-то специально намеченной конъюнктурной цели.

Российское корееведение, имеющее более чем вековую историю, не уступает никому в мире по качеству и количеству исследовательских работ. Однако, к сожалению, нужно констатировать, что не было активного взаимного научного обмена между учеными двух наших стран из-за долговременного разрыва отношений, вызванного различиями политико-идеологических установок эпохи «холодной войны». Сохранение такого положения дел не отвечает интересам науки ни в России, ни в Корее.

Оценивая состояние мирового корееведения, ни в коем случае нельзя умалять роль корееведения в России, поскольку без него получили бы неполную картину развития всей науки о Корее. Если успехи корееведения в России, достигнутые с такими трудами, не найдут полноценного и достойного при-

знания за рубежом, то это отзовется серьезными потерями для ученых других стран.

Корееведение России, возвращенное государством прежде всего для собственных нужд, получило бурное развитие после окончания Второй мировой войны и вплоть до конца 1980-х годов. Однако из-за внутренних перемен, произошедших затем в СССР, оно оказалось без достаточной государственной поддержки. В такой ситуации заслуживает большого уважения самоотверженный, упорный труд немногочисленных ученых-корееведов России, сумевших по-прежнему поддерживать достаточно высокий уровень научных исследований.

Установление дипломатических отношений между Республикой Корея и Россией в 1990 г. открыло новую эпоху двустороннего сотрудничества, в том числе в сфере науки. Однако из-за дефицита взаимопонимания и недостаточной взаимной информации корееведение нередко все еще продолжает идти по пути тех же «проб и ошибок».

Говорят, лучше поздно, чем никогда. Необходимо воспользоваться данным нам историей шансом. Нужно безотлагательно составить долгосрочный план работы, направленный на научное осмысление достижений корееведения в России и распространение знаний о них среди российских и зарубежных, в первую очередь корейских, читателей. Другими словами, настала пора системно и комплексно вести процесс сближения научной общности России и Кореи, начатый после установления дипотношений и до сих пор зачастую имеющий фрагментарный, неглубокий характер.

Если учесть тот факт, что в последние годы многие маститые ветераны корееведения, к несчастью, уходят в мир иной, то необходимость в такой работе становится архиважной. Первым опытом ее реализации стала данная книга. В ней собраны статьи об ушедших от нас видных корееведах, трудившихся с 1945 г. до конца XX века. Искренне надеемся, что освещение их жизненного пути и научного творчества сослужит хорошую службу в сохранении и умножении лучших традиций корее-

ведения в России последующими поколениями российских ученых, поможет корейским ученым лучше понять тех, кто создавал и развивал современное российское корееведение, по достоинству оценить их вклад в науку.

Работа по изданию серии книг «Российское корееведение в прошлом и настоящем», осуществляемая Институтом востоковедения РАН и Московским культурным центром «Первое Марта» при поддержке «Корейского фонда», является осуществлением проекта по систематизации и распространению достижений более чем столетней истории корееведения в России. Предусматривается выпуск в ближайшие годы по указанной теме семи томов. Первый из них — предлагаемый вниманию читателей сборник статей «Жизнь и труд посвятившие Корее. Российские корееведы второй половины XX века».

*Руководитель Культурного
центра «Первое Марта»,
пастор Ли Хен Кын
Москва, март 2004 г.*

간행에 부쳐

해외에서 이루어지고 있는 한국학 가운데 러시아에서 연구가 가장 돋보인다고 할 수 있다.

과거 국가적인 특정한 목적 달성을 위해 해외학문을 육성하여 왔었다. 그러나 앞으로의 세기는 더불어 살아갈 수 있도록 조화를 위한 방향으로 진행되어야 할 것이다.

1세기 전통을 자랑하고 있는 러시아 한국학은 질과 양에 있어서도 어느 나라보다 앞서고 있다. 불행하게도 국가적인 체제와 남북 분단에 따른 정치적인 이념차이로 기나긴 단절로 인한 쌍방간의 손실도 매우 컸던 것도 사실이다. 이러한 일은 무형적인 것에서부터 시간과 경제면에까지 무시할 수 없게 되었다. 더구나 해외한국학정리에 있어 러시아 한국학이 소홀히 취급된다면 체계적이고 종합적이지 못하다는 것을 부정할 수 없을 것이다.

또한 어렵게 얻어진 연구물들이 인위적인 이유로 햇볕을 보지 못한다면 학문하는 이들에게는 견디기 어려운 상처로 남게될 것이다.

러시아 한국학은 제2차 세계대전이 끝나면서 새로운 전기를 맞으면서 1970년대까지 매우 의욕적으로 활발하게 진척되었다. 그러나 소련 내부적인 상황으로 한국학 연구의 부침이 심하였다. 그런 가운데서도 소수 학자들의 진지하고 꾸준한 노력은 높이 평가되어야 할 것이다.

필연적인 한국과 소련의 수교는 1990년에 이루어졌다. 그러나 정보가 공유되지 못한 탓으로 상담기간 여러 방면에서 시행착오를

겪으면서 후유증으로 시달려야 했다.

언제나 '늦었다'라고 생각할 때가 기회인 것을 생각하면서 장기적인 설계를 할 수 있어야 한다. 수교와 함께 분야별, 부분적으로 성급하였던 접근보다 체계적이고 차분한 작업이 이루어져야 하겠다. 1990년대 러시아의 격변과 함께 원로한국학 학자들이 수년사이 타계하는 모습을 바라보면서 신체의 부분이 떨어져 가는 아픔을 가질 수밖에 없었다. 어려운 환경에서도 한국학을 사랑하였던 그들의 노고에 대해 소홀하였던 우리의 자화상은 일그러질 수밖에 없었다.

뒤늦게나마 1945년 이후 2000년대까지 타계한 한국학 학자들을 세상에 드러내는 일로 제1권을 시작하면서 그들의 명복을 빌고 후학들의 한국학 사랑이 지속되기를 간절히 소원할 뿐이다.

"한국국제교류재단(Korea Fond)"의 지원으로 "동방학연구소"와 "모스크바 삼일문화원"이 공동으로 이루어지는 작업은 러시아의 한국학 100년을 정리하는 『한국학총서』는 7권으로 간행될 예정이다.

2004년 봄이 오는 계절에

이 형근 목사 (모스크바 삼일문화원장)

Среди общественных наук Советского Союза, а теперь России, видное место занимало и занимает корееведение — наука о Корее, ее прошлом и настоящем, географическом, экономическом и политическом положении, национальной культуре, языке, быте и традициях ее народа. Словом, весь комплекс знаний о Корее. Наука эта возникла и развивалась не сама по себе, не из каких-то абстрактных побуждений, а прежде всего ради вполне конкретных и важных целей: помочь нашему обществу и государству лучше увидеть и понять соседнюю страну, содействовать установлению и поддержанию отношений добрососедства и сотрудничества с ней.

Корееведение в России зародилось давно, постепенно выделилось в самостоятельную отрасль востоковедной науки. Свидетельством его достижений явилось трехтомное «Описание Кореи» (Санкт-Петербург, 1900), аналогов которому не было тогда в мировом корееведении. Этим и другими трудами начального периода закладывалось то, что всегда отличало корееведение в нашей стране: уважение и сочувствие к Корее и ее народу. В советское время корееведение было не просто наукой, а в значительной мере еще и формой моральной поддержки корейского народа в его мужественной борьбе против японских колонизаторов. Однако политические репрессии середины 1930-х годов, ударившие по всем народам СССР, в том числе корейскому, нанесли тяжелый урон корееведению, которое потеряло основную часть своих работников.

В 1945 г. Корея была освобождена от японского колониального ига. Почти сразу же она стала объектом советско-американских противоречий, одним из участков начинавшейся «холодной» войны, что привело (при содействии враждовавших между собой корейских политических сил) к ее расколу. На

корейской земле образовались в 1948 г. два государства: Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика. Возникший таким образом корейский вопрос с тех пор и по настоящее время входит в круг острых и сложных международных проблем. Восстановление и развитие Северной Кореи, а затем КНДР происходили при активном и разностороннем ее взаимодействии с СССР. В результате всего сказанного Корея оказалась среди важных направлений внешней политики нашей страны.

Большие задачи, вставшие перед СССР в связи с Кореей после ее освобождения, способствовали возрождению у нас корееведения. Но речь шла уже не о возвращении к довоенному, весьма скромному уровню, а практически о создании новой науки, отвечающей всем современным требованиям. Советско-корейским отношениям в сферах политики, экономики и культуры, научному познанию окружающего нас мира нужны были специалисты по Корее разного профиля: историки, политологи, экономисты, этнографы, филологи, языковеды и т. д. Их подготовка началась со второй половины 1940-х годов в вузах Москвы и Ленинграда.

Выпускники этих вузов, пройдя обучение в аспирантуре, примерно с середины 1950-х годов приступили к научной и педагогической деятельности, которую вели затем на протяжении нескольких десятилетий. Вместе с теми, кто тогда же или чуть раньше пришли с практической работы, связанной с Кореей, и из других отраслей востоковедения, они составили творчески активное кадровое ядро, заложившее основы современного корееведения в нашей стране. Опираясь на сделанное ими, последующие поколения ученых двигали корееведение дальше, расширяя и углубляя исследование проблем истории и современности Кореи. Их общими усилиями создана обширная библиотека трудов о Корее — сотни книг и брошюр, тысячи статей, главы в коллективных работах по Востоку, учебные пособия, словари и т. д. В результате отечественное корееведение уже многие годы достойно представлено в мировой науке о Корее.

Содержание сборника статей, предлагаемого вниманию читателей, видно из его названия: «Жизнь и труд посвятившие Корее». Он о тех, кто пришел в корееведение в основном в 1950–1960-е годы, воссоздавал и развивал его, трудясь на разных направлениях научно-исследовательской деятельности, подготовки квалифицированных специалистов по Корее, и кого уже, к несчастью, нет среди нас. Они отличались друг от

друга по уровню знаний и способностей, сфере профессиональных интересов, достигнутым результатам. Но каждый был неординарной личностью со своими индивидуальными чертами, и каждый внес в общее дело более или менее весомую лепту. Все вместе они олицетворяют собой историю отечественного корееведения второй половины XX в.

Включенные в данный сборник статьи — не историографические, в них лишь отчасти затрагиваются научные концепции, разрабатываемые авторами вышедших тогда трудов о Корее. Они прежде всего — о людях, об их пути в корееведение, о том, чем каждый занимался и что конкретно смог сделать. И, конечно, о времени, когда довелось жить и работать первопроходцам, о сложностях, которые им приходилось преодолевать (нехватка источников и литературы, разного рода политические и идеологические ограничения и пр.). Книги и статьи той поры о Корее неизбежно несут на себе отпечатки мировоззрения и практических запросов своей эпохи, со всеми их положительными и негативными чертами, особенно заметными, вероятно, с позиций нынешних возможностей науки. Тем более достойно уважения то, чего тогда удалось достигнуть. Современным корееведам не следует забывать об этом, обращаясь к трудам предшественников.

Сборник статей не составлялся по какому-то единому, строго согласованному плану. Каждый автор сам определял структуру статьи и форму изложения, сам выбирал те стороны жизни и деятельности своего героя, которые ему представлялись наиболее значимыми и интересными. Возможно, не все сказанное в сборнике удовлетворит некоторых читателей, знакомых с его персонажами лично и по книгам. Содержащиеся в каждой статье характеристики, суждения и оценки надо воспринимать только как собственную точку зрения автора. С уверенностью можно утверждать, что даже самые удачные очерки о покинувших нас коллегах не в состоянии передать во всей полноте человеческий облик, заслуги перед наукой, место в корееведческом сообществе каждого из них.

К сожалению, не обо всех, кто трудился в корееведении во второй половине XX в., говорится в настоящем сборнике. Не потому, что кто-то забыт или его вклад в науку низко ценится. Основная причина в том, что не для всех намеченных статей удалось найти авторов. Хотелось, чтобы о каждом ученом или преподавателе не только сообщались формальные биографические данные, проводился сухой, беспристрастный анализ выполненной

работы, но и рассказывалось что-то выходящее за служебные и производственные рамки, основанное на личных впечатлениях авторов. Увы! Уходят и те, кто создавал отечественное корееведение второй половины XX в., и те, кто общался с ними и мог бы о них поведать живо и интересно.

Авторы и издатели этого сборника надеются, что содержащиеся в нем статьи помогут нынешним и будущим корееведам точнее и ближе узнать предшественников, лучше понять, кем и как создавался тот достаточно солидный фундамент, на котором базируется современное корееведение в России. Образно говоря, его задача — способствовать сохранению и упрочению связи поколений. Хочется верить, что специалисты-корееведы и все читатели, небезразличные к судьбам нашего дальневосточного соседа, смогут с его помощью по достоинству оценить тружеников науки недавнего прошлого, в меру своих сил и возможностей содействовавших взаимопониманию, дружбе и сотрудничеству народов России и Кореи.

Пусть этот сборник станет скромной и искренней данью уважения и благодарности людям, ушедшим из жизни, но не из науки, свидетельством нашей доброй и светлой памяти о них!

Ю. В. Ванин

서 문

소련의(지금은 러시아) 한국학은 사회과학에서 매우 큰 비중을 차지하였고 지금도 마찬가지이다. 한국학의 연구대상은 과거는 물론 현재의 역사를 비롯하여 한민족의 전통과 문화, 언어 등 전반적인 일상생활이 포함된다. 한마디로 한국에 대한 모든 상식(常識)을 다루고 있다. 이 학문은 자연적으로, 어떤 추상적 동기에서 시작되고 발전된 것이 아니다. 구체적이면서도 분명한 목적을 가지고 발전되어 왔었다. 곧 러시아 국가와 사회가 이웃 나라를 더 잘 알고 이해할 수 있고 나아가 두 나라간의 선린우호관계를 수립하기 위해 발전시켜 왔었다.

러시아에서 한국학은 매우 오래 전에 태동하였고 동방학으로부터 점차 독립적인 영역으로 분립되었다. 그 업적중의 하나로 전3권으로 간행된 『한국기술(韓國 記述)』(베제르부르그, 1900)이 있는데 당시 세계 한국학계에서는 이에 필적할 만한 저서가 없었다. 초기의 이러한 연구업적에 힘입어 러시아의 한국학은 항상 독보적인 위치를 차지하게 된 것이다. 한국학은 한국과 그 민족에 대한 존경과 애정, - 단순한 학문만이 아니라- 일본 침략자에 맞서 용감히 투쟁하는 한민족에 대한 도덕적 지지라 해도 크게 틀리지 않을 것이다. 그러나 1930년 대 중반의 스탈린 시대 정치탄압은 전 소련 인민에게 엄청난 피해를 입혔는데 한민족도 예외가 아니었다. 이로 인하여 많은 한인 학자들이 희생되면서 소련의 한국학에 심대한 타격을 가하기도 하였다.

1945년 한국은 일본으로부터 해방되었다. 곧 바로 소련과 미국이 대치되는 최전선의 한 목표물이 되었고, "냉전"의 당사자가 되었다. 서로 적대적이던 한반도 내 정치세력들을 미국과 소련이 지원함으로 한반도는 분열로 이어졌다. 한반도에서는 1948년에 대한민국과 조선인민민주주의공화국 2개의 국가가 수립되었다. 이렇게

발생한 한반도 문제는 당시부터 지금까지 가장 첨예하고 복잡한 국제문제로 남아있다. 북한, 이어서 조선인민민주주의공화국의 성립과 발전은 소련의 적극적이며 다각적인 지원에 힘입은 바 크다. 위와 같은 결과로 한반도는 우리 러시아 대외정책에서 매우 중요한 위치를 차지하게 된 것이다.

한국(북한)의 해방이후 소련의 당면 과제들은 러시아에서 한국학이 부흥되는데 일조 하는 일이었다. 그것은 전쟁 전으로의 단순한 회귀가 아닌, 현대의 모든 필요조건을 충족시키는, 사실상 새로운 과학을 의미하는 것이었다. 즉 정치, 경제, 문화, 주변 세계에 대한 학문적 연구 등의 분야에서 소련-한국(북한) 관계는 다양한 분야의 전문가를 요구했다. 역사, 정치, 경제, 민족, 어문, 언어 등을 망라한 학자들이 필요하게 되어 모스크바와 레닌그라드의 고등교육기관에서 1940년대 후반부터 전문가들을 양성하기 시작하였다.

이들 기관의 졸업생들은 대학원과정을 이수하고 1950년 대 중반부터 학문과 교육에 활동하기 시작한 이래 수십 년간을 지속하였다. 이와 더불어 그 당시이거나 아니면 보다 앞서 실무나 또는 동방학의 다른 분야에서 이적한 학자들이 활발하게 인맥의 핵을 구성했고, 러시아에서 현대 한국학의 기초가 되었다. 이들의 노력과 성과를 바탕으로 차세대 학자들이 한국학을 더욱 발전시키면서 한국의 역사 및 현대 문제 연구가 폭넓게 심화되었다. 이들의 노력으로 풍부한 한국학 도서가 갖추어졌다: 수많은 책과 소책자, 수 천 편의 논문, 동방학 저서에 실린 논문, 교과서, 사전 등등. 그 결과로 러시아의 한국학은 세계에서 오랫동안 정상을 지켰다.

독자들 앞에 내놓은 이 책(모음집)은 제목 『한국학에 바친 삶과 업적』에서 알 수 있듯이 주로 1950-60년대 한국학을 시작하여,

다양한 분야에서 종사하면서 더욱 발전시켰고, 수준 높은 한국학 전문가를 길러낸, 그러나 애석하게도 지금은 세상을 떠난 분들에 대한 책이다. 물론 학문과 지식, 관심분야, 이룩한 연구성과가 연구자들마다 다 같을 수는 없다. 그러나 이들 모두는 개성이 다르면서도 비범한 인물들로 그 분야에서 그에 걸맞게 기여하였다. 곧 그들은 20세기 후반 러시아 한국학의 연구사를 대변할 수 있는 분들이다.

이 책에 포함된 논문들은 사료편찬을 목적으로 하지 않으며, 단지 그 당시 출간된 저서에서 저자들이 연구하던 학문적 개념만이 부분적으로 반영돼있을 뿐이다. 이 책은 무엇보다도 사람(한국학자)에 대한 것이다. 곧 그들이 한국학에 입문하게 된 동기와 과정, 연구 분야, 성과에 대한 것들이다. 그 시대에 대한 것으로 선구자들이 살았고 일하던 때에 대한 기록이기도 하다. 그리고 이들이 겪어야 했던 어려움(원자료 및 문헌의 부족, 다양한 정치적 이념적 제약 등)에 대한 기술이다. 그 당시 한국에 대한 책과 논문들에는 당대의 세계관과 시대적 요청이 숙명적으로 묻어나고, 긍정적 부정적 특징들도 속속 드러나게 된다. 현대 과학의 수준과 가능성에서 볼 때 이점은 더욱 극명하게 나타난다. 그러한 상황에서도 이룩해 낸 업적이기에 더욱 소중하고 존경할 일이다. 선학들이 이룩해낸 성취를 대하는 현대 한국학 학자들은 이점을 결코 잊어서는 안될 것이다.

이 책은 하나의 통일적이고, 엄격히 합의된 계획에 따르지 않았다. 각각의 필자는 스스로 논문의 체계와 기술 양식을 택하였고, 임의적으로 자기가 보기에 더 의미 있고 흥미 있다고 생각되는 주인공의 삶과 생활의 측면을 선택하였다. 개인적으로 친분이 있거나 또는 책을 통해서 아는 일부의 독자는 이 책 내용 전부에는 만족하지 않을 수도 있다. 각 논문에 쓰인 주요 이력, 논평, 평가는

필자의 개인적 견해로 인식되어야 할 것이다. 세상을 달리한 동료에 대한 평이 아무리 훌륭하게 기록되었다 할지라도, 그 사람됨이나, 학문적 공로, 한국학 학자들 사회에서 갖는 그의 자리를 제대로 드러내기란 거의 불가능할 것이다.

유감스럽게도 이 책에 20세기 후반 한국학에 종사한 모든 학자들을 담을 수는 없다. 누군가가 잊혀졌거나 학문에 대한 그의 공로가 낮게 평가되어서 그런 것은 아니다. 인물을 평할 적당한 저자들이 없었다는데 주요 원인이 있다. 각각의 학자나 선생에 대해서, 공식적인 경력이나 메마르고 차가운 업적 분석이외에도, 업무의 틀을 벗어난, 사적 인상에 근거한 이야기가 있었을 좋으려만... 허나, 20세기 후반 한국학을 기초한 사람들은 물론이고, 그들과 함께 할 수 있었던 그래서 그들에 대해 생동감 있고 흥미 있는 얘기를 해줄 수 있는 사람조차 유명을 달리 하고 있는 현실임에야 더 말할 나위가 있겠는가!

이 책에 수록된 논문들로, 현재나 미래의 한국학 학자들이 선학을 더 정확히, 가까이 알고, 또한 현재 러시아의 한국학이 굳건히 서있는 기초가 누구에 의해 어떻게 마련되었는지를 더 잘 이해하는데 도움이 된다면 필자들과 발행인은 더 바랄 것이 없다. 다시 말하면, 이 책은 세대간의 관계를 이어주고 공고화하는데 그 목적이 있다. 한국 전문가들과, 극동의 우리 이웃 한국의 운명에 무관심하지 않은 독자들이, 러시아와 한국 두 나라간 상호이해 증진과 친선 그리고 협력을 위해 최선을 다해 공헌하였던 불과 오래지 않은 학자들을 제대로 평가하였으면 하는 바람이다.

이 책이 생애를 마감하였지만 학문에서는 영원한 그 분들에게 존경과 감사의 마음으로 드리는 겸허하고 진솔한 헌물이 되고 또 그들을 기념하는 밝고 따뜻한 증표가 되기를 기원하며 ...

유. 웨. 와닌 (러시아과학아카데미 동방학연구소 한·몽과장)

ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ ГРЯЗНОВ

(1929–2001)

Геннадий Викторович Грязнов родился 25 мая 1929 г. в Москве. Его отец, Виктор Николаевич, прошел типичный для советского времени трудовой путь: начав в 14 лет работать слесарем, получил высшее инженерное образование и вырос до начальника цеха одного из крупных предприятий Москвы — завода «Машиностроитель». Мать, Анна Михайловна, трудилась сначала на Первом московском часовом заводе, затем — медсестрой в детской поликлинике. Родители воспитали сына как труженика и искреннего патриота своей страны, дали ему трудовые навыки, которыегодились на протяжении всей его жизни. В годы Великой Отечественной войны ему пришлось «закрепить» их на практике: некоторое время он работал на отцовском заводе, эвакуированном на Урал. Такое выпадало на долю многим детям военного поколения.

В 1948 г. Г. В. Грязнов поступил на корейское отделение Московского института востоковедения (МИВ). Здесь он учился вместе с будущими видными деятелями науки, культуры, политики, в том числе с ведущими учеными-корееведами И. С. Казакевичем и В. М. Мазуровым, о которых рассказано в этой книге. Все они навсегда сохранили к нему уважение, теплые дружеские чувства. Получая в институте первые общие знания о Корее, Г. В. Грязнов проявил особый интерес к ее экономике, что составило впоследствии основное содержание всей его научной жизни.

Окончив МИВ в 1953 г., Г. В. Грязнов был принят на работу в Министерство внешней торговли СССР. Одновременно он поступил в заочную аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Весной 1954 г. министерство направило его в Торговое представительство СССР в КНДР, где он проработал до ноября 1956 г. Вот когда Г. В. Грязнов стал корееведом. Хотя он

занимал в Торгпредстве должность переводчика, ему приходилось выполнять и ответственные оперативные задания, бывать в разных районах страны, общаться с корейскими партнерами. Результаты его работы положительно оценивались руководством Торгпредства СССР в КНДР.

Память Г. В. Грязнова накрепко запечатлела картины впервые увиденной им Кореи. Только что вышедшая из тяжелой войны 1950–1953 гг., КНДР возвращалась тогда к мирной жизни, с помощью Советского Союза и других дружественных стран начинала восстанавливать свое народное хозяйство. Работники Посольства и Торгпредства СССР в КНДР, и Г. В. Грязнов наравне с другими, вместе со всем корейским народом переживали трудности и лишения послевоенного времени и работали изо всех сил, понимая, что осуществляют важную интернациональную миссию. Пробыв в КНДР и проработав там в нашем Торгпредстве свыше двух лет, Г. В. Грязнов смог лучше узнать и понять эту часть Кореи и укрепиться в своем желании изучать ее экономику, чтобы таким образом способствовать развитию советско-корейского экономического сотрудничества.

Вернувшись на родину, Г. В. Грязнов в декабре 1956 г. был зачислен на должность младшего научного сотрудника Института востоковедения АН СССР. С этого времени начался его путь в корееведении. Длительная заграничная командировка повлекла за собой затяжку с реализацией аспирантских планов. К тому же в ИВ АН СССР молодого специалиста почти сразу же «впрягли» в исследовательскую работу. Поэтому Г. В. Грязнов лишь в 1964 г. стал кандидатом экономических наук, защитив диссертацию по теме: «Развитие промышленности КНДР. 1945–1960 гг.». В 1970 г. его назначили на должность старшего научного сотрудника. Выдвинувшись довольно скоро в число ведущих специалистов по экономике КНДР, Г. В. Грязнов так и не собрался оформить свой обширный авторский багаж в виде докторской диссертации. Ему поступали выгодные предложения работать в других местах, но он до конца своих дней остался верен Институту востоковедения АН СССР.

На протяжении всех 45 лет своей научной деятельности Г. В. Грязнов занимался изучением экономики и Северной, и Южной Кореи. Так, он был одним из участников первой у нас крупной работы о Республике Корея — «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.)» (М., 1959), написав для нее (в соавторстве с Г. Ф. Кимом и Б. В. Си-

ническим) главу «Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи». В последующие годы он также постоянно следил за состоянием экономики Юга, рассматривая ее проблемы в контексте изменения общей ситуации на Корейском полуострове.

Однако главной для Грязнова-ученого на всю жизнь стала КНДР, к которой он прикипел душой, проведя там более двух лет и соприкоснувшись с героическими, самоотверженными усилиями корейского народа по возрождению республики из руин, созданию современного промышленного потенциала — основы развития ее народного хозяйства. Неслучайно самой первой работой Г. В. Грязнова явилась статья «Восстановление и развитие промышленности КНДР в послевоенный период (1953–1956)» в сборнике «Корея. История и экономика» (М., 1958). Как сказано выше, промышленности КНДР была посвящена и его кандидатская диссертация.

Г. В. Грязнов пришел в науку в тот период, когда ряд стран Востока, включая КНДР, вступали на путь строительства социализма. В советском востоковедении, соответственно, в число первоочередных выдвинулась тогда задача изучения форм и методов перехода к социализму каждой из этих стран, степени их продвижения по избранному пути и достигнутых результатов, соотношения общих закономерностей и национальной специфики в проводимых ими социалистических преобразованиях. Решение указанной задачи имело не только теоретическое, но и большое практическое значение, так как было связано с политикой СССР в отношении социалистических стран Азии.

В Институте востоковедения АН СССР разработку проблем социализма в КНДР начинали Г. Ф. Ким, Ф. И. Шабшина и некоторые другие ученые. С конца 1956 г. к ним присоединился Г. В. Грязнов, взявший на себя основную часть исследования процессов, происходивших в КНДР в социально-экономической сфере. Он искренне верил в преимущества социализма, в то, что именно социализм откроет корейскому народу возможность быстро и эффективно преодолеть послевоенную разруху и отсталость, сделать КНДР высокоразвитым, процветающим государством. С большим удовольствием воспринимал он крупные достижения, действительно имевшие место в ходе разворачивавшегося в КНДР социалистического строительства, не закрывая при этом глаза на случавшиеся там неудачи и ошибки.

Итогом углубленного изучения Г. В. Грязновым широкого круга социально-экономических проблем движения КНДР к социализму стали две его монографии: «Социалистическая индустриализация в КНДР (1945–1960)» (М., 1966) и «Строительство материально-технической базы социализма в КНДР» (М., 1979). Следует отметить, что работа над ними и последующими трудами по экономике КНДР осложнялась усиливавшимися там ограничениями на публикацию статистических данных о ситуации в народном хозяйстве республики, а статистика, как известно, — первейший «хлеб» для экономистов. Тем не менее, Г. В. Грязнову удалось собрать обширный статистический материал, позволивший достаточно убедительно аргументировать высказываемые им взгляды и оценки.

Обе книги Г. В. Грязнова, дополняя друг друга, рисуют наглядную картину подъема и развития экономики Северной Кореи в первые 25 лет после ее освобождения от японского колониального ига. Естественно, что главное внимание уделено периоду после 1953 г., когда КНДР восстанавливала разоренное трехлетней войной народное хозяйство и предпринимала серьезные меры по преобразованию его на социалистических началах. Для перехода страны к социализму нужна была соответствующая материально-техническая база, в создании которой решающая роль отводилась индустриализации. Книги Г. В. Грязнова посвящались раннему этапу индустриализации, формирования материально-технической базы социализма в КНДР (до 1970 г.), анализу особенностей их осуществления, проистекавших из своеобразных и сложных условий возникновения и существования республики. Весьма подробно автор освещал состояние важнейших отраслей промышленности, происходившие в них количественные и качественные изменения, воздействие индустриализации на повышение уровня технической оснащенности сельского хозяйства и транспорта КНДР.

Бесспорные достижения КНДР в восстановлении, реконструкции и развитии народного хозяйства показаны в книгах Г. В. Грязнова прежде всего как результат самоотверженного труда ее народа, использования преимуществ социалистического способа производства при решении стоявших перед республикой сложных социально-экономических задач. Вместе с тем автор увязывал их, подтверждая это множеством примеров, с той большой и разносторонней помощью, которую оказывали КНДР Советский Союз и другие дружественные ей страны.

Каждая из двух книг Г. В. Грязнова зафиксировала определенный этап социально-экономического развития КНДР, ее продвижения по пути социалистических преобразований. В первой констатируется превращение КНДР к концу 1950-х годов из экономически отсталой страны с тяжелым наследием колониального прошлого в развитое индустриально-аграрное социалистическое государство. Согласно второй, всего через десятилетие успешное строительство материально-технической базы социализма сделало КНДР социалистическим индустриальным государством, обладавшим солидным потенциалом дальнейшего роста национальной экономики.

Выше уже отмечалось, что Г. В. Грязнов, искренне веря в огромные возможности, которые открывал перед КНДР социализм, и, радуясь любому ее успеху в социалистическом строительстве, не упускал из виду неудачи и ошибки, также имевшие там место. Но, как и остальные корееведы, работавшие над актуальными проблемами современности, рассказать об этом в открытой печати он не мог. Считалось, что критика в адрес братской страны недопустима, она вызовет недовольство ее руководства, с которым и без того отношения становились все более непростыми. Поэтому в открытой печати надлежало отражать только позитивные стороны развития КНДР, а для показа допущенных при этом неудач, ошибок, разного рода недостатков существовала система «закрытой» информации высших партийных и государственных органов.

Г. В. Грязнов принимал активное участие в «закрытой» информационно-аналитической работе. Сегодня трудно подсчитать, сколько им лично или в соавторстве с коллегами было подготовлено справок, аналитических записок о действительном положении дел в экономике КНДР, о ее достижениях и упущенных возможностях, отклонениях руководства республики от общепризнанных норм социалистического строительства, особенно после выдвижения им особой, «чучхейской» модели социализма, осложнениях в советско-корейском экономическом сотрудничестве и т. д. К концу 1960-х годов возникла необходимость выяснения реальных уровней социально-экономического развития КНДР и Республики Корея, соотношение которых постепенно менялось в пользу РК.

Итогами исследований по названным выше темам стали крупные работы, написанные Г. В. Грязновым совместно с И. С. Казакевичем, П. Г. Королевым и Б. В. Синицыным, «Некоторые аспекты экономического строительства в КНДР» и

«Сравнительная характеристика экономического развития Северной и Южной Кореи». Обе они были напечатаны соответственно в 1966 и 1969 гг. в «Специальном бюллетене» Института востоковедения АН СССР (тогда Института народов Азии), предназначенном для «служебного пользования» в связанных с Кореей учреждениях и ведомствах СССР. Впоследствии Г. В. Грязнов неоднократно выступал по этим темам на практиковавшихся в институте совещаниях, «ситуационных анализах», материалы которых направлялись в ЦК КПСС и правительство.

Как ведущий специалист по проблемам экономики КНДР, Г. В. Грязнов входил в состав авторов крупных коллективных обобщающих трудов по Корее, изданных Институтom востоковедения АН СССР в 1960–1980-е годы. Чтобы представить объем и характер работы, пришедшейся на его долю, достаточно перечислить эти труды: «Очерки социалистического строительства в КНДР» (М., 1963), «Современная Корея. Справочное издание» (М., 1971), «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)», т. 2 (М., 1974), «Опыт строительства социалистической экономики в странах Азии» (М., 1986), «СССР и Корея» (М., 1988). В каждом из них ему принадлежали большие и содержательные разделы.

Еще об одном крупном обобщающем труде следует сказать особо. Негативные явления в мировой социалистической системе, набравшие силу во второй половине XX в. и предопределившие ее крушение, проявлялись, в частности, в отрицании или замалчивании руководством некоторых стран помощи Советского Союза и других союзных государств освобождению и всестороннему прогрессу этих стран, в приписывании всех достижений исключительно «опоре на собственные силы». Тем самым ставился под сомнение основополагающий для теории и практики социализма принцип пролетарского интернационализма. Среди мер противодействия такому неверному и несправедливому подходу к оценке взаимоотношений социалистических стран была большая коллективная монография «Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии» (М., 1983), опубликованная международным авторским коллективом (учеными семи стран) во главе с Г. Ф. Кимом и Ф. И. Шабшиной. В его состав входил и Г. В. Грязнов, участвовавший в написании нескольких глав.

Установление в 1990 г. дипломатических отношений нашей страны с Республикой Корея, начавшееся общение с южно-

корейскими учеными поставили перед российским корееведением ряд новых задач. Среди них — необходимость ознакомить научную общественность РК, слабо осведомленную о нашей научной жизни, с основными направлениями развития корееведения в СССР и России, основными научными и учебными центрами, важнейшими результатами исследований и т. д. Большая работа по этому поводу велась Институтом востоковедения РАН, и Г. В. Грязнов, наряду с другими учеными, активно в нее включился. На совместном семинаре ИВРАН и Йоннамского университета (РК, г. Тэгу) по теме «Изучение Кореи в СССР, Советского Союза — в Корее», состоявшемся в Сеуле в мае 1991 г., он выступил с докладом о ходе исследований в нашей стране проблем КНДР. В 1994–1999 гг. южнокорейские научные издания опубликовали три его крупных статьи по этим проблемам.

Распад СССР, крушение мировой социалистической системы Г. В. Грязнов воспринял очень тяжело. До конца своих дней сохранял он верность социалистическим идеалам, не раз вступал в яростные дискуссии с теми, кто поспешил «перестроиться», пытаясь очернить советское прошлое. Многие из того, что делали «демократические» власти России осуждал Г. В. Грязнов, но особенно резко — их откровенно недружественный курс в отношении КНДР, противоречивший, по его убеждению, национальным интересам самой России. С негодованием отзывался он о некоторых коллегах, еще недавно славословивших КНДР, а теперь допускавших в ее адрес необоснованные нападки. Сам он никогда не изменял дружеским чувствам к этой стране и постоянно отстаивал необходимость уважительного, объективного к ней отношения.

Между тем вести исследования в России по проблемам КНДР, прежде всего экономическим, стало труднее, чем раньше. С конца 1980-х годов сузились до минимума контакты с ее научными центрами, практически прекратилось поступление из КНДР литературы и прессы. Приходилось по крохам собирать информацию, чаще обращаться к зарубежным публикациям, менее всего преследовавшим истинно научные цели. Г. В. Грязнов упорно и кропотливо накапливал любыми путями нужные ему сведения, систематизировал и сопоставлял данные из разных, нередко противоречивших друг другу источников. Хотя и с большими сложностями, ему все же удавалось внимательно следить за тем, что происходило в экономике КНДР.

С начала 1990-х годов Г. В. Грязнов принял участие в нескольких научных мероприятиях, посвященных актуальным проблемам Кореи. Выделим среди них два. Летом 1996 г. Институт востоковедения РАН и Российское общество дружбы и культурного сотрудничества с КНДР провели заседание «круглого стола» по теме «Позиция КНДР по вопросу о мирном объединении Кореи и политика России», на котором Г. В. Грязнов сделал сообщение об экономических предпосылках сближения Севера и Юга Кореи. В сжатом виде материалы заседания опубликовал журнал «Азия и Африка сегодня» (1996, № 8). В июне 2000 г. в Москве состоялась международная научная конференция «Война в Корее 1950–1953 гг. Взгляд через 50 лет». Г. В. Грязнов выступил на ней с докладом о тяжелых социально-экономических последствиях войны и для КНДР, и для Республики Корея. Доклад затем был оформлен им в виде статьи и опубликован в сборнике материалов конференции.

Однако, главное, что более всего занимало Г. В. Грязнова, — современное состояние народного хозяйства КНДР. Как известно, с середины 1990-х годов оно оказалось по разным причинам в тяжелейшем положении, что дало повод для многочисленных спекуляций об «экономическом крахе» республики. Г. В. Грязнов противопоставил им крупную исследовательскую работу «Актуальные проблемы экономического развития КНДР (1980–1990 гг.)», изданную в сборнике статей «Корея на рубеже веков» (М., 2002). В ней вскрыты некоторые внутренние и внешние факторы, обусловившие действительно серьезные экономические трудности, но вместе с тем на многих фактах показано, что страна стремится их преодолеть и добивается в этом определенных успехов, что ее экономика находится в процессе модернизации и обладает необходимым потенциалом развития. Путь ее развития автор видел в рациональном сочетании государственного планового регулирования экономических процессов и механизма рыночных отношений, более активном включении страны в мирохозяйственные связи, тесном приобщении ее к достижениям мирового научно-технического прогресса, оказании республике более действенной помощи развитыми государствами. К сожалению, интересная, во многом новая для Г. В. Грязнова статья увидела свет, когда ее автора уже не было в живых.

Выше сказано о Г. В. Грязнове как об ученом, одном из ведущих специалистов страны по проблемам экономики КНДР, авторе многочисленных трудов. Но он к тому же был ответст-

венным редактором, членом редколлегий ряда коллективных или индивидуальных монографий, сборников статей о Корее, и в меру сил способствовал их изданию. В качестве научного руководителя помог «остепениться» или пройти стажировку в ИВРАН нескольким молодым ученым — россиянам и южно-корейцам. С каждым из них занимался со свойственной ему старательностью, был в курсе всех их дел.

Где бы ни учился или работал Г. В. Грязнов, он всегда был в гуще общественной жизни. Как правило, его везде выдвигали на руководящие выборные должности. Многие годы он входил в Центральное правление Общества советско-корейской дружбы, обычно готовил для Общества информационные материалы о КНДР, рассылавшиеся по первичным организациям. Затем стал членом правления Российского общества дружбы и культурного сотрудничества с КНДР. В общественно-полезных делах, к которым часто привлекались в прошлом ученые ИВРАН (дежурство в народной дружинке по охране общественного порядка, работа в подшефном совхозе, на плодоовощной базе, на субботниках) Г. В. Грязнов всегда являлся организатором и активным участником. В молодости увлекался спортом, о его мастерской игре в волейбол коллеги вспоминают до сих пор.

За 45 лет жизни в корееведении Г. В. Грязновым сделано достаточно много нужного и важного. При возобладавшем ныне в России скептическом отношении к социализму вообще и к его «чужейской» модели, вероятно, не все его взгляды и оценки воспринимаются столь же убедительно, как прежде. Но если даже и так, все равно без обращения к книгам и статьям Г. В. Грязнова не удастся воссоздать со всей научной достоверностью и полнотой социально-экономическую историю КНДР второй половины XX в.

Научная, педагогическая, общественная деятельность Г. В. Грязнова постоянно получала высокую оценку. Его неоднократно отмечали премиями, благодарностями, почетными грамотами дирекция ИВРАН, общественные организации. Он был награжден медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Ветеран труда», «850 лет Москвы», Почетным знаком Общества советско-корейской дружбы.

Г. В. Грязнов был авторитетен в научных кругах своей страны и за рубежом. Его знали и уважали в обеих Кореях, естественно, больше всего — в Северной, где он не раз бывал.

Находясь в Пхеньяне в 1999 г., автор этой статьи встретился с ведущими учеными ряда институтов Академии общественных наук КНДР. В ходе беседы они особенно интересовались работами Г. В. Грязнова, и было приятно слышать их добрые слова и пожелания в его адрес.

В отделе Кореи и Монголии (в разное время он назывался по-разному) ИВРАН, в котором Г. В. Грязнов проработал все 45 лет, его искренне, по-братски, любили. За открытость и общительность, деловые качества и общественную активность, глубокую порядочность и доброжелательность. Столкнувшись с несправедливостью в отношении кого-то из товарищей, он не оставался безразличен, отправлялся в «начальственные» кабинеты и отстаивал там права и интересы коллег.

Автор этих строк не раз испытал на себе доброту и внимательность Г. В. Грязнова. Более других запечатлелся в памяти самый первый случай. Осенью 1957 г., решившись поступить в аспирантуру, автор пришел на экзамен по специальности в ИВРАН. Нетрудно представить, что чувствовал учитель поселковой школы в стенах академического института, в кабинете сектора Кореи, где солидные ученые сидели за столами с книгами и рукописями, вели между собой мудреные беседы. Видимо, заметив, насколько пришедшему не по себе, к нему подошел один из них, молодой, красивый, оживленный, сказал какие-то приветливые, ободряющие слова, пожелал успеха. Робость и напряжение как-то сразу отступили. Читатель, конечно, догадался, что это был Г. В. Грязнов.

Среди достоинств Г. В. Грязнова, ценимых коллективом, два были поистине уникальны. Первое — это его золотые руки. Невозможно сосчитать, сколько часов, очков, бытовых приборов отремонтировал он своим товарищам, не жалея времени и сил. Если что-то надо было починить в рабочих помещениях, за дело, не дожидаясь, пока придут соответствующие работники, брался сам Г. В. Грязнов. На подоконниках в одной из комнат отдела до сих пор растут посаженные им цветы. Кроме того, он еще и неплохо рисовал.

Второе — его хороший голос, сильный и приятный тенор, сохранившийся до преклонных лет. Не раз высказывались сожаления, что в свое время не пришлось ему учиться, развивать несомненные певческие задатки. Но он дарил много радости пением своим друзьям и товарищам. Ни одна дружеская встреча, ни одно праздничное застолье не проходили в отделе без просьб присутствующих к Г. В. Грязнову спеть. И он пел,

охотно и с вдохновением, особенно свой коронный номер — популярный романс «Я встретил Вас...». Послушать его нередко приходили сотрудники соседних отделов.

Всю свою трудовую жизнь Г. В. Грязнов отдал Корее, Коре́йской Народно-Демократической Республике, укреплению взаимопонимания, дружбы и сотрудничества двух наших соседних стран и народов. Он оставил заметный след в науке о Корее, добрую и светлую память о себе в сердцах всех, кто его знал. Хочется верить, что его труды, его стремление быть полезным своей стране и науке по достоинству оценят следующие поколения корееведов.

Ю. В. Ванин

Основные труды Г. В. Грязнова

1. Восстановление и развитие промышленности КНДР в послевоенный период (1953–1956).— Корея. История и экономика. М., 1958.
2. Коре́йская Народно-Демократическая Республика на путях к социализму.— Современный Восток. 1958, № 5. (В соавторстве).
3. Промышленность и положение рабочего класса в Южной Корее.— Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.). М., 1959. (В соавторстве).
4. Изменения общественно-экономического строя в Северной Корее после освобождения (1945–1948 гг.).— Очерки социалистического строительства в Коре́йской Народно-Демократической Республике. М., 1963. (В соавторстве).
5. Социалистическая индустриализация в КНДР (1945–1960 гг.). М., 1966.
6. Некоторые аспекты экономического строительства в КНДР.— Специальный бюллетень Института народов Азии АН СССР № 69. М., 1966. (В соавторстве).
7. Сравнительная характеристика экономического развития Северной и Южной Кореи.— Специальный бюллетень Института народов Азии АН СССР № 9 (100). М., 1969. (В соавторстве).
8. Узы нерушимой дружбы.— Азия и Африка сегодня. 1969, № 4.
9. Экономика КНДР.— Современная Корея. Справочное издание. М., 1971. (В соавторстве).
10. КНДР в первые годы после отечественной войны (1953–1956).— История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 2. М., 1974. (В соавторстве).
11. Построение социалистического индустриально-аграрного государства.— Там же. (В соавторстве).

12. КНДР в период развернутого социалистического строительства.— Там же. (В соавторстве).
13. Строительство материально-технической базы социализма в КНДР. М., 1979.
14. Пролетарский интернационализм и проблемы становления социалистической формации в Монголии, Корее и Вьетнаме. Народно-демократические формы перехода к социализму.— Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии. М., 1983. (В соавторстве).
15. Общее и национально-особенное в строительстве основ социализма в ранее отсталых странах Азии.— Там же. (В соавторстве).
16. Возрастание роли социалистического интернационализма — закономерность социалистического развития. Формы ее проявления в социалистических странах Азии.— Там же. (В соавторстве).
17. Опыт строительства социалистической экономики в странах Азии. М., 1986. (Коллектив авторов).
18. Советский Союз и восстановление народного хозяйства КНДР (1953–1956).— СССР и Корея. М., 1988. (В соавторстве).
19. Корея должна быть единой.— Азия и Африка сегодня, 1996, № 8. (Коллектив авторов).
20. КНДР: тяжелые социально-экономические последствия Корейской войны.— Война в Корее 1950–1953. Взгляд через 50 лет. М., 2001.
21. Актуальные проблемы экономического развития КНДР (1980–1990).— Корея на рубеже веков. М., 2002.
22. The Evolution of the Korean Studies in Russia.— Korea and Russia. Toward the 21st Century. Seoul, Korea, 1992.
23. Изучение экономики Кореи в Советском Союзе.— Корееведение в СССР. Пусан, Корея, 1994 (кор. яз.).
24. The North Korea Studies in the Soviet Union (1945–1990) — The Journal of Unification Studies. Vol. XVII, 1995, Kyongsan, Korea, 1995.
25. Изучение экономики Северной Кореи.— Изучение Кореи в России: история и современность. Сеул, Корея, 1999 (кор. яз.).

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЕЛИСЕЕВ

(1926–1994)

Дмитрий Дмитриевич Елисеев родился в 1926 г. 30 сентября в Старом Петергофе, под Ленинградом, и прожил там до 1942 г. В 1941 г., когда началась война с Германией, его мать, врач, ушла на фронт, и Дима в 14 лет остался один. В 1942 г. его, умиравшего от голода, вывезли из блокадного города по Дороге Жизни и в Вятке положили в больницу, где было много таких, как он, умирающих. К удивлению персонала, Дима выжил, вспомнил номер полевой почты матери и написал письмо ей на фронт. Бумагу в те годы было не сыскать, поэтому он вырвал из книги чистую страницу, описал, где находится и, сложив листок треугольником, отправил, так во время войны посылали письма на фронт. Мать перевели из полевого госпиталя в г. Котельнич (недалеко от Вятки). Оправившись после дистрофии, Дмитрий Дмитриевич окончил среднюю школу и в 1943 г. поступил в авиационное училище. Получив специальность авиационного механика, он добровольцем ушел на фронт. Ему тогда не исполнилось и 19 лет. Со своим полком он прошел через Румынию, Чехословакию, Венгрию, заслужил боевые награды.

Примечательно, что Дмитрий Дмитриевич никогда не говорил о страданиях, страхах или опасностях, не стремился изобразить себя героем, храбрецом. Военные годы в его рассказах (а он был прекрасным, остроумным рассказчиком) полны романтических приключений, а героями были самые разные люди: «Вот летим мы...» — так любил начинать он свои истории, и все мы сразу замирали в ожидании. Д. Д. Елисеев был романтиком: в нашей суетной прагматической жизни он всегда искал необычное, пожалуй, и выбор специальности определился именно стремлением к «необыкновенному».

После войны, возвратившись в Старый Петергоф, они с мамой не нашли ничего — дом сгорел, и все надо было начинать сначала. В Ленинграде им дали маленькую комнатку на Петроградской стороне — метров 12, и Д. Д. Елисеев в 1946 г. поступил в медицинский институт, хотел стать хирургом, но помешала болезнь. Сложная операция на полгода лишила его возможности учиться, а после выздоровления он сделал «резкий поворот» от «практической специальности» врача в сторону гуманитарных знаний, и в 1948 г. поступил в Ленинградский университет на Восточный факультет. Он выбрал корейское отделение — новую специализацию, на которую впервые открыли набор студентов только год назад, в 1947 г. Наверное, Д. Д. Елисеев сделал правильный выбор: филология, да еще с «привкусом экзотики», необычайности, больше подходила его романтической натуре, чем медицина.

После окончания университета в 1953 г. его приняли на работу в Ленинградское отделение Института востоковедения АН. Здесь Д. Д. Елисеев сразу стал участвовать в работе по инвентаризации и описанию корейских рукописей и ксилографов, которые хранились в Институте (нумерация листов в рукописях и записи в инвентарной книге сделаны его рукой). Описание было предпринято О. П. Петровой, специалистом по японскому языку, и вышло в двух выпусках 1956 и 1963 гг.

Работа с рукописной книгой стала главным направлением в научных интересах Дмитрия Дмитриевича. Рукописная книга сформировала его и как переводчика: в 1959 г. в издательстве «Восточная литература» вышла его первая публикация, сборник «Корейские новеллы» — перевод на русский язык корейских рассказов, записанных в конце XIX в. для английского консула в Корее У. Дж. Астона (1841–1911) его учителями корейского языка Ким Чегуком и Пак Чонсином.

Результатом изучения памятников традиционной корейской литературы, которые хранятся в Рукописном отделе Института востоковедения, были три публикации текстов с переводом и исследованием, а также две подготовленных к печати работы по изданию текстов рукописных рассказов из коллекции У. Дж. Астона.

Дмитрий Дмитриевич Елисеев первый открыл путь к публикации уникальных памятников корейской литературы, которые хранятся в рукописной коллекции С.-Петербургского филиала Института востоковедения АН.

Интерес к рассказу привел Д. Д. Елисеева к собраниям литературы *пхэсоль*. Эта литература всегда создавалась только на китайском языке, была распространена вплоть до XX в., а ее первые памятники появились еще в XII в. Сборники *пхэсоль*, как правило, многотомные, содержат короткие рассказы, сюжетные и бессюжетные, самые различные по характеру — от короткой деловой информации до плутовской новеллы. Рассказы не имеют заглавий, они идут, что называется, единым потоком. А это подразумевает, что сборники воспринимались корейским читателем того времени как единый текст. Несомненно, каждый сборник — это выстроенный в слове мир средневекового корейца. Этому оригинальному явлению дальневосточной и, в частности, корейской, культуры Д. Д. Елисеев посвятил большое исследование, которое в 1966 г. он защитил как кандидатскую диссертацию. Диссертация легла в основу его первой монографии «Корейская средневековая литература *пхэсоль*» (1968 г.).

Собрания *пхэсоль* стали главным интересом Дмитрия Дмитриевича. Он выделил из состава сборников новеллу, изучил историю развития этого жанра, описал его особые черты, проштудировав для этого целый ряд сборников (за несколько веков распространения таких собраний появилось множество) и в 1977 г. издал монографию «Новелла корейского средневековья». Работа была защищена как докторская диссертация в 1979 г.

Ранними авторами *пхэсоль* были известные поэты Ли Инно (1152–1220), Чхве Ча (1188–1260), Ли Кюбо (1169–1241), которые составили славу корейской поэзии на китайском языке. Д. Д. Елисеев, задумав воссоздать литературный мир эпохи Корё, в особенности того времени, когда появились первые собрания *пхэсоль*, написал серию очерков, посвященных жизни и творчеству ведущих литераторов — историка Ким Бусика (1075–1151), буддийского монаха, историка Ирёна (1206–1289), поэтов Ли Инно, Чхве Ча и Ли Кюбо. Рассказывая о творчестве поэтов и историков, цитируя их произведения в своих переводах, Д. Д. Елисеев старался представить этих авторов в их отношениях с другими людьми — друзьями и недругами, нарисовать их человеческие характеры. Для этого он привлекал заметки из собраний *пхэсоль*, посвященные частной жизни знаменитых людей, поскольку официальные источники, такие, как, например, «История Корё» (Корё са), описывали известных личностей прежде всего как чиновников на го-

сударственной службе. К сожалению, эта работа не была опубликована, кроме очерка, посвященного Ким Бусику.

Дмитрий Дмитриевич был увлечен литературой *пхэсоль* и делал переводы из сборников не только для исследования. Художественные переводы занимательных историй, юмористических, а порой и очень грустных, стали его любимым занятием. Эти переводы составляли лучшую часть сборников образцов корейской традиционной прозы, которые публиковало Издательство художественной литературы. В переводческой работе реализовались артистизм натуры, чувство юмора и склонность к познанию неизведанного. Д. Д. Елисеев обладал чувством эпохи и ее языка, он никогда не навязывал произведению, которое переводил, свое понимание текста, старался открыть российскому читателю неизвестное ему понимание жизни далекой дальневосточной страны и сам поневоле вживался в эту систему взглядов. Пожалуй, мир своеобразной корейской литературы был для него тем «иным пространством», где находила пристанище его романтическая душа.

Другим увлечением была природа — леса и озера Вуоксы на Карельском перешейке. Д. Д. Елисеев был главным организатором наших институтских поездок за грибами в предрасветный лес с костром и неизменными рассказами о приключениях и забавных случаях из военного прошлого. Позднее начались походы на байдарках — каждый год по новой российской реке. В лодке рядом с ним всегда сидела его любимая собака — овчарка Кара. Д. Д. Елисеев, жил среди суетных житейских забот, а в душе стремился к естественному миру природы — к воде, лесу, костру под ночным небом и творчеству (он ведь писал стихи!) — совсем как корейские поэты прошлого, которые, удалившись от дел, поселялись в провинции, в горах, и там создавали свои *пхэсоль*.

Последние годы Д. Д. Елисеев много пил и очень много курил. Наверное, это болезнь многих российских талантливых людей, особенно тех, чья юность была переломана войной. Война лишила их детства, ранней юности и заставила сразу войти в жестокую взрослую жизнь. Естественно, их души так и не смогли найти умиротворения, хотя внешне все выглядело вполне благополучно — и работа в престижном академическом институте, и «чины», и доходы. Дмитрий Дмитриевич отдал Институту почти сорок лет жизни, но уже тяжело больной, предчувствуя конец, он запретил сообщать о своей смерти в Институт, и никто из нас не был на его похоронах.

Д. Д. Елисеев никогда не был ни в Корее, ни вообще за границей (исключая, конечно, годы войны). Он много времени отдавал работе в Обществе советско-корейской дружбы (в те годы речь шла только о КНДР), но в делегации, которые ездили в Пхеньян от имени этого общества, его не включали. Для этого находились другие, более «достойные» персонажи. Случаи бывали просто анекдотичные. Однажды Д. Д. Елисеева все же пригласили поехать в Пхеньян в составе такой делегации, но потом объявили, что из-за наводнения поездка не состоится. Однако поездка состоялась, просто захотела поехать более «значимая персона». А когда открылся железный «занавес» и ему стали присылать приглашения на конференции Ассоциации корееведения в Европе, Д. Д. Елисеев окончательно отказался от поездок: все это, как он считал, пришло слишком поздно.

Работы Д. Д. Елисеева, особенно его публикации памятников, хорошо знали в Республике Корея и зарубежные корееведы. Ему присылали книги, интересовались его публикациями текстов, но он утратил интерес к связям с зарубежными коллегами и целиком погрузился в свои пхэсол, поставив себе цель перевести весь сборник одного из лучших мастеров этого жанра Сон Хёна (1439–1504). Свою мечту он выполнить не успел. Д. Д. Елисеев подготовил большую публикацию переводов рассказов из шести книг собрания Сон Хёна «Гроздь рассказов Ёнчжэ» (Ёнчжэ чхонхва). Публикация вышла в 1994 г. в журнале «Петербургское востоковедение» уже после того, как Дмитрия Дмитриевича не стало.

Д. Д. Елисеев хорошо известен в корееведении и в востоковедении вообще —

- ◆ как исследователь рукописных и ксилографических памятников сюжетной прозы;
- ◆ как пионер в области издания корейских рукописных текстов;
- ◆ как исследователь традиционной прозы в жанре пхэсол;
- ◆ как переводчик традиционной художественной прозы.

Его вклад в изучение корейской литературы представлен многими работами — книгами и статьями, большая часть которых была издана, но некоторые, к сожалению, так и остались в рукописях. Примечательно, что Д. Д. Елисеев не любил писать статьи. Он «копил» свои наблюдения и раз в несколько лет «выдавал» книгу. При этом перевод и публикация рукописного памятника были его любимым делом: в научных заня-

тиях он отдавал предпочтение «искусству слова» — проблеме адекватной передачи на русском языке «чужого текста». Надо учесть, что понять и перевести рукописный текст — занятие не из легких. И дело тут не только в почерке, скорописи, но и в особенностях языка традиционной литературы, который буквально «забит» образностью, поэтическими выражениями, заимствованными из китайской классической литературы, а записаны все эти «иероглифические цитаты» в корейском чтении. Поэтому текст подчас приходится реконструировать, а потом давать к нему подробные комментарии. Дмитрий Дмитриевич, как правило, успешно преодолевал такого рода трудности.

А. Ф. Троцевич

Основные труды Д. Д. Елисеева

1. Корейские новеллы. Перевод, предисловие и примечания Д. Д. Елисеева. М., Изд. Восточной литературы. 1959.
2. Пэкрён чхохэ. Антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом. Издание текста, перевод и предисловие Д. Д. Елисеева. Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия. М., Изд. Восточной литературы. 1960.
3. Предание о золотом бубенчике, или повесть о том, что можно увидеть, но трудно объяснить. Перевод повести.— Сб. «История о верности Чхунхян». Средневековые корейские повести. М., Изд. Восточной литературы. 1960.
4. Средневековая новелла. Корея. Переводы семи новелл.— Сб. «Восточная новелла». М., Изд. Восточной литературы. 1963.
5. О характере литературы пхэсоль (предварительные соображения о возникновении художественной прозы в Корее).— Народы Азии и Африки. 1966, № 1.
6. Корейская средневековая литература пхэсоль (некоторые проблемы происхождения и жанра). Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. Л., 1966.
7. Корейская средневековая литература пхэсоль (некоторые проблемы происхождения и жанра). М., «Наука». 1968.
8. Обоснованы ли выводы? — «Вопросы литературы». 1969, № 5. (В соавт. с М. Никитиной и А. Троцевич).
9. Очерк в корейской средневековой литературе пхэсоль (черты жанра) — Сб. «Жанры и стили литератур Китая и Кореи». М., «Наука». 1969.

10. Черепаховый суп. Перевод рассказов.— Сб. «Черепаховый суп». Корейские рассказы XV–XVII вв. Л., «Художественная литература». 1970.
11. О некоторых средствах характеристики в корейской средневековой новелле пхэсоль (XV–XVII вв.).— Сб. «История культуры, языки народов Востока». М., 1970.
12. Чхое Чхун джон («Повесть о верном Чхое»). Факсимиле корейской рукописи, перевод, предисловие и комментарий Д. Д. Елисеева. Памятники письменности Востока. М., «Наука». 1971.
13. Пхэгван сосоль — Краткая литературная энциклопедия. 1971, т. 6.
14. Пути корейской новеллы. Предисловие к сборнику и перевод рассказа Ким Со Епа «Честь рыбака». — Сб. «Жили такие люди». Новеллы корейских писателей. М., «Наука». 1971.
15. К вопросу о роли Ким Си Сыпа в становлении жанра корейской средневековой новеллы (XV в.).— Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докладов научной конференции. Л., 1972.
16. Корееведение. (Совм. с М. И. Никитиной).— Сб. «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР». М., «Наука». 1972.
17. К вопросу о роли Ким Си Сыпа в становлении жанра корейской средневековой новеллы.— Сб. «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». М., «Наука». 1974.
18. Ним чангун джон («Повесть о полководце Ниме»). Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с корейского, предисловие и комментарий Д. Д. Елисеева. Памятники письменности Востока. М., «Наука». 1975.
19. Корейская классическая проза. Переводы рассказов из собраний пхэсоль и сочинений Пак Чивона.— «Классическая проза Дальнего Востока». Сер. Библиотека всемирной литературы. М., «Художественная литература». 1975.
20. Со Го Джон — Краткая литературная энциклопедия. 1978, т. 9.
21. Новелла корейского средневековья (эволюция жанра). М., «Наука». 1977.
22. Сюжет и автор. К вопросу об авторстве Ким Джегука и Пак Чонсика.— Сб. «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., «Наука». 1978.
23. Новелла корейского средневековья (эволюция жанра). Автореф. докт. дис. М., 1979.
24. Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Перевод романа.— Сб. «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах». Л., «Художественная литература». 1985.

25. К вопросу о роли рукописной книги в культуре Кореи.— «Рукописная книга в культуре народов Востока». Кн. 2. М., «Наука». 1988.
26. История цветов. Переводы эссе Ли Кюбо; рассказов из собраний пхэ-соль; рассказа Ким Сисыпа «Заглянул за ограду»; рассказа Пак Чивона «Отповедь тигра».— Сб. «История цветов». Л., «Художественная литература». 1991.
27. Гроздь рассказов Сон Хёна. Вступительная статья, перевод и комментарий.— «Петербургское востоковедение». Вып. 5. СПб., 1994.
28. Заметки о Ким Пусике.— «Вестник Центра корейского языка и культуры». Вып 2. СПб., 1997.
29. Переводы рукописей рассказов Ким Чегука. Изд. текстов, пер. рукописей С-13 и В-34, предисл. и примеч. 1981. (Рукопись).
30. Переводы рукописей рассказов Пак Чонсика. Изд. текстов, пер. рукописи С-5, предисл. и примеч. 1981. (Рукопись).
31. Средневековые писатели Кореи (период Корё, X–XIV вв.). 1986. (Рукопись).

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ КАЗАКЕВИЧ

(1920–1997)

Время, как известно, категория переменчивая. А в нашу эпоху рыночных ценностей и широкой демократии еще быстрее все изменяется и забывается. Но, как бы это ни было, давайте с уважением и благодарностью вспомним, как и с чего начиналось наше послевоенное корееведение, и тех, кто стоял у его истоков. Одним из таких основоположников экономических исследований по Южной Корее является Игорь Степанович Казакевич. Он разделил со своим поколением все его достоинства, достижения, заблуждения и иллюзии, и остался в нашей памяти как пример бескомпромиссного служения науке.

Как сейчас помню, когда я его в первый раз увидела, то меня сразу поразило какое-то необычное, но очень симпатичное сочетание молодого ироничного взгляда и абсолютно седых волос. Чувствовалось, что этот человек знает о жизни что-то такое, что позволяет ему смотреть на все оптимистично, с некоторой долей иронии и легкой насмешки. Между тем, Игорю Степановичу было нелегко: после ранения на фронте он потерял почти все пальцы на руках, и писать пришлось учиться заново. Он очень любил жизнь, хорошую компанию душевных друзей, к коллегам и товарищам по работе относился внимательно, с душевной теплотой и никогда не отказывался их выслушать и дать совет по любому поводу. Можно сказать, что он был душой всего коллектива, в первую очередь, Отдела социалистических стран Азии, и пользовался заслуженным авторитетом среди научной общественности института и за его пределами.

Игорь Степанович Казакевич родился 20 ноября 1920 г. в г. Омске. После окончания средней школы в 1939 г. поступил в Московский кредитно-экономический институт. Однако учиться по этой специальности не стал, так как вскоре, в ноябре 1939 г., был призван в Советскую Армию. Судьба Игоря

Степановича во многом типична для людей его поколения. Время было тревожное. И вот Игорь Степанович до мая 1940 г. учился в Оршанской окружной школе младших авиаспециалистов, а затем с начала Великой Отечественной войны до 1943 г. служил авиамотористом в авиационном полку скоростных бомбардировщиков на Западном, Ленинградском и Северном фронтах. Дальнейшая военная судьба Игоря Степановича была связана с учебой в военно-морском авиатехническом училище в г. Молотове (ныне Пермь) в 1944 г. и службой до июня 1945 г. в смешанном авиационном Киркинесском Краснознаменном полку Северного фронта. За период службы в рядах Красной Армии он принимал участие в боях на Западном фронте (1941 г.), Ленинградском фронте (1942 г.), в боевых операциях Северного флота (1942, 1944, 1945 гг.). Игорь Степанович был награжден боевыми наградами: орденом «Красная звезда» и медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др. В июле 1945 г. Игорь Степанович вступил в КПСС. После войны Игорь Степанович был выдвинут на политическую работу и в декабре 1946 г. демобилизован из армии.

В 1948 г. Игорь Степанович поступил в Московский институт востоковедения и выбрал редкую по тем временам специализацию — корееведа. С этого периода вся его жизнь была тесно связана с советским кореведением. В 1953–1956 гг. он проходил обучение в аспирантуре Института востоковедения АН СССР. И в отведенный срок 2 июля 1956 г. им была успешно защищена кандидатская диссертация по теме: «Аграрные отношения в Корее накануне Второй мировой войны (1930–1939 гг.)».

С августа 1956 г. он зачислен в штат института младшим научным сотрудником сектора истории и экономики Монголии и Кореи. Но Игорь Степанович недолго задерживается на этой первой ступеньке своей научной карьеры. В 1961 г. ему было присвоено звание старшего научного сотрудника по специальности экономиста. С 1958 г. Игорь Степанович вел большую общественную работу, являясь сначала членом партбюро, а впоследствии, в течение ряда лет, и секретарем партийной организации Института востоковедения АН СССР. С начала 1970-х и до второй половины 1980-х годов Игорь Степанович бессменно руководил работой отдела Кореи, Монголии и Вьетнама (отдела социалистических стран Азии). Он зарекомендовал себя как хороший руководитель, чутко определявший на-

строения и возможности научного коллектива, и прекрасный организатор научного процесса. Он вышел на заслуженный отдых в 1991 г.

Сфера научных интересов Игоря Степановича не ограничивалась только изучением аграрной проблематики Кореи и ее южной части. Большое внимание уделялось и проблемам развития взаимоотношений Советского Союза с соседними странами и, в первую очередь, с КНДР, МНР и СРВ. Первая монография Казакевича была посвящена аграрным отношениям в Корее накануне Второй мировой войны. Она вышла в 1958 г. и в основном представляла собой книжный вариант кандидатской диссертации. В 1964 г. он опубликовал еще одну монографию по этой теме — «Аграрный вопрос в Южной Корее». Игорь Степанович систематизировал и обобщил свои исследования по этой проблематике в последней своей монографии «Аграрные отношения в Южной Корее: 1945–1976» (М., 1980).

Автор глубоко проанализировал в ней социальные изменения в структуре южнокорейского крестьянства в пореформенный период, показал состояние основных отраслей сельскохозяйственного производства Южной Кореи, рассмотрел планы и программы южнокорейского правительства (землеустройство, ирригация, механизация и химизация) в области сельского хозяйства. В критическом плане в книге была рассмотрена аграрная политика южнокорейского правительства, представлены отдельные аспекты экономического соревнования между Северной и Южной Кореей.

По истечении двадцати лет трудно представить, что означало в те годы для советского корееведа «позитивно оценить успехи сельского хозяйства Юга», даже если и прикрыться такой отговоркой, что «оно не избавилось от многих своих хронических недугов». Это понятно только тому поколению корееведов, которые работали в то время, когда любые подобные оценки и признания каких-либо достижений Южной Кореи в открытой, в том числе и научной, печати просто не допускались. Сегодня это одно из свидетельств того, что Игорь Степанович и тогда стремился быть объективным и по возможности принципиальным в исследовании поставленной проблемы.

А некоторые положения и выводы его работы не только сохранили свою научную актуальность, но и, более того, в свете современных рыночных реформ они обрели для России неожиданную практическую значимость. Например, такое его положение, что «с кооперирования в Южной Корее начинается

превращение сельского хозяйства в государственно-капиталистический сектор экономики». Этот тезис интересен для более детального изучения и в наши дни. Когда государственное вмешательство в экономическое развитие страны признано вредным и потерявшим эффективность, а рынок сметает в эпоху глобализации последние опоры государства в национальных экономиках, это соображение и опыт Южной Кореи 1970-х годов, на первый взгляд, кажутся несовременными. Но, возможно, следовало бы, присмотреться к южнокорейским урокам более внимательно. Как поднимала свое сельское хозяйство Южная Корея, как происходила его капитализация, какие последствия для аграрного хозяйства повлекло вхождение страны в мировой рынок и как Южная Корея сегодня стремится поддержать своего производителя в условиях все новых витков либерализации в рамках ВТО? В работах Игоря Степановича можно получить ответ на многие из этих вопросов, а также почерпнуть интересный материал для размышления при разработке соответствующих задач, стоящих перед современной Россией.

После И. С. Казакевича никто из российских корееведов так глубоко и всесторонне не анализировал южнокорейский опыт в этой важной отрасли экономики Республики Корея. И совершенно напрасно. Здесь, по-прежнему, немало аспектов для научного осмысления и практического применения, которыми не следовало бы пренебрегать при нашем спонтанном движении к рынку и к вступлению в ВТО.

С. С. Сулина

Основные труды И. С. Казакевича

Монографии и статьи

1. Аграрные отношения в Корее накануне второй мировой войны. М., 1958.
2. Аграрный вопрос в Южной Корее. М., 1964.
3. Аграрные отношения в Южной Корее. 1945–1976. М., 1980.
4. Аграрная политика южнокорейского правительства и состояние сельского хозяйства. — Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958). М., 1959. (В соавторстве).
5. Развитие капитализма в сельском хозяйстве колониальной Кореи на примере эволюции арендной системы. — Доклады советских делегатов на 25 Международном конгрессе востоковедов в Москве. М., 1960.

6. Корея под гнетом японского империализма.— Очерки социалистического строительства в Корейской Народно-Демократической Республике. М., 1963. (В соавторстве).
7. Экспансия США в Южной Корее.— Политика США в странах Дальнего Востока. М., 1964. (В соавторстве).
8. Экономика Южной Кореи в тисках американской «помощи».— Корея: Север и Юг. М., 1965. (В соавторстве).
9. Продовольственная проблема в Южной Корее.— Продовольственная проблема в странах Азии и Северной Африки. М., 1968.
10. Экономика КНДР.— Современная Корея. Справочное издание. М., 1971. (Совместно с другими авторами).
11. Экономика Южной Кореи.— Современная Корея. Справочное издание. М., 1971. (Совместно с другими авторами).
12. Экономика Южной Кореи: состояние производительных сил, аграрная политика правящих кругов.— История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 2. М., 1974.

Редакторская работа

1. Дальний Восток: история и экономика. Сборники статей. М., 1958, 1974, 1977, 1981.
2. Страны Дальнего Востока: история и экономика. Сборники статей. М., 1971, 1973.
3. Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Сборники статей. М., 1967, 1969, 1971.
4. Страны Юго-Восточной Азии (история и экономика). М., 1972.
5. Описание Кореи (сокращенное переиздание). М., 1960.
6. Современная Корея. Справочное издание. М., 1971.

В составе редакционных коллегий — сборники «Освобождение Кореи». М., 1976; «За мир на земле Кореи». М., 1976; «Отношения Советского Союза с народной Кореей (1945–1980 гг.). Документы и материалы». М., 1981.

ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ КИМ

(1924–1989)

Георгий Федорович Ким родился 3 ноября 1924 г. в селе II-е Синельниково Покровского района Приморского края в крестьянской семье. Отец, Ким Федор, до Октябрьской революции крестьянствовал, а в годы Советской власти, закончив курсы бухгалтеров, работал в системе потребсоюза Дальневосточного края. Мать, Ли Ирина Ивановна, была домохозяйкой.

В 1939 г., после окончания семилетней школы, Г. Ф. Ким поступил в Землеустроительный техникум в г. Петропавловск (Казахской ССР), который окончил в 1942 г. В том же году был принят на годичные курсы преподавателей истории, организованные Наркоматом просвещения Казахской ССР, по окончании которых в 1943 г. его направили в Архангельскую среднюю школу (Казахская ССР), где он работал до 1947 г. преподавателем, а затем заведующим учебной частью. В том же 1947 г. Г. Ф. Ким с отличием закончил исторический факультет Омского педагогического института, где проходил заочное обучение с 1945 г. В 1947–1949 гг. работал преподавателем, старшим преподавателем кафедры истории Петропавловского учительского Института.

В 1949 г. Г. Ф. Ким поступил на учебу в аспирантуру Тихоокеанского института (впоследствии слившегося с Институтом востоковедения) АН СССР. В 1952 г. после защиты кандидатской диссертации по теме: «Помощь Советского Союза в экономическом и культурном строительстве Кореической Народно-Демократической Республики (1945–1950 гг.)» был принят на работу в качестве научного сотрудника в Институт востоковедения АН СССР.

В 1957 г. был назначен заведующим сектором Кореи отдела Кореи, Монголии и Вьетнама Института, а в 1961 г. — заве-

дующим вышеупомянутого отдела. В 1964 г. Георгию Федоровичу была присуждена ученая степень доктора исторических наук (тема диссертации: «Рабочий класс Кореи в революционном движении и социалистическом строительстве»), в 1965 г. утвержден в ученом звании профессора по специальности «всеобщая история». В 1976 г. Г. Ф. Ким был избран членом-корреспондентом АН СССР.

В 1972–1982 гг. возглавлял отдел общетеоретических проблем социально-политического развития стран Азии ИВ РАН.

С 1978 г. до 1989 г. являлся первым заместителем директора, а в 1985–1987 гг. — исполняющим обязанности директора Института востоковедения АН СССР.

Многогранная и поистине кипучая деятельность Георгия Федоровича на научном поприще выдвинула его в ряды крупнейших советских историков-востоковедов, получила высокую оценку, как в отечественных, так и зарубежных научных кругах. Общеизвестно, что его труды (230 публикаций, в том числе 29 книг и брошюр), а также подготовленные под его руководством и при непосредственном участии коллективные работы внесли большой вклад в разработку фундаментальных проблем места и роли стран Востока во всемирно-историческом процессе, в формирование теории национально-освободительного движения, формационного развития и революционного процесса в афро-азиатском мире.

В монографических трудах и многочисленных статьях Г. Ф. Кима исследуется обширный круг сложных и малоизученных проблем истории, экономики, социальной структуры, особенностей классовой борьбы, изменений базиса и политической надстройки общества на Востоке, закономерностей взаимодействия социалистической системы и освободившихся государств, революционного движения в афро-азиатском регионе. Труды Георгия Федоровича отличались сочетанием тщательного анализа конкретных фактов с глубиной теоретического их обобщения, творческим аналитическим подходом, критической заостренностью.

Первые монографические работы Г. Ф. Кима («Борьба корейского народа за мир, национальное единство и демократию», «Рабочий класс новой Кореи», «Рабочий класс Кореи в революционном движении и социалистическом строительстве»), вышедшие в 50-х — начале 60-х годов, посвящены анализу национально-освободительного и революционного движения в Корее. В них на огромном фактическом материале

рассматривается специфика становления народно-демократической власти в КНДР в условиях искусственного расчленения страны, характер социально-экономических реформ, роль рабочего класса, значение помощи молодой республике со стороны Советского Союза. Эти исследования внесли большой вклад в изучение новейшей истории Кореи, а также в выявление общего и особенного в освободительном процессе на Востоке.

Существенным вкладом в советское востоковедение стал его фундаментальный труд (написанный в соавторстве с Ф. И. Шабшиной) «Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока» (1967), где впервые был творчески проанализирован и обобщен опыт социальных революций на Востоке, всесторонне показана роль СССР в победе социализма на севере Кореи, в Монголии, Вьетнаме. Важной вехой в научной деятельности Г. Ф. Кима явилось опубликование в 1969 г. обобщающей монографии «Ленинизм и национально-освободительное движение» (в соавторстве с А. С. Кауфманом). В этой работе им одним из первых была представлена широкая картина распространения марксистско-ленинского учения, становления и развития коммунистического движения в странах Азии и Северной Африки.

Исследование Г. Ф. Кимом ключевых аспектов типологии, особенностей народной демократии на Востоке, динамики перерастания народно-демократической революции в социалистическую, характера движущих социальных сил нашло свое воплощение в разработке таких базисных проблем, как роль государства в перестройке колониальной структуры экономики, в преобразовании крестьянства и интеллигенции, в революции в области культуры, значение внешнеэкономических связей и политического сотрудничества с государствами социалистической системы. Многолетние исследования этих вопросов были им подытожены в обобщающей работе (в соавторстве с Ф. И. Шабшиной) «Союз рабочего класса и крестьянства и опыт социалистических стран Азии» (1977).

Важнейшим направлением научного поиска Г. Ф. Кима, в рамках которого он выступил одним из пионеров-исследователей, стали также анализ генезиса, эволюции и перспектив развития стран социалистической ориентации, разработка теории некапиталистического пути их развития. В фундаментальной монографии «От национального освобождения к социальному» (1982) им тщательно исследованы основные вехи истории

революционного движения в странах Востока, рассмотрены вопросы качественного обновления движущих сил национально-демократической, народной революции с выходом на социалистическую перспективу развития.

Георгий Федорович являлся одним из научных руководителей и авторов наиболее крупных теоретических исследований, проводимых советскими востоковедами на протяжении четверти века. К ним относятся, в первую очередь, коллективные труды «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока» (1966), трехтомная «История национально-освободительного движения» (1968), «Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока» (1970), «Ленинизм, классы и классовая борьба в странах Востока» (1973).

Большое внимание Георгий Федорович уделял разработке важнейших направлений государственного плана деятельности ИВ АН СССР. В рамках этих направлений следует отметить подготовленные под его руководством и при его авторском участии ряд коллективных обобщающих трудов: в 1980–1981 гг. опубликованы четыре книги серии «Пути развития освободившихся стран Востока», посвященные эволюции идеологии национализма, проблемам рабочего класса, интеллигенции, государственно-капиталистического предпринимательства, в 1981 г. — две книги серии «СССР и страны Востока», а также трехтомная коллективная монография «Зарубежный Восток и современность», в 1982–1983 гг. изданы три крупные работы — «Социалистическая ориентация освободившихся стран (некоторые вопросы теории и практики)», «Восток: рубеж 1980-х годов. (Освободившиеся страны в современном мире)», «Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии». Названные публикации получили в тот период высокую оценку специалистов и общественности как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Среди них следует выделить трехтомник «Зарубежный Восток и современность». В нем обобщены обретенные к тому времени советской востоковедной наукой достижения в области изучения теории формаций на материалах современного Востока, ключевых вопросов социально-политических процессов в освободившихся странах.

Читатель не мог не обратить внимание на тот факт, что значительную часть своей научной жизни и творческой энергии Георгий Федорович посвятил ставшим в последние годы не «модными» темам некапиталистического пути развития стран

Востока, освободившихся от колониальной зависимости, закономерности их взаимодействия с социалистической системой. Сейчас порой высказываются в том духе, что проблематика эта была исключительно плодом сверхидеологизации советской науки, в настоящее время она утратила не только свою актуальность, но и вообще какую-нибудь научную ценность. Позволю себе не согласиться с подобными рассуждениями.

Во-первых, объективный читатель не может не отметить исключительно высокий научный уровень исполнения упомянутых выше произведений Г. Ф. Кима.

Во-вторых, все они были посвящены реально существовавшим в период их написания явлениям, представлявшим собой одну из важнейших составляющих глобального противоборства капиталистической и социалистических систем.

В-третьих, не вызывает сомнения тот факт, что и после крушения мировой системы социализма острота противоречий между Севером и Югом не только не ослабла, но и имеет тенденцию к обострению. То же можно сказать и о росте «горючего материала» и конфликтности во многих регионах афро-азиатского мира. Все это не позволяет исключать возможности проявления новых форм отстаивания этими странами и народами национальной идентичности в рамках тех или иных вариантов некапиталистической модели развития, ориентирующихся в том числе и на успешный опыт хозяйственного строительства все еще социалистических Китая и Вьетнама.

В-четвертых, очевидно и то, что данная проблематика представляла собой «терра инкогнита», целину принципиально нового материала, осмысление которого требовало от исследователя и научной смелости, и поистине творческого духа. Одно это обстоятельство выгодно отличает вышеотмеченные труды от ставшего в последние годы довольно модным в отечественной литературе зачастую бездумного, некритического копирования западных концепций и моделей.

Широкое признание получила научная деятельность Г. Ф. Кима за рубежом. С интересом были восприняты научной общественностью многих стран мира многотомное издание «СССР и страны Востока», авторский коллектив которого он возглавлял, вышедший под его редакцией седьмой том издания «Международное рабочее движение». Под его руководством для издания на иностранных языках были подготовлены такие коллективные монографии, как «Пролетар-

ский интернационализм и строительство социализма в ранее отсталых странах», «Идеология современных национальных демократий».

Георгий Федорович участвовал в работе Международного семинара историков-марксистов в Праге, входил в состав всех советских делегаций на Международных конгрессах востоковедов, выступал на многочисленных симпозиумах, посвященных международным проблемам, — в СССР, США, Японии, ФРГ и других странах. Он был неоднократным участником теоретических конференций, организованных журналом «Проблемы мира и социализма». Его выступления и научные труды снискали ему международную известность и высокий авторитет во многих зарубежных, в частности, японских научных центрах. Ряд его книг переведены на национальные языки США, Японии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии и других стран. Он был избран почетным доктором университета «Рицумейкан» (Япония, г. Киото).

Г. Ф. Ким неизменно сочетал большую научно-исследовательскую и научно-организационную деятельность с подготовкой научных кадров и плодотворной преподавательской работой. В течение тридцати лет он в качестве профессора читал лекции по проблемам истории и современного положения Кореи в Институте стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова, участвовал в разработке пособий для студентов. В частности, в соавторстве с А. А. Губером и А. Н. Хейфецом он издал учебник «Новая история стран Азии и Африки». Как научный руководитель, он подготовил большую группу советских и иностранных ученых-специалистов в области корееведения и современных проблем общественного развития стран Востока. К 1984 г., по данным Отдела аспирантуры ИВ РАН, под научным руководством Георгия Федоровича были подготовлены и успешно защищены восемнадцать кандидатских и три докторских диссертации по различным историческим дисциплинам. Многие ныне работающие ученые и преподаватели РФ и других стран СНГ считают себя его учениками, хотя формально и не были его студентами и аспирантами.

Любимым детищем Георгия Федоровича был журнал «Азия и Африка сегодня», главным редактором которого он являлся с 1974 г. до последних дней своей жизни. Под его руководством журнал, который издавался на трех, а в отдельные годы и на шести языках, стал популярным в СССР

и за рубежом, прежде всего в афро-азиатских странах, академическим изданием, привлекательной для многих отечественных и иностранных авторов трибуной, где происходил плодотворный обмен идеями, важным информационным органом, популяризатором достижений советской востоковедной науки. По его инициативе журнал был принципиально реорганизован, обогатилась тематика публикуемых материалов, в результате чего значительно расширился круг читателей.

В течение многих лет Г. Ф. Ким был членом и председателем Ученого совета и Специализированного Ученого совета, а также членом ряда научных советов АН СССР. С 1977 г. он являлся членом Бюро Отделения истории АН СССР, заместителем председателя Всесоюзной ассоциации востоковедов. Он вел активную деятельность в качестве члена Президиума и заместителя председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, вице-президента Советской ассоциации дружбы со странами Южной и Юго-Восточной Азии, заместителя председателя Общества советско-корейской дружбы. Его лекторский талант был признан в Москве и многих регионах Советского Союза, где он был частым гостем как по линии Общества «Знание», так и ЦК КПСС.

Научная и общественная деятельность Г. Ф. Кима были отмечены высокими правительственными наградами: орденами Трудового Красного знамени (1975) и Октябрьской революции (1984), пятью медалями (одна из них — монгольская). В 1980 г. он был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР за выполнение ряда работ по международной проблематике.

Представляется необходимым подчеркнуть, что за изложенными выше сухими строками, содержащими в значительной мере простое перечисление достижений и заслуг героя нашего очерка, кроется исключительно благородная, обаятельная и душевно щедрая личность Георгия Федоровича Кима. За те годы, когда он занимал пост секретаря партийной организации, руководящие административные должности в Институте, практически все сотрудники убедились на собственном опыте, что Георгий Федорович — поистине Человек с большой буквы, к которому можно смело обращаться со всеми своими профессиональными проблемами и житейскими бедами и рассчитывать при этом на равнодушную реакцию и действенную помощь.

О выдающихся человеческих качествах Георгия Федоровича можно вспоминать очень много. Есть что рассказать и автору этих строк, которому посчастливилось быть учеником Г. Ф. Кима в МГУ и помощником в ИВ РАН. В частности, о том, каким кумиром был он среди студенчества, о поражавшем всех нас благородстве его личности, хотя бы о том, как он, первый заместитель директора крупнейшего академического Института и член-корреспондент АН СССР, пунктуально прибывал в ИСАА при МГУ, чтобы провести полнокровное, в высшей степени содержательное и увлекательное занятие с четырьмя, порой двумя, а иногда и одним студентом корейской группы исторического отделения. Вот реальный и незабываемый пример осуществлявшегося им «штучного» образования на высочайшем уровне.

Однако нам представляется более уместным в данном случае предоставить слово людям, самым оставившим яркий след в отечественной науке, а главное, дольше и ближе знавших Г. Ф. Кима, являвшихся его друзьями и соратниками на протяжении десятилетий.

К их числу относится Георгий Хосроевич Шахназаров, бывший, как известно, на последнем этапе своей неординарной карьеры ближайшим советником первого и последнего президента СССР М. С. Горбачева. В своих мемуарах «С вождями и без них» (М., 2001. С. 58–59, 64), вспоминая лучших друзей по аспирантскому общежитию, он оставил весьма яркие зарисовки о Георгии Федоровиче, вроде того, что «Ким, опубликовав очередную статью, звал к себе на сабантуй чуть ли не весь этаж». В этой же книге им дана и более развернутая его характеристика: «Д'Артаньяном в этой „мушкетерской четверке“, одной из тех, что гуляют по романам и в бесчисленном количестве воспроизводятся жизнью, был Ким. Гу Фу, как мы его называли, обладал качествами прирожденного лидера. Без колебаний решал стратегический вопрос: пойти по девочкам или сесть за карты? Брался за организацию Нового года, прочих праздников и просто компанейских застолий. Проявлял участие и первым бросался на выручку товарищам. Чаще других водил в ресторан и щедро одалживал деньги, когда они заводились».

А это случалось у него чаще, чем у других. Ким занимался историей КНДР... С началом корейской войны у него не было отбоя от приглашений написать статью или прочесть лекцию. Как-то у него разболелись зубы, пришлось выступать с повяз-

кой на щеке. Один из слушателей спросил, не вернулся ли уважаемый лектор прямо с фронта. „Это частный вопрос,— нашелся Ким,— подойдите ко мне после лекции“. Аудитория приняла ответ за скромность и устроила ему овацию. Потом он честно пояснил любопытному, в чем дело.

Сколько знаю, его любили все, кто с ним трудился. Когда Гафуров ушел с поста директора Института востоковедения, коллектив однозначно высказался за назначение Кима. Отделение истории Академии тоже было настроено в его пользу. Но шел месяц за месяцем, а он оставался „и. о.“, его кандидатуру наглухо заблокировали в Отделе науки. За него ходатайствовали многие. Я добился заверения Русакова о поддержке, но, не слишком ему веря, пошел к Зимянину, курировавшему идеологию. Михаил Васильевич, побывав в редакторах „Правды“, был прост в обращении, даже чуть бравировал мнимой принадлежностью к журналистской братии. Никакие мои доводы его не брали. Сначала увертывался, валил на кого-то „наверху“, потом все-таки выложил причину — он кореец, а на востоковедении должен сидеть русский. Я позволил себе несколько резких выражений, после чего он заявил, что таким тоном не разговаривают с секретарем ЦК. И припомнил мне позднее.

В конце концов нашли хорошего директора — Евгения Максимовича Примакова. Он сам был в дружеских отношениях с Кимом и постарался смягчить нанесенную ему обиду. Георгий Федорович не был карьеристом, но тяжело пережил очевидную несправедливость. Боюсь, эта история ускорила его кончину».

В этом колоритном фрагменте верно отражены суть проблемы, дух Георгия Федоровича и настроение коллектива Института. Однако вкралась досадная хронологическая неточность. История с несостоявшимся назначением Г. Ф. Кима на пост директора Института востоковедения произошла после ухода не Б. Г. Гафурова, а сменившего его Е. М. Примакова.

В ряду наиболее полных, профессионально достоверных и, вместе с этим, эмоциональных воспоминаний выделяется статья «Наш товарищ Георгий Федорович Ким (1924–1989)», написанная одним из ведущих советских историков-корееведов, близким другом, соратником по ИВ АН СССР, соавтором нескольких книг Г. Ф. Кима Фаней Исааковной Шабшиной и опубликованная в книге «О коллегах и товарищах. Москов-

ские востоковеды 1960–1980-х годов». (М. 1994 г., с. 20–37). Они, на наш взгляд, несомненно будут весьма интересны читателю и достойны того, чтобы быть воспроизведенными с незначительными сокращениями.

«Трудно написать об этом человеке в прошедшем времени. Сложно подыскать слова, способные хотя бы как-то обозначить его благородный облик; неоценим его вклад в науку, в формирование нового поколения отечественных ориенталистов; многогранна его общественная деятельность.

Предвижу, что меня могут обвинить в субъективизме, в идеализации образа Георгия Федоровича Кима. Что ж, это их дело. Но мое право и долг рассказать то, что я знаю об этой подлинной звезде востоковедения, а источник, которым я при этом пользуюсь,— память о совместной сорокалетней работе и дружбе...

В 1949 г. Г. Ф. Ким поступил в аспирантуру Тихоокеанского института АН СССР по специальности «новейшая история Кореи».

Корееведение тогда еще не было самостоятельной отраслью ориенталистики. Современность нашла отражение лишь в многочисленных, правда, весьма ярких, проникнутых революционной романтикой статьях, опубликованных в разных периодических изданиях, небольших брошюрах. В конце 1930-х годов подавляющее число их авторов — публицистов, педагогов, работников международных революционных организаций — были арестованы, и наступила довольно длительная пауза в изучении страны. После освобождения Кореи вновь появились статьи, брошюры, а затем и первые монографии, посвященные преимущественно событиям, происходящим в стране, и международному аспекту корейской проблемы. Эти вопросы стали предметом исследования в Тихоокеанском институте.

Об этом Институте следует сказать особо. В нем трудилось всего 14–15 человек, но он объединял подлинных подвижников науки. Вокруг Института группировались преподаватели вузов, специалисты из практических организаций. Достаточно назвать основное ядро «тихоокеанцев», стоявших у истоков института,— Е. М. Жуков, А. А. Губер, А. М. Дьяков, И. М. Рейснер, А. Л. Гальперин, Б. К. Рубцов...

Здесь Георгий Федорович и начал свой путь в большую науку. Определили тему его диссертации: «Помощь Советского Союза в экономическом и культурном строительстве Корей-

ской Народно-Демократической Республики (1945–1950)», а научным руководителем назначили Николая Кононовича Вайнцвайга, япониста широкого профиля, буквально начиненного самыми неожиданными идеями, ученого с ярлыком еретика, с характером яростного «драчуна», человека с большой, доброй душой. Николай Кононович заражал своего подопечного жадой поиска и впоследствии весьма гордился учеником. Часто шутил: «Не знаю, кто кого вел. Не случайно говорят: «Учитель, подготовь ученика, чтобы было у кого потом поучиться». Не могу не сказать и о том, с какой благодарностью Георгий Федорович вспоминал своего руководителя.

В Институте Г. Ф. Кима приняли радушно. Маленький коллектив почти все обо всех знал. Было известно, что в Северном Казахстане у Г. Ф. Кима осталась большая семья — жена, трое детей и старая мать — и наряду с диссертационными делами он вынужден работать. Видели и другое — с каким достоинством Г. Ф. Ким держался, скрывал свои трудности, отказывался от помощи друзей.

Он часто выступал с публичными лекциями и полюбился слушателям. Однако сделать доклад в Институте о положении в Корее, помню, скромно отказался: «Что нового я могу рассказать ученым?» Довольно долго он отмалчивался, прислушивался и много работал. «Это многообещающий аспирант», — не единожды предрекали «тихоокеанцы».

Внешне казалось, что все складывается у Г. Ф. Кима довольно удачно. Но внутри у него была большая незаживающая рана: национальная ущемленность, чувство и осознание острой несправедливости. Ведь все корейцы находились фактически под гласным надзором. Счастливым, оказавшимся в Москве, надлежало проходить ежегодную и ежемесячную перерегистрацию. Существовали другие унижительные ограничения. Угнетало молодого ученого изгнание из насиженных мест, утрата родного языка, страдало национальное самолюбие. Представляю его радость, если бы он дождался принятия Декларации Верховного Совета СССР, признающей незаконными и преступными репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению, и об обеспечении их прав. Он верил, что справедливость рано или поздно восторжествует. К сожалению, до этого дня он не дождался.

Однажды, когда ему поручили выступить на периферии в качестве лектора ЦК КПСС, Георгий Федорович обратился с

письмом к Суслову, в котором спрашивал: почему его используют лектором Центрального Комитета партии, а жить в Москве семье не разрешают? Возмущенный, он рассказал о своем отчаянном поступке. В то время это был поступок, ибо вопрос в письме звучал не только лично, но обобщенно. Хорошего не ждал. «Готов ко всему», — говорил он. Но неожиданно Г. Ф. Ким получил положительный ответ. И в 1952 г. семья Г. Ф. Кима переехала в Подмоскowie (на станцию Перловка), где они снимали небольшую комнатуху. Он уже был кандидатом наук. Однако материальных и иных трудностей не убавилось.

Корееведение в то время пополнялось молодыми способными кадрами, и довольно скоро Г. Ф. Ким вырос в его признанного руководителя. Возглавленный им сектор Кореи в Институте востоковедения, куда влился Тихоокеанский институт, приложил немало усилий к тому, чтобы по примеру последнего сгруппировать вокруг себя специалистов из других научных учреждений и вузов Москвы и Ленинграда, из практических организаций. И вскоре ему удалось превратиться в центр корееведения.

Все нагляднее проявлялся дар Г. Ф. Кима как ученого и организатора науки. Сам он продолжал исследовательскую работу, обращаясь к наиболее сложным проблемам. Одной из них была роль корейского рабочего класса в революционной борьбе и государственном строительстве КНДР. Мы с интересом наблюдали за его манерой работать. Сначала намечал план, а затем изыскивал, где можно и где казалось тогда невозможным, необходимые материалы. Так он добрался до некоторых закрытых коминтерновских архивов. Перевел наиболее достоверную корейскую литературу по теме. Затем, в соответствии с добытыми источниками, трансформировал план. Писал Г. Ф. Ким быстро, а наиболее крупные разделы «обкатывал» в виде статей или глав коллективных монографий.

Результатом стал многоплановый труд — не только широко аргументированный, документированный, но книга-поиск, для корееведения — событие. В ней намечены новые подходы к оценкам корейского освободительного движения, отличные от трактовок историографии КНДР, которая с конца 1950-х годов пересмотрела свою концепцию освободительной борьбы. Монография Г. Ф. Кима не только анализирует процесс зарождения, формирования и выхода на политическую арену проле-

тариата Кореи, но в ней сделаны теоретические обобщения, касающиеся его своеобразия в отсталых колониальных странах. Конечно, в этой, как и других работах Георгия Федоровича сегодня можно обнаружить веяния времени, характеризующего сильной «левизной». Например, ее налеты заметны в названной монографии, где неоправданно много места отведено борьбе корейского рабочего класса за гегемонию. Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что и тогда он пытался трезво, научно подходить к оценке ситуации. Многое в работе по-прежнему звучит современно, трактуется объективно. Неслучайно книга Г. Ф. Кима «Рабочий класс Кореи в революционном движении и социалистическом строительстве» вышла закрытым изданием и до сих пор недоступна широким читателям, да и многим корейцам. Закрыто она была защищена в 1964 г. в качестве докторской диссертации.

Неслучайно и другое: примерно тогда же Г. Ф. Ким и его единомышленники начали разработку многих вопросов корееведения по особой методике. Целую библиотеку можно составить из специальных бюллетеней, инициативных записок, материалов ситуационных анализов, в меру возможности правдиво излагающих события, дающих оценки, нередко далекие от официальных, прогнозирующих ход развития, выдвигающих наиболее целесообразные рекомендации практическим учреждениям. Одним из неизменных вдохновителей и участников этой особой литературы был Георгий Федорович. Он не оставался сторонним наблюдателем извращений, допускавшихся по востоковедным вопросам в Отделе науки ЦК КПСС, и улавливал становление тоталитаризма в режиме Ким Ир Сена, который мог завести в тупик народ КНДР.

Г. Ф. Ким интенсивно работал по двум планам. И в открытых работах он разными способами и приемами: в подтексте, в общетеоретических, завуалированных формах — старался утверждать свои независимые подходы и толкования. Конечно, далеко не всегда это удавалось. Да и сам он не все мог, не все знал, нередко оказывался во власти штампов и схем. Впоследствии он в этом открыто признавался. Не пытался выглядеть героем, так что в гражданском мужестве ему нельзя отказать.

Не раз «наверху», куда направлялись закрытые материалы, выражали недовольство «вольностями» Георгия Федоровича. Мол, слишком много себе позволяет, «критикански» настраивает корееведов. Это касалось, в частности, его соображе-

ний по поводу того, что у нашей страны нет своей независимой «корейской политики» и во всем мы следуем за нашим союзником — КНДР. Что происходящее там мы не должны и не можем поддерживать. Не имеем права. Это не интернационализм, а его антипод. Непосредственные кураторы — специалисты по стране — воспринимали эти высказывания с пониманием, но высокое начальство отвергало. «Он все время ищет негативы, будоражит, хочет толкнуть на конфликт», — примерно так отзывалось начальство. Георгий Федорович, конечно, переживал, возмущался, но продолжал «будоражить». И не только по вопросам Кореи. Аналитические записки, часто представлявшие собой мини-исследования, обстоятельные, трезвые, ценны и сегодня для восстановления исторической правды, для нашей политики и практики.

В частности, хотелось бы выделить подготовленную при его непосредственном участии серию материалов исследовательского характера о методах и путях социалистического строительства в КНДР — иными словами, о северокорейской модели развития (на эту тему проводились неоднократные обсуждения). Подчеркивая, что выбор такой модели должен быть делом самого народа, он обращал внимание на необходимость ее изучения корейцами, обществоведами других стран, ибо наука интернациональна. Наверное, мы имеем на это особое право, говорил Г. Ф. Ким, еще и потому, что сами испытывали и до сих пор продолжаем испытывать плоды извращения социалистических идеалов. Наш прямой долг — так же честно и открыто говорить о деформациях в союзных странах, как мы это делаем в отношении себя.

Он настоятельно требовал в устных выступлениях и в печати, чтобы ученому было дано право на собственное мнение. Кто, как не обществовед, призван честно поведать миру объективную правду о развитии общества? Одновременно он не соглашался с теми, кто всю вину за деформации, в частности в КНДР, пытался возложить только на нашу страну, на сталинский диктат, на отечественный опыт. «Разве там мало своего привнесли в искажение социалистических идей, в методы властвования? Разве не «обогатили» там наши негативы своей, корейской спецификой, не усугубили их в разных областях и внутренней жизни, и международной политики, и в самоизоляции от мирового научно-технического прогресса?» Он упорно искал истоки деформаций. По его мнению, мало знать день сегодняшний, его «болезни», необходимо вы-

яснить их причины, поставить точный диагноз, чтобы правильно лечить.

Он подчеркивал, что в Северной Корее, где к власти пришла коммунистическая (Трудовая) партия, важно исследовать весь ее предшествующий путь. Тогда это было для нас полностью «неприкасаемая» тема. И при самом активном участии Г. Ф. Кима корейцы Института получили доступ в архивы Коминтерна. Участвовал он и в формировании выводов, концепции истории корейского коммунистического движения. Коминтерновские издания, наряду с секретными материалами японской полиции и другими публикациями, позволили отечественным востоковедам приступить к воссозданию документированной картины борьбы коммунистов Кореи. Помогли узнать правду о немногочисленном и отважном революционном подполье, действовавшем непосредственно в стране, несмотря на жесткий террор колониальных властей. Дали возможность правильное, объективное оценить корейское партизанское движение в Маньчжурии, которое абсолютизируется в историографии КНДР. Преувеличивалось оно и отечественными корееведами.

Г. Ф. Ким выделял и корни освободительных традиций в религиозной, психологической, экономической сферах развития стран Азии. С учетом их он заглядывал в будущее, искал пути ускорения прогресса, синтеза азиатской и европейской цивилизаций.

В значительной мере благодаря Г. Ф. Киму отечественным корееведам удалось по основным, кардинальным вопросам следовать правде истории. Разумеется, не всегда и не во всем.

Ситуация осложнялась тем, что с 1960-х годов в историографии КНДР происходила подлинная революция: резко менялись трактовки, фактологическая база изданий. Не раз корейцам вместе с Г. Ф. Кимом приходилось сравнивать то, что написали наши северокорейские коллеги раньше и позднее. Часто получалась полярная картина. Воспринимать это спокойно было невозможно, а полемизировать не разрешалось. Тогда усилился поиск обходных путей в открытых изданиях, обоснование своих взглядов, подходов, своей, не совпадающей с официальной, точки зрения в безадресной форме, в суждениях общего порядка. Нередко вели «разговор двух глухих»: в КНДР какие-то важные события объясняли по-своему, мы, не вступая в спор, — по-своему. Приходилось идти на уступки

в частности для сохранения истины в главном. Это удавалось в значительной степени благодаря принципиальной, для своего времени смелой позиции Главной редакции восточной литературы издательства «Наука».

Помню ставший ходовым афоризм Георгия Федоровича: «В наших условиях важно овладеть не только наукой, но и искусством отстаивания ее истин».

Продолжая разрабатывать корейскую проблематику, Г. Ф. Ким расширял сферу научных изысканий. Жизнь диктовала необходимость выхода на теоретическое осмысление процессов, происходящих в социалистических странах Азии, а затем и общих проблем современного Востока. Тогда это была целина. Только смелый новатор мог решиться на ее освоение. Георгий Федорович взялся с завидным упорством, с рвением и азартом. Помогали ему в этом, точнее, позволяли ему приступить к такой сложной задаче фундаментальные знания, талант исследователя, широта подходов, умение масштабно мыслить, оценивать явления и процессы в их сложной противоречивости.

Однако мешали идеологические и административные путы, сковывавшие обществоведов, наличие запретных зон, постоянная оглядка на официальные трактовки. Действовал глубоко укоренившийся во всех нас фактор самоограничения, цензуры.

Мне посчастливилось быть его соавтором в главах по новейшей истории Кореи в монографиях: «Пролетарский интернационализм и революции в странах Азии» (М., 1967) и «Союз рабочего класса с крестьянством и опыт социалистических стран Азии» (М., 1977), а также в крупной международной работе, в которой участвовали ученые Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Чехословакии, «Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии» (М., 1983).

Расширяя сферу своих научных исследований, Г. Ф. Ким из корееведения и области изучения социалистических стран закономерно вышел на просторы многоликого развивающегося Востока, с его загадками и тайнами. Началась долгая, нелегкая борьба за создание отдела общетеоретических проблем стран Азии и Северной Африки. Все нагляднее проявлялись выдающиеся способности Георгия Федоровича как организатора и руководителя науки, его дар ученого.

Отдел общих проблем довольно скоро и вполне оправданно

стали называть мозговым центром политологов Института. В нем сосредоточились многие ведущие ученые, вокруг него сгруппировался большой внеинститутский актив творческих работников.

Будучи руководителем многих общетеоретических трудов, Г. Ф. Ким продолжал исследование характера и эволюции социальных структур стран Востока после достижения ими политической независимости, соотношения общенационального и социального начал в освободительных революциях, намечал и обосновывал их типологию.

Эти и многие другие проблемы нашли отражение в обобщающем труде Г. Ф. Кима «От национального освобождения к социальному» (М., 1982). В нем анализируется опыт 1960–1970-х годов. Конечно, последующий ход истории некоторые выводы автора уточнил, а то и отверг. В частности, это касается, концепции социалистической ориентации. При многих просчетах она все же представляется крупным итогом научного поиска отечественной ориенталистики, в котором роль Г. Ф. Кима огромна. Эта монография, вышедшая двумя изданиями, стала заметным явлением в востоковедении своего времени. Она помогала на базе неоднозначного опыта прошлых десятилетий вскрыть диалектику развития освободившихся стран, оценить их сегодняшний день, предвидеть день грядущий.

Г. Ф. Ким был ученым сугубо творческого плана. Свободно владея научной методологией, он умел видеть события в их противоречивости, отличать правду отдельного, частного факта от правды явления. Этому способствовала и присущая ему научная интуиция. Особенно когда речь шла о прогнозировании, о возможных вариантах развития. Чаще всего я становилась тому свидетелем, когда мы писали на какую-то тему совместную работу.

Г. Ф. Кима как ученого отличало стремление к постоянно-му и неустанному поиску. И книги его, и многочисленные выступления, и закрытые работы не только стали крупным вкладом в исследование современного Востока, но развернули пути для дальнейших творческих изысканий, подъема ориенталистики на качественно новую ступень.

Он был страстным полемистом. О его манере ведения дискуссий стоит сказать особо. Будучи личностью яркой, незаурядной, Г. Ф. Ким уважал своих оппонентов, умел слушать, вникать, тактично подправить, уважительно, хотя и темпе-

раментно возразить. Он умел поразмышлять вслух. Не припомню случая, чтобы во время самых жарких споров Георгий Федорович кого-нибудь обидел, скатился на личностную почву, применил «ярлыковый» прием. Вот бы сейчас так всем. На больших и малых научных форумах, союзных, а по рассказам товарищей, и международных, многие с нетерпением ожидали выступления Г. Ф. Кима. Знали: скажет умно, главное — ново и смело. И в массовых аудиториях его лекции тоже воспринимались с большим интересом. Он умел рассказать просто, доходчиво и убедительно. Мы любили слушать его ответы на острые вопросы, полемические отступления, многочисленные экскурсы в историю. Сохраняя деликатность в полемике, он особенно осторожен был со старшими по возрасту. Для них Г. Ф. Ким создавал «щадящий» режим. Я не раз испытал это на себе. Порой свои возражения он излагал в абстрактных формах, но догадаться бывало трудно.

Г. Ф. Ким уважал личность и в своих учениках — аспирантах, студентах ИСАА при МГУ, где многие годы преподавал. Поощрял самостоятельность мышления, поисковые начинания. Не замечала, чтобы он «надрывался», читая диссертации, другие научные труды своих подопечных. Но глаз его был настолько зорок (к сожалению, только в переносном смысле: он долго и тяжело страдал глазными болезнями), что, лишь просмотрев работу, мог правильно определить ее концепцию, новизну, документированность, выявить уязвимые места. Иногда он завышал оценки.

Г. Ф. Ким не работал за своих подопечных, как некоторые ученые, но многое для них делал. Главное — старался воспитать их, и в первую очередь личным примером. Правда, это не всегда у него получалось: некоторые не состоялись ни как ученые, ни как достойные люди. Но речь не о них, а о той плеяде талантливых востоковедов, новом поколении «звезд» отечественной ориенталистики, многие из которых формировались под прямым и косвенным руководством, влиянием Г. Ф. Кима.

Нужно ли доказывать, что авторитет, завоеванный делами, выше авторитета любых кресел, титулов, степеней и званий. Но справедливость требует, чтобы категории эти были адекватны. Однако получилось, к сожалению, все иначе. Георгий Федорович уже давно работал на уровне академика. О том свидетельствовала вся его деятельность, отвечающая самым высо-

ким требованиям, предъявляемым к этому званию. Но академиком он так и не стал из-за нравов нашего времени. Не говоря о всех причинах, заложенных в самой системе выборов, назову лишь основную, ту, которая омрачала и его предшествующий путь в науку. Дело в том, что для избрания академиком было необходимо предварительное согласие аппарата ЦК КПСС, а некоторых там по-прежнему не устраивала его национальность. Зная об этом, Г. Ф. Ким говорил:

— Поверьте, не то обидно, что не выбрали, а почему. Больше оформлять документы, если снова выдвинут в академики, не стану. Для меня это не цель.

Верили, что говорил он это искренне. И причину понимали.

Дважды группа старых востоковедов обращалась к секретарям ЦК КПСС с письмами по поводу того, что происходит явная несправедливость, но на письма ответа так и не получила. Настойчивые телефонные звонки к исполнителям вызвали лишь раздражение. Отвечали примерно так:

— С вашими доводами согласны, однако есть «но».

Пояснений не требовалось.

Впрочем, стоит ли винить исполнителей?

Разумеется, у таких, как Георгий Федорович, хотя национальное самолюбие и было ущемлено, однако оно не ослабляло интернационалистских чувств и сознания. Он был выше этого.

Примерно такая же картина была и с «директорством». В 1985 г. директор нашего института академик Е. М. Примаков был назначен директором Института мировой экономики и международных отношений. Г. Ф. Ким стал и. о. директора и пребывал в этом положении довольно продолжительное время. По всем своим качествам он, конечно, заслуживал того, чтобы стать директором. Но он сомневался, что его назначение состоится. «Стерегу для кого-то это директорское кресло», — с горькой усмешкой говаривал он. И был не очень далек от истины.

В один прекрасный день секретаря парткома института Е. А. Лебедева пригласили к руководству Отдела науки и высших учебных заведений ЦК КПСС и поставили в известность, что директором института назначается не Г. Ф. Ким, а другой ученый. Евгений Александрович с такой постановкой вопроса не согласился и заявил, что во главе Института должен стоять ученый-политолог, прекрасно разбирающийся в сложных политических и международных проблемах стран Азии и Северной Африки. И, естественно, наиболее подходящей кандидату-

рой на этот пост является Г. Ф. Ким. Е. А. Лебедев даже написал письмо на имя одного из секретарей ЦК, «курировавшего науку». Однако, кому-то этого, видимо, очень не хотелось, и еще какое-то время Г. Ф. Ким продолжал «сторожить директорское кресло». А в феврале 1987 г. директором стал заместитель министра иностранных дел СССР профессор М. С. Капица. Георгий Федорович так и остался первым заместителем и продолжал работать даже тогда, когда смертельная болезнь стремительно прогрессировала.

Наиболее полно его талант ученого и руководителя науки проявился в годы, когда он был первым заместителем директора Института востоковедения и когда, несмотря на застойное время, в значительной мере благодаря Г. Ф. Киму Институт переживал полосу подъема. Одновременно Г. Ф. Ким возглавлял журнал «Азия и Африка сегодня», творчески, интересно организовал его работу. Много лет он руководил сначала исторической секцией, затем специализированным ученым советом.

— Когда ты все успеваешь? Не бери на себя столько обязанностей, — говорили ему друзья.

— Сам что ли спрашиваюсь? Известно: кто везет, на того и наваливают, — обычно с улыбкой отвечал он.

Он не умел отказываться от работы, не умел и отказывать в просьбе другим, даже когда это было необходимо сделать. Иногда поддерживал людей недостойных. Это как раз тот случай, когда достоинства перерастают в недостатки.

Его многочисленные друзья из корейского землячества часто называли Георгия Федоровича «сонсэнним» — по-корейски «учитель». Помню, один из них как-то спросил:

— Сонсэнним, у вас столько работы и столько знаний, а говорят, что вы продолжаете ночами сидеть над книгами.

В ответ он привел одну из заповедей К. Д. Ушинского: учитель живет до тех пор, пока учится. Много раз он жаловался, что не остается времени для чтения, да и глаза подводят.

Будучи по натуре человеком благородным и благодарным, он возмущался, когда видел обратное. Не раз я оказывалась свидетелем, когда он отчитывал своих коллег и учеников за неуважение к предшественникам, за то, что они недостаточно внимательны к своим старым учителям, а то и вовсе их забывают.

Трезвость, реалистичность, доброта сочетались с повышенной эмоциональностью. Вообще, характер у Георгия Федоро-

вича был не из легких. Он часто «воспламенялся», но довольно быстро остывал. Верх брала деликатность, боязнь обидеть человека. Щедрость души его казалась беспредельной. Если кому-либо из его товарищей бывало плохо, требовалась помощь, знали — Георгий Федорович поможет, обязательно поддержит. Он умел радоваться успехам своих коллег, а в творческой среде это, к сожалению, случается не часто.

В период, когда он возглавлял партийную организацию Института, как-то по-особому раскрылась личность Г. Ф. Кима. Это было время после XX съезда КПСС, когда началась «оттепель» и снова вскоре «заморозило». С самыми разными вопросами шли люди к секретарю парткома — человеку открытому и прямому. Людей мучили вопросы: как могло случиться, что тиран узурпировал власть, творил преступления, а народ либо не знал, либо догадывался, что система деформирована, но все молчали? Мне помнятся его ответы, размышления. Он говорил, что все были слепы, безоговорочно верили всему. Однако не следует забывать, что миллионы людей честно работали. Он сам часто во время таких бесед задавался вопросом: почему не послушали В. И. Ленина и так несправедливо расправились с его новой экономической политикой, прервали ее? Ответ находил, но оправдания не видел.

К Г. Ф. Киму обращались ученые с недоуменными вопросами в то время, когда стали возрождаться командные методы. На востоковедении это тоже сказалось. Всех волновал вопрос: почему снова жесткий контроль, цензура, требования ограничиваться иллюстрацией и пропагандой официальной политики? Почему вновь надевалась «узда» на ученых? Помню мнение Георгия Федоровича о том, что кроме нерешительности новых «верхов» одна из причин поворота назад заключается в том, что, отождествляя сталинскую тиранию с подлинным социализмом, некоторые стали бить по фундаменту.

В Институт на работу были приняты вернувшиеся из сталинских лагерей невинно репрессированные ученые. Г. Ф. Ким всячески старался, чтобы этих людей окружили вниманием.

В связи с этим вспоминается такой случай. Несколько сотрудников Института, и я в том числе, отдыхали в санатории. Узнав об избрании Г. Ф. Кима членом-корреспондентом АН СССР, мы, естественно, обрадовались и решили послать ему поздравительную телеграмму. Отдыхавшие вместе с нами

академик Михаил Александрович Коростовцев с женой предложили пригласить его в санаторий и здесь отпраздновать это событие. Георгий Федорович с удовольствием приехал. Устроили застолье. Начались тосты. Каждый старался высказаться, выразить свое доброе отношение к новому члену-корреспонденту. С обстоятельной речью выступил известный ученый-японец Константин Михайлович Попов. Он говорил о масштабности подходов, многообразии интересов Г. Ф. Кима, распространяющихся и на японоведение. Неожиданно его речь прервал М. А. Коростовцев. Он плохо себя чувствовал и весь вечер молчал, а тут громким голосом сказал:

— Вы твердите о том, какой он крупный ученый. Словно кто-либо этого не знает. А какой это замечательный человек, лучше вас всех знаю я.

И он рассказал, что значил Г. Ф. Ким в его судьбе. Как помог, поддержал его в трудное, трагическое время, когда М. А. Коростовцев вернулся из лагеря.

— Он буквально спас меня,— говорил Михаил Александрович.— Сколько ему пришлось выслушать окриков, предупреждений и угроз. Об этом известно и мне, и таким, как я.

Георгий Федорович сидел огненно-красный, с надувшимися щеками и смущенно отдувался и посапывал. М. А. Коростовцев говорил правду. Никого из тех, кто слушал его речь, уже нет в живых. А память сохранила этот штрих к характеристике большой души человека. Г. Ф. Ким был отзывчив и добр ко всем. Чувство долга, внутренний такт не изменяли ему при самых разных обстоятельствах. В частности, это определялось в отношении к землякам-корейцам. Несмотря на огромную занятость, он всегда находил время встретиться с ними, чтобы выяснить, чем может помочь. И не единожды его поддержку получало землячество.

В семье Кимов обращал на себя внимание известный национальный колорит. Вкусная корейская кухня, блюда, от которых не оторвешься. Главное — нравы, устои семьи. Бросались в глаза глубокое уважение и внимание, которыми была окружена старая мать Георгия Федоровича. Уход за нею был отменный. Уважение к старикам воспитывалось в детях с ранних лет. Конечно, основное бремя в домашних делах лежало на жене Георгия Федоровича — Марии Александровне.

— Я осуществляю лишь функции контроля,— шутил он.

Но супруги воспитывали вместе двух дочерей и сына и вырастили их хорошими людьми.

Г. Ф. Ким был оптимистичен и жизнелюбив во все времена. Он интересовался литературой и спортом. Мария Александровна рассказывала, что во время хоккейных матчей его невозможно было оторвать от телевизора. Раньше выкраивал время, чтобы съездить на стадион на футбольный матч и «разрядиться».

Друзей у семьи Кима было много. Они часто ходили в гости. Радужно и хлебосольно принимали у себя. Правда, случалось, что иные не выдерживали испытание дружбой. В трудные минуты отходили.

Рассказывая о них, Георгий Федорович признавался:

— Наверное, я действительно излишне доверчив...

Он работал одержимо, на пределе физических возможностей. Этот человек мужественно преодолевал недуги: и когда терял зрение и, казалось, что наступает полная темнота, и когда его сразила смертельная болезнь. Он продолжал выполнять ответственные поручения не только в Союзе, но и во время поездок за рубеж. Он по-прежнему заботился о товарищах, всячески старался помочь нуждающимся в его помощи; делился мыслями, идеями, талантом, которым его так щедро наградила природа. Однако конец неминуемо приближался, а мозг продолжал работать, душа горела. И тлела надежда.

Как нужен Г. Ф. Ким и такие, как он, сегодня, в наше переломное время, переплетающее порой в недиалектическом противоречии грандиозные свершения и новые крупные деформации!

О многом непонятном, труднообъяснимом мысленно продолжаю разговор с Георгием Федоровичем. Интересно, как бы он оценил текущий момент?

Не раз и раньше Г. Ф. Ким повторял:

— Наша тяжелейшая болезнь — забегание вперед. Мы ею болели и сразу после Октября, надеясь на быструю мировую революцию, не раз болели и в последующем. Понятие «крах» относимо не к социалистическим идеям, а к применявшимся методам их реализации, во многом трагическому эксперименту. Пока человеческая мысль лучшего, более гуманного, приемлемого для всех людей планеты учения не создала. Нужно выработать новую систему его созидания.

Мы говорили с ним и о том, что правду истории призвана защищать совесть историка. Помню, он называл имена общественников, журналистов, ныне без зазрения совести утверждающих противоположное тому, что яростно защищали со-

всем недавно. Без упоминания о том, что сами были грешны. Любопытный материал для будущих историографов...

Как нужен он был бы нам сегодня! Говорят, незаменимых нет. Это неверно — такие люди есть.

Столь исчерпывающее описание основных этапов жизни Георгия Федоровича автору представляется необходимым дополнить рассказом о некоторых важнейших свершениях в завершающий период его жизни.

Здесь, конечно, следует отметить то, что Г. Ф. Ким, еще далеко не достигнув положенного по корейским традициям ветеранского возраста, стал одной из самых уважаемых в советском корейском землячестве, в том числе и среди старейшин, фигур, их бесспорным лидером, идеологом первой культурно-национальной Ассоциации советских корейцев, положившей начало успешному организационному оформлению и росту объединений корейцев России и стран СНГ в 90-е годы.

Однако, видимо, самым значимым его достижением в данный период стали сконцентрированные усилия по реализации одной из заветных своих идей — установления дипломатических отношений между Москвой и Сеулом. В этом связи необходимо отметить, что в определенных кругах советской научной общественности, особенно среди востоковедов-корейстов, осознание недалёковидности корейской политики СССР периода «холодной войны» созрело в конце 1970-х годов.

В первой половине 1980-х годов начался первый, малоизвестный научной общественности этап усилий небольшой группы ученых-востоковедов, поставивших задачу убедить политическое руководство страны в целесообразности установлений дипломатических отношений с Сеулом. В тот период заметную инициативу и настойчивость проявил Институт востоковедения АН СССР. Директор института академик Евгений Примаков, первый заместитель директора, член-корреспондент АН СССР Георгий Ким, заведующий отделом социалистических стран Азии института Юрий Ванин возглавили группу ученых-корееведов, специалистов иного профиля и подготовили закрытый доклад, посвященный проблемам и перспективам отношений СССР с государствами Корейского полуострова. На основе этих материалов было составлено и направлено в Международный отдел ЦК КПСС несколько записок с обоснованием и рекомендациями в отношении целесообразности признания РК, а также с рекомен-

дациями о том, как нейтрализовать возможную негативную реакцию КНДР.

При этом авторы материалов исходили из твердого понимания того обстоятельства, что в интересах СССР не только установление и развитие полноценных межгосударственных отношений с Южной Кореей, но и сохранение таковых с Северной, то есть они настаивали на соблюдении принципа сбалансированного подхода Москвы к обоим корейским государствам, отношения с каждым из которых представляли самостоятельную ценность. Естественно, что в условиях политического застоя все шаги руководства Института востоковедения АН СССР по продвижению «в верхи» «крамольной идеи», рекомендовавшей резкую переориентацию внешней политики СССР в Северо-Восточной Азии, осуществлялись в условиях строгой конфиденциальности. И эта кропотливая работа со временем дала результаты. С наступлением перестройки идея установления дипломатических отношений с Сеулом неожиданно оказалась востребованной: во второй половине 1980-х годов возрос спрос на инициативы, которые могли бы продемонстрировать «новое мышление» М. Горбачева в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Научные разработки группы Примакова — Кима способствовали принятию решения об участии СССР в Олимпиаде 1988 года в Сеуле. Однако спортом дело не ограничилось. Показательно, что и среди экспертов-сотрудников Международного Отдела ЦК КПСС нашлись неортодоксально мыслящие люди, поддержавшие концепцию Института востоковедения. Так, важную помощь оказал ученым нынешний руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, а тогда инструктор сектора Кореи Международного отдела ЦК (МО ЦК) В. П. Ткаченко, который помог организовать в октябре 1988 года два совещания на высоком уровне в МО ЦК, посвященных обсуждению рекомендаций ученых.

Работой совещаний руководил секретарь ЦК, заведующий МО ЦК Валентин Фалин; в них также приняли участие заместители заведующего МО, в частности, Карен Шахназаров. От АН СССР участвовали Е. М. Примаков, ставший к тому времени директором ИМЭМО, Г. Ф. Ким, Ю. В. Ванин. По результатам совещаний была подготовлена и направлена в Политбюро ЦК КПСС на имя заведующего международной комиссией А. Н. Яковлева записка, на основе которой в конце того же го-

да было принято решение об установлении прямых торгово-экономических отношений СССР с РК. Это позволило уже в начале 1989 года произвести обмен представительствами Торгово-промышленной палаты СССР и Корейской Ассоциации содействия торговле.

Таким образом, усилия российских ученых-востоковедов оказали влияние на формирование «корейского сегмента» нового политического мышления и привели к практическим результатам.

В данном контексте хотелось бы, прежде всего, подчеркнуть тот настоящий героизм, который, будучи уже неизлечимо больным и, понимая это, проявил Георгий Федорович, стремясь ускорить реализацию этого проекта.

Достаточно сказать, что одно из двух упоминавшихся продолжительных совещаний в МО ЦК КПСС он посетил вопреки требованиям врачей, с незажившими ранами вскоре после тяжелой операции и очевидцы видели, что, когда он покидал здание на Старой площади, на полу оставались следы крови.

Возможность посетить Сеул он получил уже будучи больным. Первую попытку по приглашению президента РК Ро Дэ У, организованную видным парламентарием Кореи Пак Чхор Оном, он предпринял в мае 1988 г. Тогда, в сопровождении двух ведущих японистов-международников Института востоковедения (поскольку в те времена маршрут в Сеул пролегал через Токио) Н. В. Васильева и К. О. Саркисова, он прибыл в столицу Японии, чтобы через день-два вылететь в Корею. Но резкое обострение болезни заставило вернуться в Москву, а два его коллеги нанесли визит в РК, где зам. директора Института Н. В. Васильев был принят президентом Ро Дэ У.

Можно представить глубину огорчения Г. Ф. Кима, которое, впрочем, его не остановило. Сделав вторую операцию и будучи сильно ослабленным, в декабре 1988 г. он снова направился в Сеул (также в сопровождении Н. В. Васильева) и на этот раз — успешно. Вернувшись в Москву, он переступил порог своего дома со словами, обращенными к своей замечательной жене, Марии Александровне: «теперь и умирать можно».

Об этой поездке на историческую прародину следует сказать, что она стала своего рода вершиной научных изысканий и дипломатического искусства Г. Ф. Кима. Из многих тысяч российских корейцев Г. Ф. Ким пока остается единственным, и, видимо, таковым и останется, кому удался поразительный «дипломатический дубль»: беседа в Пхеньяне в самом начале

его востоковедной академической карьеры с лидером КНДР Ким Ир Сеном и встреча в Сеуле с президентом Ро Дэ У в самом конце жизни. Эту уникальную символическую «эстафету», прошедшую по маршруту: Москва — Пхеньян — Москва — Сеул — Москва, Г. Ф. Ким посвятил одновременно и российской державе, и народу самой Кореи, который и сегодня продолжает страдать от насильственного расчленения. Оценки, суждения, выводы, рожденные этой последней зарубежной миссией Г. Ф. Кима, в немалой степени определили не только дальнейшее направление российских международно-политологических разработок по корееведению, но и практические акции Москвы по части «дипломатического прорыва» в Восточной Азии.

При этом необходимо подчеркнуть, что осуществлял эту миссию и, в частности, передавал личное послание М. С. Горбачева президенту Республики Корея человек, обоснованно ощущавший себя несправедливо обиженным руководством своей страны. И этот акт лучше чего-либо другого высвечивает и подлинный советский патриотизм Георгия Федоровича, и государственный уровень мышления и поведения, не покидавшие его до последних мгновений жизни. Одновременно этот эпизод стал своего рода яркой вспышкой, осветившей на закате жизненного пути Г. Ф. Кима, масштабность его личности, продемонстрировавшей образец «self made man — человека, который сам себя сделал», поднявшегося из крестьянской глубинки ограниченного в правах корейского населения до академического и общественно-политического Олимпа.

А. В. Воронцов

Основные труды Г. Ф. Кима

1. Великая освободительная война корейского народа. — Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1954.
2. Экономическое и культурное строительство в Корейской Народно-Демократической Республике. — Вопросы истории. 1954, № 6.
3. Борьба корейского народа за восстановление народного хозяйства, за мир и национальное единство. М., 1954.
4. Некоторые данные об экономической агрессии американского империализма в Южной Корее. — Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. 1954, Вып. 11.
5. Ведущая роль Трудовой партии Кореи в народно-демократической революции. — Советское востоковедение. 1955, № 2.

6. Экономическое развитие Корейской Народно-Демократической Республики.— Вопросы экономики. 1955, № 8.
7. Борьба корейского народа за мир, национальное единство и демократию. М., 1957.
8. Великий Октябрь и национально-освободительная борьба корейского народа (1917—1945).— Великий Октябрь и народы Востока. М., 1957.
9. Южная Корея.— Аграрные отношения в странах Востока. М., 1958. (В соавт. с О. С. Сороко).
10. Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи.— Южная Корея: Экономическое и политическое положение: (1945—1958 гг.). М., 1959. (В соавт. с Г. В. Грязновым и Б. В. Сеницыным).
11. Рабочий класс новой Кореи. М., 1960.
12. Октябрьская революция и исторические судьбы народов Азии и Африки.— Вопросы истории. 1962, № 11.
13. Государство национальной демократии (Национально-освободительное движение в Азии, Африке и Латинской Америке). М., 1963 (Переведено на англ., франц., араб. и испанск. яз.).
14. Формирование корейского пролетариата.— Народы Азии и Африки. 1964, № 5.
15. Рабочий класс Кореи в революционном движении и социалистическом строительстве. М., 1965.
16. Вторая мировая война и победа народно-демократических революций во Вьетнаме и Корее.— Народы Азии и Африки. 1965, № 5. (В соавт. с А. Г. Будановым)
17. Рабочий класс — руководящая сила социалистического строительства в КНДР.— Корея: Север и Юг. М., 1965.
18. В. И. Ленин и национально-освободительные движения. М., 1965.
19. Пролетарский интернационализм и революция в странах Востока.— М., 1967. (Переведено на англ. яз. 1972 г.). (В соавт. с Ф. И. Шабшиной).
20. Ленинизм и национально-освободительное движение.— М., 1969. (В соавт. с А. С. Кауфманом).
21. Антиимпериалистическая борьба народов Азии и Африки на современном этапе. М., 1971.
22. Союз рабочего класса с крестьянством и опыт социалистического строительства стран Азии: на примере МНР, КНДР, ДРВ.— М., 1977. (В соавт. с Ф. И. Шабшиной).
23. Новая история стран Азии и Африки. (В соавт. с А. А. Губером и А. Н. Хейфецем).
24. От национального освобождения к социальному: социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций.— М., 1986.

25. Актуальные вопросы историографии новой и новейшей истории стран Азии и Африки.— Вопросы истории. 1986, № 2.
26. Великий Октябрь и судьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1987 (Переведено на кор., португ., кит., франц. яз. и яз. пушту).
27. Национально-освободительное движение и идеологическая борьба. М. 1987.
28. Внешние и внутренние факторы в национально-освободительной борьбе (Узловые вопросы историографии).— Советское востоковедение: Проблемы и перспективы. М., 1988.
29. Востоковедение в условиях перестройки.— Народы Азии и Африки. 1988, № 5.
30. Советская историография новой и новейшей истории стран Азии и Африки.— Новое в советской исторической науке. М., 1988.
31. Некоторые актуальные проблемы современного развития освободившихся стран Востока.— Всемирная история и Восток. М., 1989.

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ МАЗУР

(1924–1998)

Юрий Николаевич Мазур по происхождению сибиряк, дальневосточник. На многие годы связал свою судьбу род Мазуров с Сибирской железной магистралью, настоящей «дорогой жизни» в суровом и немногочисленном крае. Дед — Константин Войцехович (имя прадеда выдает польское происхождение Мазуров) работал фельдшером неподалеку от Омска, отец — Николай Константинович — родился в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ) — это города, основанные, соответственно, в 1716 и в 1666 гг. на пути продвижения русских первопроходцев на Восток.

В 1910 г. при исполнении профессионального долга погиб Константин Войцехович (чтобы вовремя поспеть к роженице, он выпрыгнул из вагона поезда, проходящего мимо полустанка). Его супруга, Анна Адольфовна (в девичестве Ерузельская), сама сельская учительница, стремилась дать образование осиротевшему сыну и внимательно следила за его успехами. Сохранился похвальный лист (1915 г.) «за отличную учебу и прилежное поведение ученику Омского имени Александра II мужского приходского училища Мазуру Николаю». В 1917 г. юноша уезжает к «тете Кате» — сестре Анны Адольфовны — на станцию Бухэду Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Докатившиеся до Сибири первые волны социальных потрясений внушили Анне Адольфовне такие опасения за судьбу Николая, что она поспешила приехать к сестре, чтобы быть рядом с сыном и переждать свалившиеся вдруг напасти.

Там, в Китае, в районе водораздела Большого Хингана, откуда реки разбегаются по маньчжурским просторам, чтобы потом, в конце пути, оказаться на русской земле, в 500 километрах от России по железной дороге между Хайларом и Цицикаром расположена станция Бухэду, где обосновались мать с

сыном, как оказалось, всерьез и надолго. В этих местах КВЖД трехкилометровым тоннелем прорезает горный хребет и выходит на его восточный склон. Бухэду — крупное депо и несколько не слившихся поселков в три с половиной тысячи русско-китайского населения, с метеослужбой, больницей, продовольственными складами, электростанцией, кожевенным, пивоваренным и маслодельными заводами, мукомольной мельницей. Отсюда вывозятся лес, продукция огородничества и земледелия.

Вскоре Мазуры познакомились с семьей железнодорожного смазчика Михаила Федоровича Морозова. Оставшись в Китае после службы в армии, Морозов выписал к себе жену и детей из с. Билярска (Татарстан; в средние века Биляр — столица Волжско-Камской Болгарии). Всего у Морозовых было два сына и шестеро дочерей. На одной из дочерей, Александре, женился Николай Мазур, к этому времени уже служащий железнодорожного телеграфа. 24 ноября 1924 г. у молодых родился сын Юрий или, как его называли по-семейному, Юрась, а несколькими годами позже — дочь Маргарита.

Здесь, на станции, и прошли детские годы Юрия Николаевича Мазура. На всю жизнь останутся в памяти гудки паровоза, запах мазута, бегущие в оба конца дорожные шпалы. С юга приходят вести из шумного многоязыкого Харбина, охотники с севера рассказывают о таежных хинганских тропах, о рыбных богатствах Барги, где весной «рыба поднимает такой шум, что без разгона нельзя напоить лошадей — боятся подойти к воде». Но самое главное: там, еще дальше на севере, была Россия, предмет волшебных сновидений всех русских мальчишек и девчонок Бухэду.

Между тем обстановку на КВЖД нельзя было назвать спокойной. В 1924 г. дорога на основании особого соглашения объявлена коммерческим предприятием с управлением на паритетных началах СССР и Китаем. Но уже в июле 1929 г. она была захвачена китайскими властями с отстранением от работы советских служащих и рабочих, что привело к разрыву дипломатических отношений. После советско-китайского конфликта, который был настолько серьезен, что привел к проведению военных операций с участием Особой Дальневосточной армии под командованием В. К. Блюхера, 22 декабря был подписан Хабаровский протокол, возвращавший к прежнему положению на КВЖД. Дипломатические отношения были восстановлены только в 1932 г., когда Маньчжурия была уже

оккупирована японцами. Но к этому времени Мазуры уже вернулись в Россию.

Вначале, по возвращении из Бухэду, семья Николая Константиновича находилась под Москвой, в поселке Кузьминки Вешняковского района (на первых порах жили в вагончике). В дальнейшем Николай Константинович был репрессирован, и после двух с половиной лет Сиблага (ему скостили полгода) мобилизован в Красную Армию. Отличился под Сталинградом (кавалер ордена Красной Звезды), в составе 4-го Украинского фронта прошел по дорогам войны, закончив ее в Австрии, потом жил в г. Куйбышеве (Самара), где работал заведующим складом в конторе Главтехснабнефть.

Многочисленная родня Юры со стороны матери (Морозовы), за исключением вернувшихся в Союз теток Татьяны и Елизаветы и дяди Георгия, осталась в Китае, затем разбрелась по свету (Япония, Индонезия, США, Австралия...).

После ареста отца Мазуры переехали в Сталинград, где по окончании десятилетки в июле 1942 г., в разгар Великой Отечественной войны, Юрий был призван в ряды Красной Армии с направлением в Астраханскую военную школу авиационных механиков. Началась самостоятельная взрослая жизнь Юрия Мазура. Ниже дадим краткое ее описание, разделив на три этапа, в каждом из которых герой нашего повествования решал очередные задачи и преодолевал вызванные стечением обстоятельств трудности на своем пути.

I. Молодость

В мае 1943 г. Юру постигло страшное горе: под Сталинградом трагически погибли от рук бандитов его мать Александра Михайловна и сестра Маргарита. Как ни спешил, на похороны он опоздал — приехал, когда мать и сестру уже похоронили. Подробности узнал от очевидцев. Удар был очень тяжел, но суровая военная действительность вывела Юрия из состояния прострации: его срочно отправляют на стажировку в распоряжение Калининского фронта в составе 568-го штурмового авиационного полка. «Самый тяжелый год в моей жизни», — напишет он позже на обороте фотографии в письме на фронт к единственному родному человеку — отцу. И дальше, совсем отчаянно: «Вперед, навстречу судьбе!»

В ответ полевая почта изредка доносит «дорогому Юрасю» слова отцовского утешения. Так и будут они, двое мужчин,

еще долго недоумевать над парадоксами войны, выбившими женскую половину из их родного семейного круга...

Военную службу Юрий Мазур успевает сочетать с учебой. Сохранился документ от 25 июня 1944 г. о сдаче им на «отлично» экзаменов и зачетов в течение трех семестров во Всесоюзном индустриальном институте. С октября 1944 г. он уже служил в должности старшего авиационного механика 27-го отдельного запасного полка. Несмотря на успешную учебу и хорошую работу, техническая специальность не приносила удовлетворения. К тому же пришлось проститься со своей юношеской мечтой стать летчиком (по-видимому, мешали некоторые анкетные данные), и после демобилизации в 1945 г. Ю. Н. Мазур поступил на Дальневосточный факультет Московского института востоковедения (МИВ) на корейское отделение.

Возможно, в таком неожиданном решении сыграли роль его сибирские корни, впечатления раннего детства. Администрация института поначалу скептически отнеслась к молодому «технарю», дескать, посмотрим-ка его на занятиях: «пойдет — не пойдет». Но у Юрия Мазура все пошло как следует, и через пять лет он получил диплом с отличием.

Первыми учителями корейского языка были среднеазиатские корейцы: Иннокентий Иванович Хван Дон Мин и Екатерина Михайловна Цой, Хан Дык Пон, Виктор Антонович Хван Юн Дюн, Ким Ён Бок, Цой Чан Гир, Федор Зиновьевич Ким. Нехватка учебных пособий восполнялась общением с носителями языка. С трепетом вслушивались студенты в экзотическую мелодику корейской речи, декламировали стихи, разучивали песни. Кроме лекций по общему языкознанию, корейскому языку и литературе, учебная программа включала широкий спектр предметов, обеспечивающих высокий уровень подготовки в целом и возможность самой различной последующей специализации: древняя, средняя, новая и новейшая история Запада и Востока, политическая экономия, международные отношения, международное право, экономгеография и т. д.

Вместе с Юрием Николаевичем на корейском отделении в разное время учились В. Н. Дмитриева, Р. П. Знаменская, Л. Р. Концевич, Ю. И. Огнев, Д. М. Усатов и др. Рядом с вчерашними десятиклассниками в аудиториях сидели вчерашние фронтовики Ф. В. Мальков, Ю. Майоров, В. М. Моздыков.

На выпускниках МИВа «сохраняется особый отпечаток», и их легко узнать по публикациям, выступлениям на конферен-

циях, просто «в лицо». Ниже одним курсом за Ю. Н. Мазуром шла Викторина Ивановна Иванова. Они вскоре поженились, и из общежития Юрий Николаевич переехал к супруге в небольшую комнатку в большой коммуналке, где у них вскоре родился сын Игорь (в будущем тоже востоковед, дальневосточник). Всю свою жизнь проработала Викторина Ивановна в Институте востоковедения АН СССР, в Отделе литератур стран Востока (с 1971 г. в должности старшего научного сотрудника).

Она является одним из ведущих литературоведов, будучи специалистом по корейской литературе *син-сосоль* («новая проза») конца XIX — начала XX вв. и современной литературе. Много внимания уделила Викторина Ивановна крупному корейскому прозаику Ли Гиёну.

Еще будучи на старших курсах, студент Мазур начал преподавать корейский язык. В 1953 г. молодой преподаватель окончил аспирантуру МИВ и защитил диссертацию. На всю жизнь сохранил он чувство благодарности к своему научному руководителю профессору Гарме Данцарановичу Санжееву, который уже тогда был известен не только перепиской с И. В. Сталиным во время лингвистической дискуссии 1950 г., но и благодаря своему уму, эрудиции и педагогическому мастерству.

В сентябре 1953 г. во время расформирования МИВ Юрий Николаевич был переведен в 1-й Московский государственный педагогический институт иностранных языков на должность старшего преподавателя кафедры общего и русского языкознания, где работал над вопросами методики преподавания русского языка корейцам.

С 1 сентября 1956 г. Юрий Николаевич зачислен в МГУ им. М. В. Ломоносова в только что образованный на базе восточных отделений исторического и филологического факультетов МГУ Институт восточных языков старшим преподавателем (на полставки), а через два с половиной месяца переведен на должность старшего научного сотрудника по кафедре языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (позднейшие названия: кафедра языков и литератур стран ЮВА; кафедра филологии стран ЮВА, Кореи и Монголии).

Большое значение для роста научного уровня и педагогического мастерства Юрия Николаевича имела его научная командировка в Северную Корею в 1958–1959 гг., где в Академии наук КНДР ему посчастливилось присутствовать на лекциях корифеев корейской филологии Хон Гимуна и Ким Сугёна и

познакомиться с ними лично, что послужило толчком к формированию его грамматической концепции и расширению эрудиции в области корейской филологической традиции.

С 1960 г. Ю. Н. Мазур возглавил кафедру языков Юго-Восточной Азии, вначале как исполняющий обязанности, а впоследствии как доцент-заведующий. На этой кафедре и прошла вся последующая жизнь Юрия Николаевича.

II. Зрелость

Не будет преувеличением сказать, что за время руководства кафедрой с 1960 по 1981 г. Ю. Н. Мазуром была проведена очень большая по объему и результатам и беспрецедентная в институте по разноплановости (до десяти языковых отделенческих специализаций) научно-педагогико-организационная кафедральная работа, особенно в первую половину срока, когда фактически формировались и укреплялись основы стабильного коллектива. За этот период окончательно установился набор основных и дополнительных языков, были созданы соответствующие филологические отделения, комплектовался штатный состав (во многом за счет молодых кадров — выпускников кафедры) и определился постоянный круг специалистов-совместителей. Были приглашены и с большой пользой для кафедры работали ведущие ученые Академии наук СССР — Л. Н. Морев, Л. Б. Никольский, Н. И. Никулин, Ю. Я. Плам, Л. Р. Концевич, Ю. Л. Благоданова, В. И. Корнев, Г. П. Попов и др.

Прибегал на заседания кафедры и активно, с хода, включался в обсуждения своим басистым с хрипотцой, как с морозца, голосом, Г. Д. Санжеев. Занимался студенческими курсовыми работами безвременно и трагически ушедший из жизни талантливейший Ю. А. Горгониев.

Большое внимание уделялось привлечению к аудиторной работе носителей языка: корейцев, вьетнамцев, индонезийцев, лаосцев, кампучийцев, бирманцев, монголов, среди которых оказались известные писатели, общественные деятели, талантливые педагоги.

По всем языкам были созданы стабильные учебные пособия или написаны учебники.

Для сравнения приведем таблицу динамики развития кафедры за период с 1962 по 1972 г., дополнив ее сведениями за 2000 г.

Год	Количество			
	Языков (отделений)	Студентов	Преподавателей	
			Всего	Кандидатов наук
1962	5	58	12	1
1967	6	97	16	8
1972	8	125	20	15
2000	10	104	20	10

Как показывает таблица, «бурное десятилетие» 1962–1972 гг. определило специфику кафедры, ее основные параметры и привело к стабильному состоянию на многие годы вперед.

Сам Юрий Николаевич вел в это время педагогическую работу в группах корейского и, частично, индонезийского (он интенсивно осваивал вторую специальность) языков, читал в разные годы лекционные курсы: «Теоретическая грамматика корейского языка», «Лексикология корейского языка», «Введение в корейскую филологию», целый набор спецкурсов, вел спецсеминары, руководил аспирантами.

Сохранился протокол заседания кафедры филологии стран ЮВА, Кореи и Монголии от 16 февраля 1978 г., где коллеги заслушали отчет заведующего и дали высокую оценку его деятельности. В их выступлениях порой угадывается даже некоторое удивление по поводу того, как это вдруг им удалось на весьма сложной, многоязычной кафедре осуществить эффективный прорыв в обеспечении на должном уровне учебного процесса. Кое-кто растерянно наблюдал за заданными заведующим темпом и требованиями, пробовал было сомневаться, а надо ли, к примеру, откликаться еще и на внекафедральные, общеполитические и общеуниверситетские запросы, стоит ли отвлекать коллег на различные посты и поручения в Институте. Но сам заведующий, конечно, понимал, что невозможно держать высокую планку учебно-научной работы, замыкаясь в своей скорлупе, игнорируя межкафедральные методкомиссии, лаборатории, коллективный опыт.

Коллеги с признательностью отмечали, как много внимания уделял заведующий кафедральным аспирантам, соискателям,

авторам научных статей и докладов, составителям учебных пособий и программ, как он редактировал эти авторефераты, статьи, тезисы докладов, организовывал обсуждение учебных пособий.

Высокая оценка работы Ю. Н. Мазура прозвучала в одном из выступлений Л. Б. Никольского, который, в частности, отметил; что «иностранцы ученые-корееведы, приезжающие в Россию, всегда стремятся посетить кафедру Юрия Николаевича, посоветоваться и побеседовать с ним... Кафедра превратилась в крупный научный центр, и в этом несомненная заслуга всего коллектива и, конечно, ее руководителя, обладающего действительно незаурядными организаторскими способностями».

Одновременно с руководством кафедрой Ю. Н. Мазур выполнял другую, довольно хлопотную работу: в течение десяти лет (1965–1974) работал деканом специального факультета, задачей которого было ускоренное двухгодичное обучение языку и страноведению специалистов морского флота, самолетостроения, угольной промышленности, транспортного строительства, тяжелого машиностроения и т. д., посылаемых для работы в страны Востока по линии Государственного комитета по внешнеэкономическим связям и других соответствующих министерств и ведомств. Традиционными на спецфаке стали языки: китайский, арабский, персидский, японский, турецкий, вьетнамский. Число слушателей постоянно росло. Была организована работа методкомиссий, составлялись программы, учебные планы; создавались специальные учебники и учебные пособия по восточным языкам, географии, истории, экономике стран Востока.

Следует заметить, что администрация института назначала Ю. Н. Мазура на новые должности в тот момент, когда требовались инициатива, напористость, нестандартные решения. Изменялась ситуация, невостребованной становилась энергия руководителя,— Юрий Николаевич без сожаления покидал насиженное место. Единственная должность, которую ему очень не хотелось оставлять,— это заведование кафедрой. В сентябре 1978 г. институт обратился к ректору МГУ акад. А. А. Логунову с просьбой, учитывая все заслуги доцента Ю. Н. Мазура на ниве университетского востоковедного образования, разрешить ему в порядке исключения пройти переизбрание в должности заведующего кафедрой на новый срок. В связи с этим обращением юридическая служба напомнила, что «согласно Положению» доценты — кандидаты наук до-

пускаются к замещению должностей заведующих кафедрами только единожды. На второй срок требуется разрешение Минвуза, а дальнейшие пере выборы вообще не предусмотрены законом. Таким образом, Юрий Николаевичу пришлось оставить свой пост и перейти на должность доцента кафедры, образованию и развитию которой он отдал так много сил и энергии.

III. Мудрость

Отличительной чертой характера Юрия Николаевича было «чувство дома» на работе. Зайти в институт и не застать его было практически невозможно. Менялись только служебные помещения и вывески на дверях: приемная комиссия, профком, секретарь партбюро, заведующий кафедрой, зам. директора по научной и учебной работе, декан специального факультета.

Казалось, что он просто живет в этом старинном, спрятавшемся в тени лип университетском здании Казакова-Жиллярди на Моховой. Не хватало лишь домашнего халата (мягкий диван, кажется, был — в профкоме или в партбюро).

Если научная и педагогическая деятельность являлись для него профессиональным, сознательным делом, то общественная работа составляла предмет его страсти: членство в комиссиях, кураторство, инструктаж, заседания НСО (Научное студенческое общество) и посещения общежитий, художественная самодеятельность студентов и субботники, сельскохозяйственные работы и Первомайские демонстрации, спортивные состязания институтских команд и стенная печать, наконец, праздничные застолья — все как нельзя лучше соответствовало темпераменту замечательного педагога и наставника.

С увлечением и педантизмом, свойственным разве что филателистам и нумизматам, собирал он годами обширнейшую фототеку — летопись жизни Института, пряча каждый снимок в отдельный конверт и тщательно документируя. К сожалению, «перестроечное время» не пощадило этого уникального собрания фотодокументов, но то, что удалось спасти, было с успехом представлено на выставке, устроенной к 40-летию юбилею института летом 1996 г.

Оставление должности заведующего кафедрой резко отсекало Юрия Николаевича от всей предыдущей экстравертной деятельности и подразумевало совсем иные приоритеты. И про-

изошла удивительная метаморфоза. Освобожденный от кафедральной повседневности, бюрократической текучки «полуслов и полудел времен застоя», педагогический талант вузовского ветерана заблестал во всей своей чистоте и определенности. Он пересматривает тематический набор спецкурсов и спецсеминаров, перерабатывает и пишет заново учебные программы, расширяет круг аспирантов. В связи с введением в институте двухступенчатого образования одним из первых готовит к защите магистров по корейской филологии.

Как уже говорилось, Юрию Николаевичу очень повезло, что уже в начале своего востоковедного поприща он побывал в Северной Корее и получил благотворный импульс от очного знакомства со страной и от контактов с корейскими учеными. Но судьба улыбнулась маститому корееведи еще раз: на склоне лет он дважды посещает ранее недоступную Южную Корею и выступает с лекциями в ее ведущих университетах...

А время шло. Чаше стали посещать болезни. Уходили из жизни коллеги и друзья. Раньше всех, совсем молодым, умер индонезист Андрей Павленко, затем индонезийцы У. Т. Сантани и Интойо, преподаватель корейского языка Алиса Андреевна Хан, Н. П. Каштанова, товарищи по Московскому институту востоковедения фронтовики В. М. Моздыков, Д. М. Усатов, ветеран кафедры А. Н. Ситникова, выпускник кафедры и ученик Ю. Н. Мазура Иван Дмитриевич Скорбатюк...

Наступившая социальная либерализация облегчила международные связи и расширила информационное поле. Но с грустью наблюдал Юрий Николаевич, как воронка «дикого рынка» засасывала талантливую молодежь — выпускников, магистрантов, аспирантов, потенциальных ученых, педагогов. И росло чувство благодарности к Ирине Львовне Касаткиной и Валентине Евгеньевне Пентюховой, которые, несмотря на все трудности, остались на кафедре и сохраняют верность делу воспитания молодых кадров для корееведения. До последних дней являлся Юрий Николаевич в институт (уже в должности ведущего научного сотрудника), удобно располагался в своем кафедральном кресле, занимался с аспирантами и дипломниками, в перерыве спокойно завтракал, беседовал с коллегами. Для каждого находился мудрый совет.

Он умер от инсульта, скоропостижно, 3 октября 1998 г. Похоронен на Ракитникинском кладбище в Москве.

Разбирая его бумаги, Викторина Ивановна обнаружила в ящике письменного стола, в папке с неоконченной рукописью

«Корейской грамматики» старинную фотографию: молодая Александра Михайловна (мать Юры) в надвинутом на лоб платке и в летнем цветастом платье стоит по щиколотку в воде с удочкой в руках, а по песку босичком бегают пятилетний Юра Мазур и его трехгодовалая сестренка. Вдали на фоне сопки вагончик с навесом, а на подножке Николай Константинович. Весело щурится на солнце мама, смеется Юра, заливаясь смехом Рита, улыбается отец. Блестят стальные пути двухколейки: один — на Харбин, другой — к Москве — «навстречу судьбе»...

До сих пор продолжает кафедра получать бандероли и письма из разных мест на имя Юрия Николаевича Мазура. Больше всего корреспонденции приходит из Кореи.

IV. Научное наследие

Жизненный путь Ю. Н. Мазура отмечен длинным рядом научных трудов, которые, в силу его богатой натуры и жизнелюбивого темперамента, охватывают самые различные отрасли филологии в тесной связи с дидактикой и страноведением. В начале этого пути он (будущий преподаватель педагогического института) увлекся составлением и редактированием учебных программ и учебников для начальных и средних корейских школ Советского Союза. Здесь проявились его интересы как корееведа и как русиста, а также раскрылся талант прирожденного педагога.

Еще до поступления в Московский государственный университет в 1956 г., молодой ученый публикует свои первые труды: «Русско-корейский словарь» (М., 1951, 1952, 1953 в соавторстве) и приложенный к нему «Краткий очерк грамматики современного корейского языка», «Учебник русского языка для корейцев» (в соавторстве, М., 1954, 1955), «Учебник корейского языка для I года обучения» (М., 1950) и др.

Как заведующий «многоязычной» кафедры ИСАА, Ю. Н. Мазур заботливо опекал лексикологическую работу коллег. И конечно, большое внимание он продолжал уделять кропотливому изучению лексического состава корейского языка. На протяжении полувека выходили корейско-русские и русско-корейские словари, составленные им в соавторстве с коллегами: В. М. Моздыковым, Л. Б. Никольским, Д. М. Усатовым, корейцами В. Л. Ли, Ко Хёном, Ким Ын Мо, Ли Джун Гвоном, Лю Ён Голем. Подходя к лексикологии как к сложной

многоуровневой области, он изучал различные лексические пласты, в первую очередь ханмунную лексику, создал пособие по иероглифике. А если принять во внимание, что в корейской традиционной лексикографии, помимо слов, в корпус словаря включаются и грамматические форманты (словообразующие и формообразующие элементы) на правах словарных статей, то лексические штудии были прологом к собственно корейской грамматике, ставшей со временем главной областью его научной деятельности, где он, реализовав «комплексный, систематизированный подход к каждому факту и явлению», по сути стал «создателем оригинальной концепции...». Учитывая подходы зарубежных лингвистов, Ю. Н. Мазур «разработал специальную грамматическую терминологию применительно к строю корейского языка» (Л. Р. Концевич).

Языковедческие взгляды Ю. Н. Мазура нашли свое первоначальное оформление в кандидатской диссертации «Падежи и послелог в корейском языке» (1953 г.), а затем они развивались относительно структуры слова и словосочетания и других аспектов корейской грамматики в статьях и обобщающих очерках, в выступлениях на традиционных университетских «Ломоносовских чтениях», в докладах на XXV Международном конгрессе востоковедов (1960 г.) и на многочисленных конференциях и симпозиумах.

Отличительной чертой грамматических взглядов Ю. Н. Мазура было внимание к филологической корейской традиции и к концепциям авторов периода революционно-демократического движения в Корее (статья о Чу Си Гёне, 1974 г.). Другая область довольно устойчивых интересов — это корейско-японские лингвистические параллели, к которым он периодически возвращался на протяжении почти всей творческой жизни и которые послужили темой ряда публикаций (1975, 1977, 1979, 1981, 1984 гг.), где сопоставляются грамматические конструкции и словообразовательные структуры обоих языков.

Широта взглядов Ю. Н. Мазура особенно наглядно проявилась в его интересе к языкам «Нусантары», и вылилась в изучение индонезийского языка, учебник по которому был написан коллективом авторов с его участием и вышел в 1985 г. благодаря его организаторским усилиям.

Последней работой, опубликованной Ю. Н. Мазуром, стала основательная статья «Корейский язык» под грифом Российской Академии наук (1997) в многотомном энциклопедическом издании «Языки мира».

Значительное количество работ Ю. Н. Мазура успешно функционировало на кафедре «на правах рукописи» — в виде учебных пособий и программ, рецензий и методических разработок. Посмертная публикация его последнего труда «Грамматика корейского языка» вышла в 2001 году. Это читавшийся в течение долгих лет на кафедре филологии стран ЮВА, Кореи и Монголии курс лекций для студентов-корееведов. По оценке подготовившего рукопись к печати Л. Р. Концевича, несмотря на значительный прогресс в области создания новых корейских грамматик в самой Корее и за ее пределами, «взгляды Ю. Н. Мазура на грамматическую природу корейского языка остаются оригинальными и представляются продуктивными для дальнейших исследований».

Этот выход в свет труда российского корееведа, подтвердил ту истину, что «рукописи не горят». Они прорастают памятью коллег, подобранных оброненные листы, чтобы донести до молодого поколения плоды пытливой мысли и жизненного опыта.

В. В. Ремарчук

Основные труды Ю. Н. Мазура

1. Падежи и послелог в корейском языке. Канд. дис. М., 1953. (Рук.) (МИВ).
2. Корейский язык. М., ИВЛ, 1960. (Серия «Языки зарубежного Востока и Африки»).
3. Форма слова и словосочетания в современном корейском языке. — Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. V. М., ИВЛ, 1963. (В соавт. с Ф. В. Мальковым и Л. Б. Никольским).
4. Структура слова в корейском языке. — Корейский язык. Сб. статей. М., ИВЛ, 1961.
5. Вопросы китаеведения и корееведения на XXV Международном конгрессе востоковедов. — Вопросы языкознания, 1961, № 2 (В соавт. с Н. В. Солнцевой).
6. Склонение в корейском языке. М., Изд-во МГУ, 1962.
7. Лексика китайского происхождения в современном корейском языке. Вопросы китайской филологии. Сб. статей. М., Изд-во МГУ, 1963.
8. Корейский язык и письменность. — Современная Корея. Справочное издание. М., ГРВЛ, 1971.
9. Учебное пособие по иероглифике (для изучающих корейский язык). М., Изд-во Военного ин-та иностр. яз., 1972.

10. Чу Си Гён и современное корейское языкознание.— Проблемы Дальнего Востока, 1974, № 4.
11. Морфологическая запись корейского текста (морфонематическая транскрипция) в русской графике.— Вестник Московского университета. Серия XIV. Востоковедение, 1975, № 2; то же в обработке Л. Р. Концевича см. в кн.: Грамматика корейского языка..., 2001.
12. Основные вопросы морфологического анализа корейского слова.— Вестник Московского университета. Серия XIV. Востоковедение, 1976, № 1.
13. Кальки в грамматических конструкциях (на примере японского и корейского языков).— Вопросы японской филологии. Вып. 4. М., Изд-во МГУ, 1977.
14. Учебник индонезийского языка для первого года обучения; Ч. 1–2. М., Изд-во МГУ, 1985. (В соавт. с Л. Н. Демидюк и Н. Б. Попенко).
15. Учебник корейского языка. М., Изд-во МГУ, 1988.
16. Корейский язык.— Языки Азии и Африки. Т. V. Алтайские языки.— Тунгусо-маньчжурские языки. Монгольские языки. Тюркские языки. Корейский язык. Японский язык. Диалекты японского языка. Айнский язык. М., «Вост. лит-ра», 1993.
17. Корейско-русский словарь. М., «Русский язык», 1994. (В соавт. с Ко Хёном, Ким Ын Мо, Ли Джун Гвоном, Л. Б. Никольским).
18. Корейский язык.— Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., Изд-во «ИНДРИК», 1997.
19. Грамматика корейского языка (Морфология. Словообразование). Теоретический курс. Издание подготовлено Л. Р. Концевичем при участии Мун Хесук. М., МЦК МГУ — Муравей-Гайд, 2001 (там же см. полную библиографию работ Ю. Н. Мазура, составленную Л. Р. Концевичем, с. 17–26).

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ МАЗУРОВ

(1929–1998)

Виктор Михайлович Мазуров родился 15 октября 1929 г. в Махачкале (Дагестан). Отец его — инженер-железнодорожник — занимал ответственные должности на Северо-Кавказской железной дороге, удостоивался за свой труд государственных наград. Мать — домохозяйка. В 1935 г. семья переехала в Орджоникидзе (ныне — Владикавказ) — столицу Северной Осетии. Там В. М. Мазуров пошел в школу.

По окончании средней школы в 1948 г. В. М. Мазуров поступил на корейское отделение Московского института востоковедения (МИВ). Вместе с ним в корейской группе учились будущие видные специалисты по Корее Г. В. Грязнов, Л. Е. Еременко, И. С. Казакевич и др. Среди однокурсников оказалось немало тех, кто впоследствии заняли заметные места в науке, политике, культуре страны (академик Е. М. Примаков, известные писатели А. Алексин, Ю. Семенов, ряд крупных дипломатических работников). Так что подбор студентов в МИВе был весьма неординарным. В их непростую и довольно яркую среду В. М. Мазуров влился вполне естественно и органично. Учился он хорошо, с интересом, проявляя во всем присущую ему творческую жилку. Как человек веселый, общительный, дружелюбный, надежный товарищ, он вызывал к себе дружеские симпатии окружающих.

Однокурсник В. М. Мазурова, индолог, доктор исторических наук П. М. Шаститко в своих мемуарах вспоминал, как в МИВе группа друзей решила создать студенческую коммуну, в которой были бы общими деньги (стипендии и побочные доходы), одежда, книги. Возглавил коммуну недавний фронтовик, Герой Советского Союза Зия Буниятов (ставший потом вице-президентом Академии Наук Азербайджана и трагически погибший там в период внутренних междоусобиц конца 1980-х годов). Когда в

коммуне распределялись обязанности, писал П. М. Шаститко, «Виктор Мазуров, обладатель самого шикарного, голубого цвета пальто, в котором пережилась добрая половина студентов (включая автора этих строк), стал отвечать за гардероб» («Восток», 1987, № 2, с. 146–147).

Окончив МИВ в 1953 г., В. М. Мазуров поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР (РАН), навсегда связав с ним свою судьбу. Под научным руководством Г. Ф. Кима он работал над кандидатской диссертацией по теме «Анти-японская вооруженная борьба корейского народа (1931–1940)». В 1956 г., завершив учебу в аспирантуре, В. М. Мазуров стал младшим научным сотрудником незадолго перед тем образованного сектора Кореи, которым заведовал Г. Ф. Ким. Трудясь вместе с корееведами старшего поколения Г. Ф. Кимом, Ф. И. Шабшиной, Г. Д. Тягай, Н. К. Вайнцвайгом, общаясь со специалистами по сопредельным с Кореей странам (Китаю, Монголии, Японии), он прошел здесь хорошую научную и жизненную школу.

В 1958 г. В. М. Мазуров успешно защитил кандидатскую диссертацию (по книге). Став с годами маститым ученым, он не считал нужным отвлекаться на хлопоты, связанные с обретением докторской степени, которой вполне заслуживал. По условиям того времени его (как и его сверстников) служебный рост был не очень быстрым: в 1966 г. В. М. Мазуров был назначен на должность старшего научного сотрудника, в 1990 г. — ведущего научного сотрудника (кандидаты наук не часто удостаивались столь высокой для научных учреждений должности).

Все годы учебы в МИВе и работы в ИВ РАН В. М. Мазуров активно участвовал в общественной жизни: вначале работал агитатором среди населения в периоды подготовки и проведения выборов в органы власти разного уровня; затем вел занятия в кружке политической учебы на одном из промышленных предприятий Москвы, где пользовался вниманием и уважением слушателей, а также выступал с лекциями. Долгое время он был в числе организаторов спортивной работы в институте, входил в состав народной дружины по охране общественного порядка. Как и все остальное, поручения такого рода выполнялись с присущими ему инициативой и ответственным отношением к делу.

Свою научную деятельность В. М. Мазуров начал с изучения проблем новейшей истории Кореи. Среди них наиболее

важными и актуальными считались проблемы национально-освободительного движения в Корее в период, предшествовавший ее освобождению от японского колониального ига в августе 1945 г. Итогом исследовательской работы В. М. Мазурова в этом направлении стала его первая научная публикация — книга «Антияпонская вооруженная борьба корейского народа (1931–1940)» (М., 1958), защищенная им, как уже сказано, в качестве кандидатской диссертации.

В середине 1950-х годов, когда писалась книга, возможности ее автора опереться на солидную базу источников и литературы по избранной им теме были крайне ограниченными. Советские и зарубежные архивы были недоступны. Документальные публикации и исследовательские труды из Южной Кореи в библиотеках СССР отсутствовали, литература по новейшей истории Кореи из других стран поступала в недостаточном количестве. Тем не менее В. М. Мазурову удалось собрать обширный фактический материал из японских и советских изданий рассматриваемого им периода, из книг и статей, вышедших в КНДР, а также работ современных ему советских и иностранных ученых. В результате книга получилась для своего времени достаточно насыщенной фактами и содержательной в научном и познавательном отношениях.

Исходная точка изложения В. М. Мазуровым одной из сложных и значимых страниц истории национально-освободительного движения корейского народа — захват Японией Маньчжурии в 1931 г., резко обостривший ситуацию на Дальнем Востоке и вызвавший там подъем сопротивления агрессорам, в котором активно участвовали патриотические силы Кореи. Конечная хронологическая грань — 1940 г., когда под давлением неизмеримо более мощного противника, укреплявшего тылы перед началом готовившейся им войны на Тихом океане, антияпонские партизанские отряды были вынуждены рассредоточиться и перейти к боевым действиям небольшими группами.

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. тяжело отразился на Корее. Кризисные явления в своей экономике Япония в значительной мере преодолевала за счет этой колонии. В. М. Мазуров обстоятельно показал в книге рост ограбления Японией природных богатств Кореи, усиление всех форм эксплуатации ее населения. Корейский народ отвечал колониальным и «отечественным» угнетателям массовыми акциями про-

теста, самые крупные из которых представлены в книге (Вонсанская всеобщая забастовка 1929 г., арендные конфликты, выступления молодежи Кванджу в 1929 г.). Сообразно господствовавшим тогда воззрениям, движущей силой освободительного движения корейского народа названы рабочий класс, подпольные коммунистические организации. Как и у других советских авторов того времени, националистический поток освободительного движения, особенно «национал-реформизм», получил только негативные оценки.

Главное внимание в книге уделено антияпонской вооруженной борьбе корейцев после 1931 г. В основном она развернулась в прилегающих к Корее районах Маньчжурии и в Центральном Китае. Ее подъем обычно связывали не только с началом японской агрессии против Китая, но и с тем, что к руководству вооруженной борьбой пришли коммунисты во главе с Ким Ир Сеном. Надо отдать справедливость В. М. Мазурову: выделяя, как было принято, партизанское соединение Ким Ир Сена, он избежал апологетики и привел данные о многих других отрядах, внесших свой вклад в антияпонское сопротивление. Автор выделил два этапа корейского партизанского движения (условная граница между ними — создание в 1934 г. Общества возрождения отечества), выявил его связи с освободительной борьбой в самой Корее, рассказал о многочисленных героических схватках партизан с войсками агрессоров, о наиболее известных бойцах и командирах партизанских отрядов. Боевые действия корейских партизан увязаны им с общей ситуацией в Китае 1930-х годов и освободительной борьбой китайского народа.

Книга В. М. Мазурова «Антияпонская вооруженная борьба корейского народа (1931–1940 гг.)» издана более 40 лет тому назад. С тех пор в советском (российском) корееведении не было аналогичного ей по объему и содержанию специального труда по этой действительно важной и интересной теме. Несмотря на некоторые недостатки, в немалой степени вызванные условиями времени ее написания, книга и сегодня не утратила своего научного значения и, можно надеяться, станет полезной будущим исследователям новейшей истории Кореи.

К первой книге В. М. Мазурова примыкает его большая статья «В. И. Ленин и Корея» в сборнике «Ленин и Восток» (М., 1960), приуроченная к 90-летию со дня рождения основателя Советского государства. В ней прослеживаются пути, формы

и масштабы влияния Октябрьской революции 1917 г. на освободительное движение в Корее, показаны многообразные контакты и взаимодействия народов двух соседних стран в последующие десятилетия.

Еще до того, как В. М. Мазуров завершил занятия первоначально привлекавшим его разделом истории Кореи 1920–1930-х годов, он заинтересовался также социально-политической ситуацией в Южной Корее. Исследование ее проблем стало основным направлением его дальнейшей научной жизни и принесло наиболее весомые результаты.

Институт востоковедения РАН первым в СССР приступил к серьезному изучению Южной Кореи. После 1945 г. был опубликован ряд статей по различным аспектам ее существования, но они, как правило, невелики по объему, посвящены каким-то отдельным вопросам и в обстановке начавшейся «холодной» войны исходили больше из пропагандистских, нежели научных задач. Долгое время вести исследования по Югу было трудно из-за нехватки надежной информации, жестких идейно-политических ограничений, необходимости соизмеряться с историографией КНДР, что считалось обязательным для союзнических с ней отношений. Однако научные труды по Югу начали появляться, с годами их количество увеличивалось и, неся все же на себе отпечатки своего конфронтационного времени, они становились глубже и объективнее, позволяя читателям лучше знать и понимать Республику Корея. В этом немалая заслуга и В. М. Мазурова.

В 1959 г. Институт востоковедения РАН (с привлечением авторов со стороны) издал большую коллективную монографию «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.)». Это первое в отечественном корееведении крупное систематическое изложение истории Южной Кореи после 1945 г., анализ происходивших там процессов в промышленности, сельском хозяйстве, финансах, культуре и идеологии. Можно сказать, что именно со времени опубликования этой книги Южная Корея стала объектом самостоятельного научного изучения в СССР. В соответствующих главах авторы сосредоточились на показе реакционных, антинародных, милитаристских черт существовавшего на Юге «марионеточного», как у нас считали, правящего режима во главе с Ли Сын Маном, кризисных явлений в социальной сфере, в разных областях экономики и культуры, форм и

методов утверждения там всестороннего господства США. Для такого подхода имелось тогда более чем достаточно оснований.

Монография завершалась главой «Освободительное демократическое движение в Южной Корее», написанной В. М. Мазуровым (в соавторстве с Ф. И. Шабшиной). В ней воссоздана политическая история Южной Кореи, начиная с августа 1945 г., перечислены крупнейшие выступления рабочих, крестьян, молодежи, неоднократные восстания, действия партизанских отрядов, направленные против лисынмановского режима и американского засилья, за улучшение положения трудящихся, демократизацию общества, сохранение национального единства страны. Подчеркивалось стимулирующее воздействие на борьбу народных масс Южной Кореи проводимых на Севере демократических преобразований. В заключение авторы главы отмечали подъем в Южной Корее новой волны освободительного движения. Следует признать, что их прогноз оправдался: совсем скоро после выхода книги, в апреле 1960 г., восставший народ Южной Кореи сверг и изгнал Ли Сын Мана.

Со времени написания упомянутой выше главы книги «Южная Корея» В. М. Мазуров полностью переключился на внутриполитические проблемы Юга. Его подталкивали к тому происходившие на Юге огромной важности события: в мае 1961 г. там был устроен государственный переворот, и к власти пришли военные во главе с Пак Чон Хи, резко изменившие ход всей политической жизни и на четверть века определившие судьбу государства. В. М. Мазуров в числе первых откликнулся на случившееся статьями «Современное положение Южной Кореи и борьба пролетариата» (в соавторстве с Б. В. Синицыным) в сборнике «Положение рабочего класса и рабочее движение в странах Азии и Африки» (М., 1962), «Южная Корея: год военной диктатуры» («Азия и Африка сегодня», 1962, № 4) и «Южная Корея: хунта остается у власти» («Азия и Африка сегодня», 1963, № 5).

Однако в тот период В. М. Мазурова больше интересовали истоки ситуации, сложившейся после 1945 г. в Южной Корее, те внешние и внутренние факторы, которые привели к расколу страны, образованию на Юге сепаратного государства, к братоубийственной Корейской войне (1950–1953 гг.), а впоследствии вызвали Апрельское восстание 1960 г. Итогом его работы по этой теме стала книга «Создание антинародного режима в Южной Корее (1945–1950 гг.)» (М., 1963).

Практически это история Южной Кореи первого пятилетия ее существования, изложенная с точки зрения того, как США, оккупировавшие южную часть Кореи, сформировали там удобную им политическую систему во главе с Ли Сын Маном, подавили вместе с ним движение широких слоев общественности за социально-экономические преобразования, демократизацию и объединение Кореи, готовились к завоеванию КНДР. Именно в этой книге, пожалуй, наглядно проявился обычно присущий В. М. Мазурову авторский стиль: с одной стороны, аналитический подход, опора на максимум доступного фактического материала, с другой, — живость, нестандартность изложения, тяга даже к некоторой его публицистичности. Конечно, отнюдь не все подходы и суждения В. М. Мазурова сорокалетней давности, отражавшие уровень нашего корееведения того времени, покажутся сегодня убедительными. Но не следует упускать из виду, что в главном, в общей оценке режима Ли Сын Мана, с ним солидаризировался сам народ Южной Кореи, сбросивший ненавистный ему режим в апреле 1960 г.

Параллельно с экскурсом в раннюю историю Южной Кореи В. М. Мазуров продолжал внимательно следить за тем, что происходило там после Апрельского восстания 1960 г. и военного переворота в мае 1961 г. Последовавший за свержением Ли Сын Мана подъем демократического движения на Юге, усилившееся в обществе стремление к налаживанию контактов с Севером, приход к власти возглавляемой Пак Чон Хи военной группировки, насильственно прервавшей важные для национальных интересов всего корейского народа позитивные процессы, противоречивость ситуации начала 1960-х годов освещены В. М. Мазуровым (в соавторстве с Б. В. Синицыным) в книге «Южная Корея. Драматическое перепутье» (М., 1963). Затем им были опубликованы несколько статей и глава «Углубление кризиса южнокорейского режима» в коллективной монографии «Корея: Север и Юг» (М., 1965). Книга, приуроченная к 10-летию освобождения Кореи, ставила целью сопоставить результаты, достигнутые за истекший период двумя частями расчлененной страны на важнейших направлениях общественного развития. Разумеется, явные предпочтения во всем отдавались Северу, для чего у авторов (В. М. Мазуров в том числе) имелось тогда немало поводов (известно, что до начала 1970-х годов Север по ряду параметров обгонял Юг).

Занятия политической проблематикой Южной Кореи неизбежно привели В. М. Мазурова к необходимости изучать корейскую политику США. Различные ее аспекты затрагивались им ранее в книге «Создание антинародного режима в Южной Корее», ряде статей. Специально этой теме посвящена книга «Южная Корея и США» (М., 1971). Если в предыдущих работах рассматривался начальный этап формирования американской политики в Корее, то в данной книге автор раскрыл ее содержание в период 1950–1960-х годов. Детально, насколько было возможно, и в принятом тогда ракурсе выявлены роль США в возникновении Корейской войны, изменения проводимого ими в Южной Корее политического курса вследствие краха режима Ли Сын Мана, причастность США к захвату власти военными и их репрессивным действиям, закулисные маневры США по сближению Южной Кореи с Японией и ее втягиванию в американскую авантюру во Вьетнаме. В целом политика США в Южной Корее оценивалась В. М. Мазуровым (и всеми писавшими об этом в одно с ним время) как яркое проявление неокOLONиализма, нацеленное на превращение ее в опорный пункт американской военно-стратегической системы в Азии.

Своеобразным итогом второго этапа творческой деятельности В. М. Мазурова стало его участие в коллективных обобщающих трудах по истории Кореи, где в основном он представлял южнокорейское направление отечественного корееведения. В этом качестве он вошел в состав авторов исторического очерка в справочном издании «Современная Корея» (М., 1971). Бесспорным достижением современной науки о Корее, причем не только отечественной, явилась двухтомная «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)» (М., 1974), которая до сих пор служит надежным фундаментом для развития корееведения в России. Во втором томе, посвященном истории Кореи после аннексии ее Японией в 1910 г., В. М. Мазуров — автор трех глав (соавтор еще одной) об Апрельском восстании 1960 г. и политическом положении на Юге вплоть до 1970 г.

В 1971 г. в Институте востоковедения РАН был образован отдел общетеоретических проблем социально-политического развития стран Востока, руководимый вначале Г. Ф. Кимом, а впоследствии Н. А. Симонией. Задача отдела — обобщение накопленных наукой данных о ситуации в политике, социальной сфере, культуре и идеологии на современном Востоке, тео-

ретическое осмысление происходящих там процессов, выявление присущих им общемировых тенденций и региональной специфики. В. М. Мазуров вошел во вновь созданный научный коллектив и занял в нем достойное место.

На протяжении двух десятилетий работы в отделе общетеоретических проблем В. М. Мазуров принял деятельное участие в многочисленных научных конференциях и симпозиумах, в изданных отделом крупных коллективных трудах. Достаточно перечислить темы глав и статей, написанных (индивидуально или в соавторстве) В. М. Мазуровым: неоколониалистская социальная стратегия в отношении административно-управленческих прослоек развивающихся стран; неоколониализм и подготовка кадров, формирование интеллигенции молодых государств Азии и Африки; политическая власть и государственная собственность в этих государствах; общее и особенное в эволюции буржуазно-авторитарных режимов, взаимоотношения в них власти и оппозиции и т. д. Из приведенного перечня видно, насколько широк и разнообразен был круг научных интересов В. М. Мазурова. При разработке каждой из названных тем им непременно привлекался соответствующий опыт Южной Кореи.

В. М. Мазуров продолжил также изучение международных проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, начатое книгой «Южная Корея и США». На данном этапе его внимание особенно привлекали изменения в сложившейся там расстановке сил, вызванные существенными сдвигами во взаимоотношениях ведущих держав региона: США, Китая и Японии. Результатом проведенных В. М. Мазуровым исследований на указанном направлении стала его новая книга «США — Китай — Япония: перестройка межгосударственных отношений (1969–1979)» (М., 1980). Международная ситуация в АТР, конечно же, с учетом роли в ней Южной Кореи освещалась им и в других работах.

После установления в 1990 г. дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея в Институте востоковедения РАН сочли целесообразным сконцентрировать в одном научном подразделении кадры специалистов по Южной Корее. В отделе Кореи и Монголии в 1992 г. был создан сектор Республики Корея, возглавленный В. М. Мазуровым. Так начался четвертый, последний этап его научной деятельности. Вновь он сосредоточился целиком на социально-политической проблематике Южной Кореи, но уже с более широким

кругозором, обогащенный опытом предыдущей работы над аналогичными проблемами всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

К тому времени, когда В. М. Мазуров снова переключился на изучение социально-политического положения Южной Кореи, в этой стране происходили весьма серьезные перемены. С конца 1980-х годов там развернулись сложные и противоречивые процессы модернизации многих сторон жизни общества, началось все более осязаемое движение от господствовавшего прежде авторитаризма к демократии. Важнейшие аспекты происходившего, первые итоги и дальнейшие перспективы В. М. Мазуров анализировал в книге, так им и озаглавленной «От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин)» (М., 1996). В самом названии книги видна ее специфика: автор сопоставил две страны, находившихся в тисках авторитаризма и избравших путь демократизации, но, в силу свойственных каждой из них особенностей, двигавшихся по этому пути по-разному и с разными результатами. Такого рода сравнительный анализ делал более наглядной картину демократического обновления Южной Кореи.

С начала 1990-х годов в России внимательно присматривались к достижениям Южной Кореи в различных областях, прежде всего в экономике, стремились выяснить факторы, обусловившие впечатляющий подъем еще недавно отсталой страны до высокого мирового уровня. Считалось (не всегда обоснованно), что ее пример может оказаться полезным для России, где пришедшие тогда к власти политические силы добивались замены социалистической плановой экономической системы безраздельным господством рыночных отношений. С этих позиций то, что делалось в Южной Корее, рассматривалось на ряде конференций и симпозиумов в научных центрах России, материалы которых, как правило, публиковались затем в виде сборников статей.

По инициативе и под руководством В. М. Мазурова в Институте востоковедения РАН был издан сборник статей «Республика Корея: опыт модернизации» (М., 1996). В нем В. М. Мазуров выступил автором обширного предисловия, двух статей и заключения. В первой из его статей достаточно подробно охарактеризованы южнокорейское общество периода засилья авторитаризма и пройденный им к середине 1990-х годов этап перехода к демократии, со всеми его минусами и плюсами, с неизбежным для такого периода обострением внутренних проти-

воречий. Вторая статья затронула слабо у нас изученные, но очень актуальные проблемы: религиозная ситуация в Южной Корее — стране с многоконфессиональной структурой общества, роль основных конфессий в современной политической жизни, их место в системе отношений «власть — оппозиция» и т. д.

В последние годы жизни В. М. Мазуров заинтересовался вопросами политической культуры Кореи, ее историческим прошлым и нынешним состоянием. Изучение их помогало ему более глубоко анализировать ход модернизации, демократических преобразований в Южной Корее, выявляя прежде всего факторы, тормозившие общественный прогресс (влияние конфронтационных традиций прошлого и неизбежных последствий авторитарного периода, сопротивление бюрократии, коррупция, столкновения клановых интересов и пр.). К нашей общей печали, В. М. Мазуров не успел завершить эту работу, рассмотрев только социально-политическую обстановку на Юге в годы президентства Ким Ен Сама (1993–1998). Статья «Республика Корея: проблемы и противоречия современного политического развития» опубликована в сборнике «Корея на рубеже веков» (М., 2002), подготовленном по предложению В. М. Мазурова и посвященном его светлой памяти.

Исследуя новейшую историю сначала всей Кореи, а затем южной ее части, В. М. Мазуров постоянно (насколько было возможно) следил за работами по близким ему темам отечественных и зарубежных коллег (особенно американских). Своими знаниями о новых достижениях корееведения он часто и охотно делился на научных заседаниях и в повседневном общении с коллегами. Им опубликованы несколько рецензий на труды о Корее, вышедшие в СССР и за рубежом. Основные направления и уровень развития корееведения в США (долгое время самого крупного из доступных нам разделов мировой науки о Корее) критически рассмотрены В. М. Мазуровым в больших статьях «Современная американская историография о Корее» в сборнике «Против колониализма» (М., 1960), «Как Государственный департамент освещает историю Кореи» (в соавторстве с С. М. Голосовым, «Народы Азии и Африки», 1964, № 3), «Новое направление исследовательской работы в американском корееведении» (в соавторстве с Л. М. Володиной) в сборнике «История Кореи в буржуазной историографии» (М., 1976).

Установление дипломатических отношений СССР с Республикой Корея открыло широкие возможности для контактов ученых двух стран. Прежде всего, начался взаимный процесс узнавания ими друг друга. Перед российскими учеными встала задача рассказать южнокорейским коллегам об истории корееведения в России, основных направлениях его развития после 1945 г. и достигнутых результатах, о людях, трудившихся в науке о Корее. Информация такого рода интересовала научную общественность РК. В этой работе активно участвовал и В. М. Мазуров. Состояние изученности в России социально-политических проблем Южной Кореи освещено им в сборнике статей «Корееведение в СССР», опубликованном Пусанским университетом в 1994 г., и в коллективной монографии «Изучение Кореи в России: история и современность», изданной в Сеуле в 1999 г. (обе книги на корейском языке).

Вряд ли нужно доказывать, как важно ученому бывать в изучаемой им стране, видеть ее жизнь и проблемы своими глазами, общаться с коллегами, сопоставлять книжные знания с действительностью. В. М. Мазуров в 1965–1969 гг. трижды, правда, на короткие сроки, приезжал в КНДР (в туристической группе, молодежной делегации, в научную командировку). К сожалению, Южную Корею, которой он посвятил почти всю свою научную жизнь, ему так и не удалось посетить ни разу.

За сорок с лишним лет работы в науке В. М. Мазуров сделал много для отечественного корееведения: 6 монографий, более 30 статей и глав в коллективных трудах, участие в ряде научных мероприятий. За свою научную и общественную деятельность неоднократно поощрялся руководством института, был награжден медалью «Ветеран труда». С полным правом его можно отнести к числу ведущих деятелей российского корееведения второй половины XX века.

Как уже говорилось, не все взгляды и оценки В. М. Мазурова приемлемы сегодня полностью. Надо только учитывать время и условия, при которых высказывались эти взгляды и оценки, а также то, что сами объекты проводимых им исследований трансформировались за истекшие десятилетия и когда-то воспринимались не такими, какими выглядят сейчас. Но при всех ограничениях и трудностях, с которыми ему, как и другим корееведам, приходилось сталкиваться, В. М. Мазуров сумел внести весомый вклад в науку о Корее, в то, чтобы в на-

шей стране полнее и глубже знали о пройденном пути и современных тенденциях политического развития Республики Корея. Без обращения к его трудам невозможно теперь изучать у нас ее историю.

Среди своих коллег В. М. Мазуров выделялся не только работоспособностью и авторской продуктивностью, но и большой заинтересованностью в деле, которому он служил. Наука для него была не просто работой, средством существования, что не такая уж редкость в научной среде, но смыслом жизни, он трудился в ней с искренним увлечением. Творческий потенциал его не угас до конца дней. В меру своих возможностей В. М. Мазуров постоянно следил за отечественной и зарубежной литературой, причем не только по Корее, изыскивал источники свежей информации. Обладая достаточно широким кругозором (в этом ему помогли занятия общими проблемами современного Востока), он все время был в творческом поиске, выдвигал любопытные идеи, предлагал новые интересные темы, неизбитые подходы к их разработке. Всегда был готов поделиться своими знаниями и мыслями с коллегами, стремился помочь научной молодежи.

Создав себе авторитетное имя в науке, В. М. Мазуров оставался очень скромным человеком, никогда не кичился своим положением или эрудицией. О его умении ладить с разными по уровню и характеру людьми, находить с ними общий язык свидетельствует хотя бы приведенный выше перечень его соавторов в исследовательской работе. В конфликтных ситуациях, без которых не обходится ни один коллектив, он порой терялся, не умел постоять за себя. Врожденная интеллигентность не позволяла ему на грубость, несправедливость ответить тем же. Честный и порядочный человек, он сторонился каких-то пересудов о коллегах, мелких интриг, которые тоже иногда случались.

В. М. Мазуров — отнюдь не ангел, ничто человеческое ему не было чуждо. Как и большинству людей, жизнь преподносила ему не одни только радости и удачи. Но даже при сложных обстоятельствах он старался не поддаваться унынию (во всяком случае, на людях), сохранять ровный, оптимистический настрой, что так важно для окружающих. С коллегами был неизменно внимателен, дружелюбен, отзывчив на их переживания. Никогда он не уходил от общих дел, которыми жил коллектив, всегда был готов предложить свою помощь. Всех, кто с ним общался на работе или на отдыхе,

покоряло его остроумие. Обычно В. М. Мазуров являлся одним из главных авторов капустников, исполнявшихся на отшельских вечерах, умел веселой и доброй шуткой украсить дружеское застолье.

Видный ученый, внесший значительную лепту в развитие отечественного корееведения, хороший товарищ, открытый, доброжелательный, жизнерадостный человек — таким останется В. М. Мазуров в памяти всех, кто его знал.

Ю. В. Ванин

Основные труды В. М. Мазурова

1. Антияпонская вооруженная борьба корейского народа (1931–1940). М., 1958.
2. Освободительное демократическое движение в Южной Корее — Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.). М., 1959. (В соавторстве с Ф. И. Шабшиной).
3. В. И. Ленин и Корея. — Ленин и Восток. М., 1960.
4. Современная американская историография о Корее. — Против колониализма. М., 1960.
5. Современное положение Южной Кореи и борьба пролетариата. — Положение рабочего класса и рабочее движение в странах Азии и Африки. М., 1962. (В соавторстве с Б. В. Синицыным)
6. Южная Корея: год военной диктатуры — Азия и Африка сегодня. 1962, № 4.
7. Создание антинародного режима в Южной Корее (1945–1950). М., 1963.
8. Южная Корея. Драматическое перепутье. М., 1963. (В соавторстве с Б. В. Синицыным).
9. Южная Корея: хунта остается у власти. — Азия и Африка сегодня. 1963, № 5.
10. Как Государственный департамент освещает историю Кореи. — Народы Азии и Африки, 1964, № 3. (В соавторстве с С. М. Голосовым).
11. Углубление кризиса южнокорейского режима. — Корея: Север и Юг. М., 1965.
12. Южная Корея: поиски «обновления». — Азия и Африка сегодня. 1966, № 10. (В соавторстве с В. И. Шипаевым).
13. Южная Корея и США. М., 1971.
14. Новейшая история. — Современная Корея. Справочное издание. М., 1971. (Раздел исторического очерка в соавторстве с Ф. И. Шабшиной и В. К. Паком).

15. Апрельское восстание 1960 г. против лисынмановской диктатуры — История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 2. М., 1974.
16. Вторая республика и ее банкротство (октябрь 1960 — май 1961).— Там же.
17. Военная хунта у власти (1961–1963).— Там же.
18. Третья южнокорейская республика (1963–1970).— Там же.
19. Некоторые аспекты неокOLONиалистской социальной стратегии в отношении административно-управленческих прослоек развивающихся стран.— Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока. М., 1974.
20. Подготовка кадров молодых государств и неокOLONиализм США.— Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975. (В соавторстве с Л. М. Володиной).
21. Нормализация японо-китайских отношений.— Япония и Азия. М., 1976.
22. Новое направление исследовательской работы в американском корееведении.— История Кореи в буржуазной историографии. М., 1976. (В соавторстве с Л. М. Володиной).
23. США — Китай — Япония: перестройка межгосударственных отношений (1969–1979). М., 1980.
24. Подготовка кадров афро-азиатской интеллигенции в социальной стратегии неокOLONиализма.— Интеллигенция и социальный прогресс. М., 1981. (В соавторстве с Т. И. Кухтиной, А. И. Кравцевичем, А. И. Куприным).
25. Буржуазная политология и проблемы развития стран социалистической ориентации.— Партии и революционный процесс в странах Азии и Африки. М., 1981.
26. Власть и оппозиция в условиях буржуазно-авторитарных режимов (на примере Тайваня и Южной Кореи).— Буржуазные партии и политическая борьба в странах Востока. М., 1987.
27. Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже 70–80-х годов.— Проблемы мира и безопасности в Азии. М., 1987.
28. Общее и особенное в эволюции буржуазно-авторитарных режимов.— Классы, партии и политика в развивающихся странах Востока. М., 1988. (В соавторстве с Ю. О. Левтоновой).
29. Государство, бюрократия и партии в условиях капиталистического развития.— там же. (В соавторстве с Л. Е. Скляровым).
30. Некоторые черты политической оппозиции буржуазному авторитаризму.— Там же.
31. Политическая власть и государственная собственность (сравнительный анализ Южной Кореи и Филиппин).— Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М., 1990.

32. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М., 1996.
33. Республика Корея на этапе перехода к демократии — Республика Корея: опыт модернизации. М., 1996.
34. Политическое лидерство в многоконфессиональном южнокорейском обществе.— Там же.
35. Республика Корея: проблемы и противоречия современного политического развития.— Корея на рубеже веков. М., 2002.
36. Изучение политики Южной Кореи в СССР. — Корееведение в СССР. Пусан, 1994 (на кор. яз.).
37. Общественно-политическая эволюция Южной Кореи в освещении российского корееведения.— Изучение Кореи в России: история и современность. Сеул, 1999 (на кор. яз.).

МАРИАННА ИВАНОВНА НИКИТИНА

(1930–1999)

 арианна Ивановна Никитина — Мара Кудряшова, родилась 15 октября 1930 г. в г. Ленинграде и не надолго покидала город только на время войны, когда ее, ребенком, увезли к родственникам на Волгу. Мара была старшей в семье, где, кроме нее были еще младшие брат и сестра. Вернувшись после войны в Ленинград, семья Кудряшовых поселилась возле Финляндского вокзала в одном из двухэтажных деревянных домов, которые стояли на ул. Лебедева — там, где сейчас выстроена станция метро. В 1947 г., окончив женскую среднюю школу (в те времена у нас было раздельное обучение), она поступила в Ленинградский университет на корейское отделение Восточного факультета.

Корейское отделение открылось на Восточном факультете в 1947 г., здесь впервые после большого перерыва снова начали изучать Корею, и Мара Кудряшова была в числе студентов первой корейской группы. У нас не было учебников, словарей, не было переводов памятников литературы. Мы все очень мало знали о Корее. Нас учил Александр Алексеевич Холодович — учил всему, что он знал сам. Когда нам давали задание перевести учебный текст, мы шли в общежитие к студентам и аспирантам из Корейской Народно-Демократической Республики, которые впервые приехали к нам учиться в конце 1940-х годов. Так у Мары Кудряшовой появился собственный словарь-картотека. А. А. Холодович любил отпускать студентов в «самостоятельное плавание». Ценил он тех, кто умел «добираться до берега» сам, и Мара всегда выдерживала этот экзамен на самостоятельность.

О корейской литературе мы не знали ничего, и рассказать нам об этом было некому. Поэтому А. А. Холодович раздавал курсовые работы: перевести художественный текст или корей-

скую статью по истории литературы, которые ему удавалось раздобыть. Мара Кудряшова начала изучение корейской литературы с перевода романа современного корейского писателя Ли Гиёна «Земля». А дальше была аспирантура и новая тема — корейская традиционная поэзия в жанре *сиджо* (работа была защищена как кандидатская диссертация в 1962 г.).

Уже в аспирантуре Марианна Ивановна начала учить новое поколение студентов — надо было ставить курс по истории корейской литературы. К этому времени появились кое-какие книги из КНДР, но их по-прежнему было мало. И вот тогда мы вдвоем, собрав свои скудные знания, сели и написали наш первый курс по истории корейской литературы, конечно, очень и очень несовершенный. Отпечатанные листки этого курса до сих пор у меня хранятся и напоминают о наших совместных сидениях за пишущей машинкой до позднего вечера на улице Лебедева, где тогда жила М. И. Никитина.

Три года аспирантуры — это время первого знакомства с памятниками традиционной литературы, тогда же М. И. Никитина сделала первые шаги как переводчик: она перевела «Повесть о Хон Кильдоне» для сборника корейских средневековых повестей, которые впервые в России составил и издал А. А. Холодович (1954). Одновременно она занималась *сиджо* — исследованием и подстрочными переводами для А. А. Ахматовой, имя которой как поэтического переводчика стоит на первом месте в русской литературе в сборнике корейской традиционной поэзии (1956).

В 1950-е годы Россия открывала для себя Корею, интерес к переводам ее литературных памятников был велик. М. И. Никитина работала с ленинградским поэтом А. И. Гитовичем над переводами корейской поэзии 20-х годов, которые публиковались в журналах. В журнале «Восточный альманах» вышла и первая ее статья о рифме в *сиджо* (1958). Это было открытие, до нее никто из исследователей такой проблемой в корейской поэзии не занимался.

После поступления в 1957 г. в Ленинградское отделение Института востоковедения РАН Марианне Ивановне открылся мир корейских рукописей и ксилографов. Можно сказать, она заново училась читать по-корейски, разбирать почерки, а через три года сделала первый доклад о рукописи романа «Счастливое соединение двух браслетов» на Международном конгрессе востоковедов в Москве (1960). В 1962 г. работа над рукописью была опубликована, это — факсимильное издание текста и перевод

первой книги романа. Сделала она перевод и другой книги, но он остался в рукописи.

Работая в Институте, М. И. Никитина продолжала чтение лекций в университете, руководила курсовыми работами студентов. В процессе изучения корейских рукописных памятников и подготовки лекций была выработана методика изучения корейской литературы, когда литературное явление описывается вне его связей с мировым литературным процессом и принятыми в традиционном литературоведении рамками жанров и периодизации: произведения и жанры рассматриваются «изнутри» как явление данной культуры. Эта методика была реализована в главах нашей совместной книги «Очерки истории корейской литературы до XIV в.» (1969), посвященных буддийской биографии и древней поэзии *хянга*, а также в статье «Периодизация корейской средневековой литературы» (1968). Принципы периодизации традиционной литературы, предложенные в этой статье, легли затем в основу разделов, посвященных литературе Кореи, в «Истории всемирной литературы» (т. 2–5, 1984–1988).

Изучение рукописей, написание статей по истории литературы не увели Марианну Ивановну в сторону от главного исследовательского интереса — корейской поэзии на родном языке. Она написала книгу о поэтическом жанре *сиджо*, в которой поставила задачу ответить на вопрос, почему современному корейцу сочинить *сиджо* гораздо труднее, чем написать стихи на китайском языке. Ее исследование посвящено проблеме воссоздания системы представлений о мире, свойственной классическим *сиджо*. Книга пролежала в издательстве долго — более десяти лет, и когда работа, наконец, была опубликована, автор на моем экземпляре сделала пророческую надпись: «В нашем деле самое главное — дожить». Издания своей последней большой работы, посвященной мифу о Женищине-Солнце, она не увидела.

Исследование традиционных поэтических жанров привели Марианну Ивановну к необходимости разобраться в истоках корейской культуры, Изучая древние поэтические тексты *хянга*, М. И. Никитина реконструировала основные мифы и ритуалы, с ними связанные. Так появилось уникальное исследование основ корейской культуры — монография «Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом» и докторская диссертация на эту же тему (1982). До нее никто в мировом корееведении таких исследований не проводил.

Марианна Ивановна продолжила свою работу, анализировала корейские мифологические тексты, привлекая материалы Японии и Китая. Это позволило ей подойти к исследованию истоков культуры всего дальневосточного региона. Она не успела довести до конца свою работу, оформил и издал книгу ее муж В. П. Никитин в 2001 г. («Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его спутники в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран»).

Работы Марианны Ивановны высоко ценили зарубежные коллеги. О результатах своих исследований она успешно докладывала на конференциях, посвященных изучению литератур Востока, которые были организованы в странах Восточной Европы в 1970-х годах. С 1984 г. открылись возможности участия в конференциях Ассоциации корееведческих исследований в Европе (AKSE). И здесь коллеги из стран Западной Европы сразу высоко оценили незаурядность ее работ в области корейской мифологии. М. И. Никитина читала лекции в Берлинском университете, ее статьи появились в зарубежных публикациях. Только под конец жизни Марианне Ивановне удалось побывать в изучаемой стране — в «двух Кореях», Северной и Южной, где она выступала с докладами на конференциях, работала в университетских библиотеках и просто знакомилась с «обликом страны».

Наряду с большой исследовательской деятельностью Марианна Ивановна занималась художественными переводами, писала статьи о корейской литературе для широкого читателя и много времени отдавала воспитанию младшего поколения. Она вырастила трех аспирантов — специалистов в области современной корейской поэзии (Л. Галкина), традиционной поэзии на китайском языке (Л. Жданова) и памятников культуры Кореи XV–XVI вв. (С. Хойслер), которые преподавали и занимались исследованиями в Санкт-Петербурге, Владивостоке и в Германии — Берлине. Под ее руководством работал студенческий семинар в Центре корейского языка и культуры при Санкт-Петербургском университете. Благодаря ее личным связям с зарубежными коллегами и корейскими фондами поддержки ученых, изучающих корейскую культуру, библиотека Института пополнилась многими трудами корейских и западных ученых в области литературы, языка, истории, этнографии.

О роли Марианны Ивановны Никитиной в изучении Кореи можно говорить и говорить — ведь она стояла у самого начала и была «основоположником» в полном смысле этого слова.

Марианна Ивановна училась в группе, которая стала первым выпуском ленинградских корейцев. С этим выпуском связано начало систематического изучения корейской литературы и культуры в России. Мы были «детством» и «юностью» нашего корееведения, и вместе с нами всегда была Мара, острая на язык, мудрая и сдержанная. «Indeed, it is part of both an epoch and a fine school that passes along with her» — так сказал о Марианне Ивановне ее коллега и друг из Швеции профессор Стаффан Русен.

А. Ф. Троцевич

Основные труды М. И. Никитиной

1. Повесть о Хон Кильдоне, рассказанная в двух главах. Перевод.— Корейские повести. М., «Художественная литература», 1954.
2. Средневековая корейская поэзия в жанрах *сиджо* и *чан-сиджо*.— Восточный альманах. Вып. 2. М., 1958.
3. Повесть о Хон Кильдоне. Повесть о том, что приключилось однажды с зайцем. Переводы двух повестей.— История о верности Чхунхян. Средневековые корейские повести. М., Изд. восточной литературы. 1960.
4. Предисловие.— История о верности Чхунхян. Средневековые корейские повести. М., Изд. восточной литературы. 1960. (Совм. с А. Ф. Троцевич)
5. Корейский роман «Удивительное соединение двух браслетов».— XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., Изд. восточной литературы, 1960. (Совм. с А. Ф. Троцевич).
6. Жанр *сиджо* в корейской поэзии XV в.— Вопросы филологии и истории стран современного и зарубежного Востока. М., Изд. восточной литературы, 1961.
7. Предисловие.— *Ким Ман Чжун*. Облачный сон девяти. Л., «Художественная литература», 1961. (Совм. с А. Ф. Троцевич).
8. О некоторых художественных особенностях жанра *чан-сиджо*.— Дальний Восток. М., Изд. восточной литературы, 1961.
9. К вопросу о рифме в *сиджо*.— Народы Азии и Африки, 1962, № 5.
10. Ссянчхон кыйбонъ (Удивительное соединение двух браслетов). Издание текста, перевод и предисловие. М., Изд. восточной литературы, 1962. (Совм. с А. Ф. Троцевич).
11. Корейская средневековая поэзия в жанрах *сиджо* и *чан-сиджо*. Автореферат канд. дис. Л. 1962.
12. *Ли Инно*. Долина журавлей в горах Чирисан. Перевод.— Восточная новелла. М., Изд. восточной литературы, 1963. (Совм. с А. Ф. Троцевич).

13. Периодизация средневековой корейской литературы.— Народы Азии и Африки, 1963, № 1. (Совм. с А. Ф. Троцевич).
14. Древняя и средневековая корейская литература.— Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. М., 1966. (Совм. с А. Ф. Троцевич).
15. Корейская литература до XIV в.— Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., «Наука», 1969. (Совм. с А. Ф. Троцевич)
16. Корейская поэзия на родном языке (*хянга*).— Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., «Наука», 1969.
17. Жизнеописания буддийских подвижников.— Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., «Наука», 1969.
18. Древняя корейская поэзия на родном языке (*хянга*) в буддийском ритуале (по материалам «Жития Кюнё» и «Самгук юса»).— Теоретические проблемы восточных литератур. М., «Наука», 1969.
19. Послесловие.— Черепаховый суп. Корейские рассказы XV–XVII вв. Л., «Художественная литература», 1970.
20. Средневековое корейское представление о «личном» и «должном», отраженное в художественной прозе.— Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., «Наука», 1970.
21. Сиджо.— Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971
22. К вопросу о роли зрительного знака.— Народы Азии и Африки, 1973, № 5.
23. *Хянга*.— Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975.
24. К пониманию двух древнекорейских поэтических произведений (*хянга*) «Песня о хваране Кипха» и «Песня о туге».— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. 2. М., «Наука», 1977.
25. Луна и солнце как элементы пространственно-временной системы сиджо.— Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., «Наука», 1977.
26. Поэтическое слово в корейской литературе.— Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., «Художественная литература», 1977.
27. Представления об облике «старшего» и «младшего» в *хянга* «Песня Чхоёна» (IX в.) и обрядах «Хождение по мостам».— Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Ч. 2. М., «Наука», 1978.
28. Предисловие.— Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII–XIX вв. М., «Наука», 1978.
29. Представления об облике «враждебного адресата», «старшего» и «младшего» в *хянга* «Песня о разбойниках».— Литературы стран Дальнего Востока. М., «Наука», 1979.
30. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом.— Автореферат докт. дис. Л., 1981.

31. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., «Наука», 1982.
32. История корейской литературы.— История всемирной литературы. Т. 2. М., «Наука», 1984. (Совм. с А. Ф. Троцевич).
33. История корейской литературы.— История всемирной литературы. Т. 3. М., «Наука», 1985. (Совм. с А. Ф. Троцевич).
34. *Сиджо* и *хянга*. Проблема взаимосвязи (на примере пейзажной поэзии).— Теория жанров литератур Востока. М., «Наука», 1985.
35. *Юн Сондо*. Жизнь и творчество. К 400-летию со дня рождения. Перевод стихов и примечания.— Восточный альманах. Вып. 15. Зерна мудрости. М., «Художественная литература», 1987.
36. История корейской литературы.— История всемирной литературы. Т. 4. М., «Наука», 1987.
37. История корейской литературы.— История всемирной литературы. Т. 5. М., «Наука», 1988. (Совм. с А. Ф. Троцевич).
38. Нохыль Пудык и Тальталь Пакпак — двое святых с южного склона гор Пэквольсан. Перевод.— История цветов. Корейская классическая проза. Л., «Художественная литература», 1991.
39. Корейская поэзия XVI–XIX вв. в жанре *сиджо*. (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время).— СПб., Центр «Петербургское востоковедение», 1994.
40. Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его спутники в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран. СПб., Центр «Петербургское востоковедение», 2001.

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ НИКОЛЬСКИЙ

(1924–1997)

В жизни каждого человека случаются судьбоносные встречи, которые формируют мировоззрение и характер, влияют на дальнейшие поступки, помогают принять жизненно важные решения. Именно такую роль в моей судьбе сыграло знакомство и общение с Учителем, Леонидом Борисовичем Никольским. Хотя эта встреча была скорее случайной и вполне могла не состояться.

1992 год. К этому времени Леонид Борисович уже был ученым-корееведом с мировым именем, одним из крупнейших советских специалистов в области социолингвистики, автором признанного самым полным из двуязычных словарей корейского языка «Большого корейско-русского словаря». С конца 80-х годов Леонид Борисович работал над дополнениями и исправлениями к своему словарю в Институте востоковедения РАН, но перспектив на новое издание такого монументального труда в то самое неблагоприятное и тяжелое для российской науки время практически не было. И тогда Леонид Борисович решил вернуться к преподавательской деятельности. Он пришел в Московский государственный лингвистический университет, где в 1991 г. впервые открылось отделение корейского языка. Преподавателей не было, и мы, четыре девчонки-второкурсницы, были в отчаянии. Поначалу профессор Никольский проводил занятия только два раза в неделю, но, исходя из ситуации, в которой мы оказались, уже к следующему учебному году полностью взял нас под свое крыло, отказавшись от дальнейшей работы над словарем. Мне казалось, что он приносит ради нас огромную жертву, а Леонид Борисович спокойно объяснял свой поступок так: «Лучше делать малое дело с пользой, чем без толку заниматься большим безнадежным предприятием».

Никогда не забуду свою первую встречу с ним. По телефону мы договорились встретиться перед входом в институт, чтобы вместе дойти до аудитории. Не узнать Леонида Борисовича было невозможно. Выглядел он как классический образец настоящего ученого: необыкновенно интеллигентная внешность, высокий, статный, подтянутый, в берете, плаще и, конечно, с папкой под мышкой. Таким подтянутым и красивым он был всегда, невзирая на самочувствие. Таким я и запомнила его на всю жизнь.

Леонид Борисович действительно происходил из удивительно интеллигентной семьи. Его предками по мужской линии были священнослужители. Дед — Иван Павлович Никольский — по семейной традиции окончил духовную семинарию во Владимире, а оттуда пешком отправился в Варшаву, где окончил Варшавский университет, и потом всю жизнь проработал земским врачом в Киржаче Владимирской обл. До Леонида Борисовича дошли медицинские инструменты деда, которые он активно использовал для дачных работ.

Родственником бабушке — Людмиле Васильевне Несмеяновой — приходился академик в области органической химии А. Н. Несмеянов, возглавлявший в период с 1951 по 1961 гг. Академию наук СССР. Когда Леонид Борисович пришел на работу в Институт востоковедения РАН, он долго скрывал от своих коллег, что Академию возглавляет его дядя. Но оказалось, что в Институте в это же самое время работал зять Александра Николаевича, который уже давно рассказал всем сотрудникам о родственных связях Л. Б. Никольского.

Отец — Борис Иванович Никольский — закончил медицинский факультет МГУ и долгое время заведовал психиатрической больницей во Владимире. Там, во Владимире, 2 июня 1924 г. и родился Л. Б. Никольский. В 1938 г. Бориса Ивановича назначили начальником госпиталя в Вильнюсе, куда и переехала вся семья. Почти три года Леонид Борисович ходил в русскую школу г. Вильнюса. Родители уделяли большое внимание воспитанию сына: учили его музыке, иностранным языкам. Так, Леонид Борисович в школе изучал литовский, а дома немецкий язык ему преподавала гувернантка-немка.

Борис Иванович погиб в первые месяцы войны, и Леонид Борисович вместе с мамой Антониной Алексеевной, фельдшером по образованию, вернулись к себе на родину, во Владимир. Всю жизнь у Леонида Борисовича были очень теплые, нежные отношения с мамой, которая после смерти мужа так и

осталась одна. Сразу после окончания школы Леонид Борисович поступил в Военно-медицинскую академию в Ленинграде. Оттуда в 1942 г. его призвали в действующую армию. Войну он начал рядовым, участвовал в боях на Западном фронте и в обороне Москвы, а после окончания пехотного училища в 1944 г. стал командиром взвода в Московском военном округе.

Неизвестно, какой жизненный путь выбрал бы сам Л. Б. Никольский, скорее всего, был бы медиком, как родители, но сразу после войны в 1945 г. он получил назначение в Военный институт иностранных языков в Москве. К вступительным экзаменам абитуриенту удалось подготовить один-единственный билет: «География Англии». Для более серьезной подготовки тогда не было ни материалов, ни времени. Удивительно, но Леониду Борисовичу достался билет именно с этим вопросом. В 1945 г. страна нуждалась в специалистах по корейскому языку, и, успешно сдав вступительные экзамены, он был зачислен в англо-корейскую группу, где учился вместе с будущим послом СССР в КНДР Н. М. Шубниковым.

Леонид Борисович часто рассказывал, как тяжело на первых порах вчерашним солдатам давалась учеба. В то время английский язык в ВИИЯ преподавала Светлана Васильевна Шевцова, которую сегодня знают по учебникам все студенты языковых вузов. По словам Леонида Борисовича, в молодую преподавательницу были влюблены все слушатели института и им, забывшим за годы войны все науки, было страшно стыдно, когда на каждом занятии по английскому языку оказывалось, что они, сильные, здоровые ребята, не могут вспомнить ни одного заданного на дом слова. Светлана Васильевна, видя мучения студентов, в качестве домашнего задания начала задавать сначала только пять, потом десять и более новых слов, пока они, наконец, не втянулись в учебный процесс. Уже позже, занимаясь в основном корейским языком, Леонид Борисович при этом прекрасно владел английским, читал англоязычную научную литературу, выступал с докладами на английском, сам переводил на него свои статьи, занимался с внуками.

Несмотря на все сложности, в 1950 г. Л. Б. Никольский закончил ВИИЯ с отличием, получив диплом по специальности «переводчик-референт по английскому языку и переводчик по корейскому языку».

После окончания института он женился на своей бывшей однокласснице, с которой был знаком с первого класса школы, — Людмиле Владимировне. После свадьбы молодая семья

долго снимала комнаты по Москве. Людмила Владимировна вспоминает, что хозяйева одной из квартир, люди простые, любовались молодым красивым ученым, одетым по моде того времени — в шапку и пальто с воротником из каракуля — приговаривая: «Ну, Леня, выглядишь прямо как завмаг!». Вскоре появилась первая дочь Марина, а в 1956 г. молодая семья получила первую отдельную жилплощадь: служебную квартиру в общежитии. Там родилась младшая дочь Ирина.

В 1950 г. Леонид Борисович был зачислен в адъюнктуру ВИИЯ и приступил к работе над кандидатской диссертацией по филологии на тему: «К вопросу о „неполнозначных именах существительных“ в корейском языке». Его научным руководителем стал профессор Ленинградского университета А. А. Холодович. Перед аспирантом стояли две задачи: наиболее полно и подробно описать синтаксические конструкции с «неполнозначными именами существительными» и, опираясь на фактический материал, попытаться по-новому подойти к решению вопроса о лексико-грамматической природе этих слов.

В 1953 г. Леонид Борисович успешно защитился. Однако даже после защиты он продолжал работать над этой сложной и малоизученной темой, дорабатывая гипотезы и выводы, сделанные в процессе работы над диссертацией. Так, в 1958 г. в «Ученых записках ЛГУ» была опубликована его статья «О „неполнозначных именах существительных“ в корейском языке», где он указывал на ошибочность самого термина «неполнозначные имена существительные», а в 1962 г. в издательстве «Наука» вышла монография Л. Б. Никольского «Служебные слова в корейском языке», обобщившая исследования ученого в области классификации и описания грамматических функций этой группы слов. В своих работах Леонид Борисович впервые отмечал явную неоднородность этих языковых единиц как на основе их морфологических свойств, так и их синтаксических и семантических признаков. Он пришел к выводу о том, что большинство «неполнозначных имен существительных» вообще не является именами и не имеет лексического значения. Эта категория слов классифицировалась им как служебные слова, или частицы речи, которые, сочетаясь с определенной грамматической формой, выполняют в предложении сугубо грамматическую функцию.

По окончании адъюнктуры Леонид Борисович остался преподавать в родном вузе. В 1956 г. Генштаб Советской Армии направил Л. Б. Никольского в Пхеньян в качестве референ-

та-переводчика военного атташе при Посольстве СССР в КНДР. По окончании этой командировки ему еще не раз предлагали работать за границей по линии МИДа, ЮНЕСКО и других организаций, но Леонид Борисович от этих лестных предложений отказался. Зато результаты пребывания в Северной Корее нашли отражение, в частности, в создании им «Корейско-русского военного словаря» (1966), объемом в 20 тыс. лексических единиц. «Корейско-русский военный словарь» по-прежнему остается единственным специализированным терминологическим словарным изданием по корейскому языку в нашей стране.

В 1958 г. семья Никольских вернулась в Москву, и, демобилизовавшись из армии, Леонид Борисович пришел работать в Институт востоковедения АН, с которым был связан затем более 30 лет. В конце 1950-х годов в ИВ АН СССР после реорганизации, проведенной по инициативе профессора Г. П. Сердюченко, был создан Отдел языков народов Востока. В отделе собрался блестящий коллектив востоковедов-лингвистов послевоенного поколения, с именами которых связана постановка изучения восточных языков и окончательное становление восточного языкознания в нашей стране, сравнительно-исторические и диалектологические исследования, написание фундаментальных грамматик и составление капитальных словарей. Так, в то время в области японского языка трудились академик Н. И. Конрад, Н. А. Сыромятников, Б. П. Лаврентьев, С. В. Неверов, изучением китайского языка занимались В. М. Солнцев, В. И. Горелов, М. К. Румянцев. Над проблемами корейского языкознания вместе с Л. Б. Никольским работали Л. Р. Концевич, Ф. В. Мальков, И. Д. Скорбатьюк, Е. К. Гусева, Ф. З. Ким.

Именно здесь, в секторе лексикографии, совместно со специалистами Института языкознания Академии общественных наук КНДР началась работа над самым полным в истории отечественного и зарубежного корееведения корейско-русским словарем, объемом в 150 тыс. слов. Ответственным редактором и руководителем коллектива авторов с советской стороны, куда входили Ше Дяук, Ф. В. Мальков, Ф. З. Ким, С. Ф. Ким, В. П. Пак, стал Л. Б. Никольский.

Основой словаря послужил словник шеститомного толкового «Словаря корейского языка» (Чосонмаль саджон. Пхеньян, 1960–1962). «Большой корейско-русский словарь» охватывает лексические единицы корейского языка за последние пять веков, отобранные по принципу частотности употребления. В не-

го были включены как слова и понятия современного корейского литературного языка, базирующегося на пхеньянском диалекте, так и лексические единицы из ранних исторических текстов и памятников литературы, записанных национальным корейским алфавитом. Кроме этого в словаре представлена просторечная лексика, диалектные формы и лексика различных функциональных стилей. В ходе составления словаря перед авторами стояла задача не только установить значения единиц корейского языка, но и определить принципы их употребления, правила выбора и сочетаемости в разных контекстах и речевых ситуациях. Слова, составляющие пласт китайских лексических заимствований, проиллюстрированы соответствующими иероглифами.

Своеобразие словаря заключается в том, что помимо лексических единиц, он охватывает весь грамматический инвентарь корейского языка различных исторических периодов. Многие словарные статьи до сих пор остаются в нашей стране единственным справочным материалом по вопросам корейской грамматики.

Работа по составлению словаря продолжалась 15 лет. Каждое словарное слово с примерами авторы записывали на отдельной карточке, а затем подготовленный материал отдавали на перепроверку корейским специалистам и российским редакторам. Мало-помалу картотека будущего словаря разрослась и заняла целую комнату в Институте востоковедения.

На плечи Леонида Борисовича как ответственного редактора и руководителя коллектива авторов легла основная тяжесть работы, которая не прекращалась ни в выходные, ни в праздники. В конце недели Леонид Борисович забирал часть карточек домой и сидел над ними сутки напролет. Супруга Людмила Владимировна, несмотря на двух маленьких детей, всегда с большим уважением и пониманием относилась к работе мужа. Тяжелее всего приходилось младшенькой Ире, которая иногда пыталась поиграть с папиными карточками, за что ей доставалось от родителей. До сих пор Ирина Леонидовна называет эти карточки «кошмаром детства». Наверное, сам Леонид Борисович всю жизнь испытывал чувство вины перед семьей. Во всяком случае, нам, своим ученикам, он говорил об этом в шуточной форме: «15 лет жена и дети видели только мою спину за письменным столом». Много позднее, уже в 1990-х годах, Леонид Борисович в присутствии всей семьи торжественно сжег

на даче все оставшиеся от работы над словарем карточки. Он вообще не любил хранить свои статьи и рукописи. Чаще это делали за него любящие домочадцы. А Леонид Борисович ворчал, что те, кому будет нужно, всегда найдут его работы в библиотеке. Зато он очень бережно относился к книгам своих коллег-лингвистов, которыми пользовался в работе, и всегда держал их под рукой.

Несмотря на огромный вклад в науку, Леонид Борисович был удивительно скромным человеком и всегда с большим юмором и иронией относился к себе и своей работе. В нем никогда не было ни тени гордости за свой колоссальный труд, заслуженной и справедливой. Например, о работе над словарем он отзывался так: «Вот, сделал словарь. А что в результате? Язва желудка да 15 килограммов лишнего веса».

Наконец, в 1976 г. издательство «Русский язык» выпустило «Большой корейско-русский словарь» в двух томах, который довольно быстро исчез с прилавков магазинов. Словарь вышел тиражом в 7 тыс. экземпляров и, к сожалению, больше ни разу не переиздавался. Так что эта книга давно стала библиографической редкостью. Свои авторские экземпляры Леонид Борисович тут же раздарил российским и иностранным коллегам и, пока словарь был в продаже, частенько просил супругу поехать купить еще на подарки. В магазине издательства «Прогресс», где тогда продавали литературу на иностранных языках, Людмилу Владимировну уже знали в лицо и каждый раз, когда приходила новая партия, откладывали для нее несколько экземпляров.

Удивительно, но именно на этот период жизни ученого, связанный с работой над словарем, приходится едва ли не большая часть из свыше чем ста двадцати его статей и других публикаций. Это связано с тем, что с начала 1960-х годов в рамках социалингвистической темы «Развитие национальных языков в независимых странах Востока» ученые-востоковеды ИВ АН совместно с коллегами из сектора африканских языков Института языкознания АН занялись изучением вопросов национально-языковой ситуации и национально-языковой политики в азиатско-африканском регионе, т. е. в странах, находившихся после обретения независимости в схожих социально-политических условиях. Целью подобных исследований было выявление общих тенденций изменения и развития языков Азии и Африки в послевоенный период. Пожалуй, именно в это время социалингвистика впервые начала развиваться,

в частности, и в рамках востоковедения — комплексной дисциплины, изучающей в тесной связи историю, экономику, культуру и языки.

В поле внимания ученых-корееведов уже давно находились процессы демократизации и упорядочения лексики в КНДР, проблемы формирования корейского литературного языка. Именно к этим темам Леонид Борисович не раз обращался в своих работах по корейскому языкознанию. Так, в 1960 г. впервые на русском языке был издан его очерк «Из истории становления национального литературного языка в Корее» с оригинальной схемой периодизации. Однако постепенно он на некоторое время отошел от чисто корейской тематики и увлекся теоретическими проблемами социолингвистики. В своей научно-исследовательской деятельности Л. Б. Никольский использовал ценный лингвоэтнографический материал, собранный во время работы над словарем, обобщив который, можно было сделать ряд теоретических выводов, имеющих непосредственное отношение к социолингвистике.

В ранних работах Л. Б. Никольского по социолингвистике, опубликованных в коллективных монографиях и журналах, затрагиваются проблемы языкового строительства и изучения языковой ситуации в странах Азии и Африки. Из всех факторов, определяющих развитие языковой ситуации, первостепенное внимание уделено исследованию мер языковой политики, проводимой государством для реформирования и введения новых или возрождения и сохранения уже существующих лингвистических форм. На основе анализа конкретного лингвистического материала, Л. Б. Никольский неоднократно отмечал, что для успешной и эффективной языковой политики необходимо всестороннее изучение языковой ситуации, т. е. определение тенденций и динамики развития тех или иных языковых форм и тем самым выделение наиболее перспективных языковых образований. Ученого, в частности, интересовали проблемы создания и демократизации национальных литературных языков стран Азии и Африки, развитие лексических систем языков с целью охвата лексики всех сфер общественной жизни, включая унификацию принципов разработки научно-технической терминологии, неологизмов и т. п.

В результате многолетнего всестороннего изучения языковой политики в новых независимых государствах ученый пришел к выводу о том, что языковая политика не может изучаться в отрыве от внутренней политики, социальных процессов и

идеологических явлений, поскольку, помимо задач оптимизации общения и расширения сфер использования национальных языков, при разработке и осуществлении языковой политики всегда преследуются определенные политические цели, диктуемые интересами различных социальных слоев и этнических общностей, задачами культурного строительства, идеологическими и религиозными соображениями.

Другим направлением научно-исследовательской деятельности Л. Б. Никольского стало изучение частных аспектов языковой ситуации, таких как проблемы взаимоотношения языков в многонациональном государстве и форм существования языков в мононациональном государстве; билингвизм — использование нескольких языков, и диглоссия — использование нескольких подсистем одного языка. На примере агглютинативных языков он также не раз обращался к теме структурных отличий языков.

В 1971 г. Л. Б. Никольский был назначен руководителем сектора социалингвистики и лексикографии, который возглавлял почти 20 лет, а затем стал главным научным сотрудником института. Зная Леонида Борисовича как блестящего преподавателя, могу сказать наверняка, что он мог быть только прекрасным руководителем. Для этого в нем сочетались такие редкие, особенно в академических кругах, человеческие качества, как доброжелательность и демократизм. Несмотря на высокий профессионализм, в нем полностью отсутствовало высокомерие по отношению к другим. Леонид Борисович всегда приветствовал любую инициативу и был готов каждому предоставить возможность самовыражения в меру сил и способностей. Он был необыкновенно требователен к самому себе, и в то же время проявлял безграничное терпение и снисходительность к окружающим. Хотя Леонид Борисович был прямым человеком и никогда не кривил душой, я ни разу не слышала от него ни одного нелестного слова в адрес коллег по ученому цеху. Он либо от души хвалил тех, кого искренне уважал и ценил, либо предпочитал сдержанно промолчать.

В 1975 г. в Ленинградском отделении Института языкознания РАН Л. Б. Никольский успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Очерки по теории социалингвистики». В диссертации была определена предметная область социалингвистики как синхронной языковедческой дисциплины, систематизирован ее понятийный аппарат и разработаны типологии языковых явлений, входящих в предметную область

этой науки, а также выделены языковые феномены, имеющие отношение к социологии.

Ученому принадлежит исследование новой перспективной области языкознания — лингвосоциологии, в которой язык, обладая определенными социальными функциями, рассматривается в одном ряду с другими социальными явлениями. Лингвосоциология представлена как область взаимодействия разных общественных наук, рассматривающих языковые процессы как часть социальных, а язык — как признак социального развития в неразрывной связи с экономическими, политическими и идеологическими явлениями. Лингвосоциологический подход позволил, наряду с подходом с социолингвистических позиций, охватить двусторонние связи между языком и обществом, т. е. рассматривать как изменения языков и языковых образований, вызванные социальными факторами, так и роль языка среди ряда социальных факторов.

Итогом исследований ученого в области общей теории социолингвистики и ее проблематики стали книги «Синхронная социолингвистика (Теории и проблемы)» (1976) и «Введение в социолингвистику» (1978), написанное в соавторстве с А. Д. Швейцером. Фактически «Введение в социолингвистику» стало первым в мире учебным пособием, в котором систематизированно излагаются фундаментальные основы современной социолингвистики, ключевые теоретические проблемы этой дисциплины, а также методы социолингвистических исследований. В пособии были впервые обобщены и использованы материалы, собранные автором в результате многолетней научно-исследовательской деятельности в этой области, а также систематизированы в виде оригинальной целостной концепции отдельные положения социолингвистики, представленные до этого разрозненными статьями и разработками.

В исследовательской работе более позднего периода Л. Б. Никольский продолжал разрабатывать общие и частные социолингвистические темы на материале языков Азии и Африки. В это время предметом научных интересов ученого был широкий круг проблем, охватывающий взаимосвязи между языком и такими экстралингвистическими факторами, как идеология, политика, экономика, религия и культура; вопросы о роли и месте языка в социально-этнических процессах, во внутренней политике и идеологических концепциях стран Востока. Частично собранный материал был реализован в виде отдельных статей и докладов. Полностью результаты этой работы были

обобщены в 1986 г. в монографии «Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока». В этой работе автор предложил теорию, рассматривающую язык как активный фактор социальной жизни и общественного развития. Работа затрагивает проблемы соотношения языка с политикой, идеологией, культурой и религией, а также освещает основные тенденции развития языковых ситуаций и эволюции национальных языков в этом регионе. Ученый рассматривает соотношение таких понятий, как языковая общность — этническая общность — государство, и перечисляет условия и факторы, в совокупности с которыми язык и языковые проблемы могут становиться поводом для социальных конфликтов, а также анализирует причины политизации и идеологизации языка.

Вместе с тем, после более чем десятилетнего перерыва Л. Б. Никольский вновь вернулся к вопросам корейского языкознания и лексикографии. Так, в 1988 г. в издательстве «Русский язык» вышел «Русско-корейский словарь», объемом в 40 тыс. слов, написанный в соавторстве с Ю. Н. Мазуром. Словарь несколько раз переиздавался как в нашей стране, так и в Республике Корея. В том же 1988 г. была подготовлена и опубликована статья «Кодификация национального корейского языка», в которой рассматриваются кодификационная деятельность в КНДР в рамках движения по упорядочению корейского языка и аналогичные мероприятия по демократизации и модернизации языка, проводимые в Республике Корея. Автор делает вывод о растущих различиях литературного языка на Севере и Юге в условиях отличных по характеру и эффективности кодификационных процессов и отмечает, что объединение страны и нации может быть начато с координации языкового развития в направлении унификации. В 1994 г. в издательстве «Русский язык», неожиданно для самих авторов, Ю. Н. Мазура и Л. Б. Никольского, наконец-то вышел «Корейско-русский словарь» объемом в 80 тыс. слов, подготовленный совместно с издательским объединением «Наука и энциклопедия» (Пхеньян, КНДР).

В сентябре 1986 г. Л. Б. Никольскому было присвоено ученое звание профессора.

Научной деятельностью по вопросам социолингвистики Л. Б. Никольский не переставал заниматься до последних дней жизни: он продолжал писать статьи для различных изданий, принимал участие в работе международных и региональных конференций и симпозиумов, проводимых в рамках этой

тематики, неоднократно выступал составителем и ответственным редактором социалингвистических изданий, периодически читал курсы лекций по социалингвистике как в России, так и во многих языковых вузах республик бывшего Советского Союза и даже за рубежом. Несколько его работ было издано на иностранных языках. Л. Б. Никольский оставил богатое научное наследие, которое еще только предстоит внимательно изучить и заново осмыслить. Его работы особенно актуальны сегодня в свете повышенного интереса к социалингвистике у нынешнего поколения филологов.

Авторским почерком научных трудов Л. Б. Никольского являются конкретика в постановке и разработке проблемы, простота и доступность языка при изложении материала. Он всегда резко выступал против нарочито сложной терминологии и наукообразных формулировок, считая, что нужно писать по возможности просто, чтобы не оттолкнуть читателя. Наука не была для него самоцелью. Прежде всего Л. Б. Никольский всегда оставался блестящим практиком, прекрасно владевшим конкретным языковым материалом, и в своей научной деятельности отталкивался от реальных фактов языка, что, в итоге, способствовало совершенствованию общелингвистической теории.

Будучи одним из крупнейших кореевистов нашей страны, Л. Б. Никольский состоял членом ряда международных научных обществ по корееведению, создал и возглавлял Ассоциацию советских кореевистов при Всесоюзной ассоциации востоковедов и немало способствовал развитию научных связей с КНДР и РК. Л. Б. Никольский регулярно принимал участие в международных конференциях и симпозиумах. Побывав практически во всех странах Европы и ближе познакомившись с западной системой образования, Леонид Борисович сделал неутешительный для себя вывод, что, в отличие от нашей страны, языкознание на Западе — прикладная дисциплина, а он-то как раз всю жизнь выступал за практическое изучение языков.

Из частых научных загранкомандировок, к которым многие тогда так стремились, Леонид Борисович привозил только книги. Вообще, он умел обходиться удивительно малым. Скромный, непритязательный и непритягательный в быту человек, он никогда не сетовал на жизненные трудности, не выражал недовольства, например, по поводу мизерных гонораров за свою работу. При этом, в отличие от многих других круп-

ных ученых, он не был оторванным от реальности, неприспособленным к жизни творцом: сам делал дома ремонт, вместе со всей семьей работал на даче, мог приготовить еду, пришить пуговицу, а уж гладить брюки и следить за своим гардеробом не доверял никому.

Вероятно, Леонид Борисович лучше других понимал проблему соотношения науки и практики еще и в силу того, что всю жизнь совмещал научно-исследовательскую работу с педагогической деятельностью. В общей сложности около 30 лет жизни он посвятил преподаванию корейского языка. В разные периоды времени его педагогическая деятельность была связана с Военным институтом иностранных языков, Институтом стран Азии и Африки при МГУ, Дипломатической академией при МИД СССР и Московским государственным лингвистическим университетом. Большинство корейстов московской школы, среди которых сегодня ученые, дипломаты, журналисты, переводчики и преподаватели, были либо его учениками, либо аспирантами.

Леонид Борисович любил и умел преподавать и всегда пытался сделать все, чтобы передать своим студентам как можно больше знаний. Меня всегда поражало, насколько тщательно наш профессор готовился к занятиям. Леонид Борисович отнюдь не относился к тем преподавателям, которые из года в год используют один и тот же давно наработанный материал. Прежде чем приступить к работе в МГЛУ, он обзвонил всех своих коллег-педагогов, чтобы узнать, по каким учебникам занимаются студенты в других вузах. Ему удалось найти совершенно новый курс по корейскому языку, только что изданный в Сеуле, который понравился Леониду Борисовичу больше других. Однако даже он не полностью соответствовал его строгим требованиям, поэтому к каждому занятию наш преподаватель сам разрабатывал упражнения и составлял подробный словарь по новой лексике и грамматике. Студенты многих поколений называли его словарики, написанные на кальке от руки через копирку, «лепесточками Никольского». Эти «лепесточки» он продолжал писать для нас и на старших курсах, чтобы избавить от утомительной работы со словарями, которые, кстати, тогда были не у всех. Он считал, что лучше тратить это время на то, чтобы учить новые слова. Когда материал стал более сложным и объемным, он заботливо обводил каждое слово, которое мы должны были знать, кружочком, а, по его мнению, менее важными словами велел не засорять память.

Леонид Борисович был необыкновенно терпеливым Учителем и оценивал скорее не способности, а прилежание. Чтобы поставить «отлично», ему было достаточно видеть, что студент старается, и он часто повторял фразу: «Нельзя требовать от человека больше того, на что он способен». А вот лентяев терпеть не мог.

Несмотря на большую разницу в возрасте, он всегда с большим удовольствием и интересом общался с нами, много шутил, запросто рассказывал о себе и своей семье, внуках, мог пригласить к себе домой или на дачу, одним словом, любил работать с молодежью, потому что сам оставался молод душой. Сегодня я с грустью думаю о том, что тогда мы были недостаточно взрослыми, чтобы по-настоящему оценить возможность общения с таким человеком.

С Леонидом Борисовичем я познакомилась, когда ему было 68 лет, и он уже был очень больным человеком. В 1976 г. у него случился инфаркт и с тех пор он ежедневно принимал 36 разных таблеток, чтобы поддерживать работу сердца: по 12 штук три раза в день. Тем не менее, он никогда не жаловался на плохое здоровье или неважное самочувствие, а за пять лет учебы в институте я не помню, чтобы хоть раз он пропустил занятия или взял больничный. Особенно тяжело ему было в холода, когда на улице он начинал задыхаться и через каждые несколько шагов останавливался и отдыхал, чтобы восстановить дыхание. О физических страданиях Леонида Борисовича лучше всех остальных знали его родные, но даже им он никогда не жаловался на плохое самочувствие и даже сердился за чрезмерную опеку. Заставить его отказаться от работы было невозможно, а нагрузка в институте была слишком большой. Помимо подготовки материалов к занятиям по практике языка, он разрабатывал новые курсы по теории корейской грамматики и лексикологии. Благодаря авторитету Л. Б. Никольского в разное время в МГЛУ преподавали такие ведущие специалисты в области корееведения, как В. И. Денисов, Т. А. Новикова, Т. М. Симбирцева, И. Л. Касаткина, — люди, которые любили Леонида Борисовича и не могли ему отказать. Однако сам он очень переживал, что работать практически никому и готовил себе замену среди студентов. Как любой по-настоящему большой ученый и педагог, он мечтал об учениках, которые смогли бы продолжить традиции корееведения, остались бы преподавать после него. Помню, как он радовался, когда я сказала, что уйду из корейской фирмы и остаюсь рабо-

тать в институте, и еще долго рассказывал об этом всем студентам и знакомым.

В мае 1997 г. Леонид Борисович чувствовал себя особенно плохо, но в конце учебного года, да еще накануне экзаменов даже слышать не хотел о том, чтобы лечь в больницу, и продолжал ходить на занятия. Однажды, видя как ему тяжело, я поехала проводить его до дома, сославшись на дела в районе Ленинского проспекта, где он жил. По дороге Леонид Борисович вдруг вспомнил А. А. Холодовича, с которым был очень дружен, и начал рассказывать, как однажды они засиделись в ресторане и опоздали на конференцию. А потом неожиданно сказал, что через много лет вспоминаешь не блестящие доклады и выступления ученых, и даже не их научные труды, а разные мелочи человеческого общения, помнишь человека, а не ученого. Через несколько дней родные настояли, чтобы он лег в больницу. 19 июня 1997 г. Л. Б. Никольского не стало.

Сегодня уже трое из его последних учеников преподают корейский язык, другие так или иначе связаны с Кореей по работе. Все, что делаю я, я делаю в память о Вас, Леонид Борисович, потому что для меня Вы всегда были и по-прежнему остаетесь необыкновенным, очень дорогим человеком.

Н. В. Иващенко

Основные труды Л. Б. Никольского

1. О «неполнозначных именах существительных» в корейском языке. — Ученые записки ЛГУ. Вып. 236. Л., 1958.
2. Из истории становления национального литературного языка в Корее. — Проблемы востоковедения, 1960, № 6.
3. Служебные слова в корейском языке. М., «Наука», 1962.
4. Форма слова и словосочетания в современном корейском языке. — Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960 г. Т. V. М., 1963. (В соавторстве с Ю. Н. Мазуром и Ф. В. Мальковым).
5. О лексико-грамматической природе корейской формы на *-ке*. — Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 72. М., 1963.
6. Об употреблении корейских падежных окончаний. — Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 72. М., 1963.
7. О второй стороне агглютинации. — Морфологическая типология и проблемы классификации языков. Л., 1965.

8. Корейское словосочетание как лингвистическая единица.— Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965.
9. Нормирование национального литературного языка в Корее.— Современные литературные языки стран Азии. М., 1965.
10. Краткий корейско-русский военный словарь. /Под ред. Л. Б. Никольского. М., Воениздат, 1966.
11. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие.— Язык и общество. М., 1968.
12. Изучение языковой ситуации как прикладная дисциплина.— Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1970.
13. К интерпретации случаев отсутствия падежных морфем в корейском языке.— Исследования по восточной филологии. М., 1974.
14. О предмете социолингвистики.— Вопросы языкознания, 1974, № 1.
15. Роль языка в развивающихся странах (предпосылки социолингвистики).— Народы Азии и Африки. 1974, № 2.
16. Большой корейско-русский словарь в 2-х томах. /Под ред. Л. Б. Никольского и Цой Ден Ху. М., «Русский язык», 1976.
17. Синхронная социолингвистика (Теория и проблемы). М., «Наука», 1976.
18. Роль языка и языковая политика в афро-азиатских странах.— Языковая политика в афро-азиатских странах. М., 1977.
19. Введение в социолингвистику. М., «Высшая школа», 1978. (В соавторстве с А. Д. Швейцером).
20. Языковая политика и национализм в освободившихся странах.— Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока. М., 1978.
21. Язык, идеология и политика (о проблематике комплексных исследований).— Народы Азии и Африки, 1978, № 6.
22. Проблематика социолингвистических исследований в советском востоковедении.— Вопросы языкознания, 1979, № 1. (В соавторстве с Н. В. Охотиной).
23. Дальневосточный ареал лексических и терминологических интернационализмов.— Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Харьков, 1980.
24. Наддиалектные формы языка в странах Дальнего Востока.— Типы наддиалектных форм языка. М., 1981. (В соавторстве с С. В. Неверовым).
25. Язык и социум в афро-азиатских странах.— Язык. Культура. Этнос. М., 1994.
26. Язык и идейно-политическая борьба.— Народы Азии и Африки. 1981, № 2.

27. Современные этнолингвистические процессы в афро-азиатских странах.— Национальный вопрос на зарубежном Востоке. М., 1982.
28. Об особенностях языковых ситуаций в странах зарубежного Востока.— Народы Азии и Африки, 1982, № 2.
29. Тенденции развития языков в странах зарубежного Востока.— Развитие языков в странах зарубежного Востока. М., 1983. (В соавторстве с М. И. Исаевым).
30. О политизации языкового вопроса.— Народы Азии и Африки, 1983, № 5.
31. Социоллингвистика и языковые проблемы освободившихся стран.— Страны развивающегося Востока. Язык, 1982, № 4.
32. Религия и язык в странах зарубежного Востока.— Народы Азии и Африки, 1984, № 1.
33. Изучение языкового аспекта национальных процессов в советском востоковедении.— Изучение национальных отношений в зарубежных странах. М., 1985.
34. Язык и политика в странах зарубежного Востока.— Культура и политика в странах Азии и Африки. М., 1986.
35. Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М., «Наука», 1986.
36. Русско-корейский словарь. М., «Русский язык», 1988; Сеул, 1992. (В соавт. с Ю. Н. Мазуром).
37. Кодификация корейского национального литературного языка.— Типологии нормализационных процессов. М., 1989.
38. Проблемы языка межэтнического общения.— Народы Азии и Африки, 1991, № 2.
39. Языковые конфликты в многонациональных странах.— Функционирование языка в многонациональном обществе. М., 1991.
40. Корейско-русский словарь. М., «Русский язык», 1994. (В соавторстве с Ю. Н. Мазуром).
41. Большой русско-корейский словарь. Изд. 3-е, исправл. М., «Живой язык», 2002.

ВАДИМ
ПАВЛОВИЧ
ПАК

(1930–2000)

Вадим Павлович Пак родился 5 января 1930 г. в селе Свободное Хасанского района Приморского края в семье крестьянина-бедняка. В результате насильственного переселения в 1937 г. корейцев с Дальнего Востока его семья оказалась в Казахстане. В 1948 г. он окончил здесь среднюю школу в г. Уштобе и поступил на корейское отделение Восточного факультета Ленинградского государственного университета. По завершению учебы его направили в Москву в 1953 г. на работу помощником редактора в Издательстве литературы на иностранных языках. В 1956 г. В. П. Пака перевели в Управление по обслуживанию дипломатического корпуса МИД СССР, где он 5 лет трудился в качестве переводчика.

В 1961 г. В. П. Пак поступил в аспирантуру Института востоковедения РАН и с тех пор почти вся его жизнь была связана с этим институтом. Здесь он вступил на путь ученого-корееведа. Окончив в 1964 г. аспирантуру, В. П. Пак стал младшим научным сотрудником ИВ РАН и, меняя периодически направления своей научной деятельности, работал в нескольких его подразделениях. В 1970 г. он получил ученую степень кандидата филологических наук, защитив диссертацию по теме: «Корейская народная сказка (Опыт исследования национального своеобразия на публикациях конца XIX — середины XX вв.)». С 1980 г. В. П. Пак — старший научный сотрудник ИВ РАН. В 1994 г. он перешел на работу в Международный центр корееведения при МГУ, но в 1997 г. вновь возвратился в ИВ РАН.

Как уже отмечено, В. П. Пак трудился в ИВ РАН на нескольких направлениях корееведения и на каждом находил полезное применение своих знаний и способностей. Среди этих направлений в первую очередь выделим исследование

корейского фольклора и его жемчужины — народной сказки. Всем известен восторженный отзыв о русских сказках А. С. Пушкина: «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма». Сказанное им можно отнести и к корейским сказкам, в своеобразной фантастической форме воплотившим многовековой опыт и реалии жизни народа, его надежды и мечты.

В. П. Пак — первый и пока единственный у нас серьезный исследователь корейского фольклора, главным образом народных сказок. В 1960-х годах он опубликовал в сборниках работ аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН, в коллективных трудах «Литература и фольклор народов Востока» (1967), «Литература Востока» (1969) несколько статей об истории собирания и изучения корейского фольклора, классификации корейских сказок, их сюжетных и стилистических особенностях, поэтических чертах. Итогом проведенной им исследовательской работы явилась названная выше его кандидатская диссертация. В. П. Пак затем расширил ее и преобразовал в книгу «Корейский фольклор как источник изучения социальных и этнографических проблем истории Кореи», которая заинтересовала бы не только филологов, но и историков, культурологов, этнографов. К сожалению, по разным причинам, эта книга не была издана.

Однако основная заслуга В. П. Пака перед корейской фольклористикой — его публикаторская деятельность. Справедливо будет утверждение, что в какой-то мере он продолжил дело, начатое известным русским писателем Н. Г. Гариным-Михайловским, еще в конце XIX в. познакомившим читателей в России с корейскими сказками, а через них — с духовной жизнью и творчеством народа Кореи. Впоследствии корейские сказки публиковались у нас неоднократно, но никто не сделал в этом отношении так много, как В. П. Пак. Собранные и переведенные им на русский язык корейские сказки печатались в центральной и местной прессе. В предпринятом в 1980-х годах многотомном издании «Сказки народов мира» том «Сказки народов Азии» содержит несколько корейских сказок в обработке Н. Г. Гарина-Михайловского и 15 — в переводе В. П. Пака. Но наиболее крупное собрание корейских сказок, вышедшее в свет до настоящего времени в России, — сборник «Феи с алмазных гор. Корейские народные сказки» (М., 1991). Составитель и автор предисловия — В. П. Пак. В книге свыше 150 произведений, в большинстве своем извлеченных из сборников, опубли-

кованных в Республике Корея и КНДР и впервые представленных российским читателям. Около половины всех переводов сделаны В. П. Паком.

Прекрасное владение корейским языком определило второе направление деятельности В. П. Пака в корееведении. С конца 1950-х годов существовало несколько проектов сотрудничества ученых СССР и КНДР в сфере общественных наук. Но реализовать удалось только один — создание «Большого корейско-русского словаря». Его подготовка была длительной и трудоемкой. С советской стороны в ней участвовала группа из 6 ученых под руководством одного из ведущих наших лингвистов Л. Б. Никольского. В ее состав входил и В. П. Пак, на долю которого пришелся большой объем словарной работы. В 1976 г. «Большой корейско-русский словарь» в 2-х томах (150 тыс. слов) вышел из печати, получил высокую оценку специалистов и до сих пор остается лучшим из изданий такого рода в отечественном корееведении.

Огромную работу вел В. П. Пак как переводчик. Вряд ли кто был бы в состоянии подсчитать, сколько корейских делегаций, прибывавших в нашу страну, сколько советских и российских делегаций, выезжавших в КНДР и Республику Корея, использовали его как переводчика, на каком количестве ответственных переговоров, международных и двусторонних научных конференций он выступал в этом качестве. К его услугам прибегали высокие партийные и государственные учреждения, руководство Академии наук, общественные организации, профсоюзы. Всех привлекали не только лингвистические данные В. П. Пака как переводчика, но и его умение организовать успешное пребывание и работу каждой закрепленной за ним делегации, глубокие знания всех тонкостей общения и бесед с корейскими представителями. Его переводческая деятельность неизменно вызывала одобрительные отзывы. Так, в 1987 г. Институт востоковедения АН получил по поводу В. П. Пака благодарственное письмо Торгового представительства СССР в КНДР и дирекции Советской выставки, проведенной в Пхеньяне в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

Как отличный знаток корейского языка, В. П. Пак часто консультировал работников различных ведомств и научных учреждений, связанных с Кореей. Большую помощь оказывал своим коллегам по институту, работавшим над переводами сложных корейских текстов. В течение нескольких лет

В. П. Пак преподавал корейский язык в Восточном университете при ИВ АН.

Много сделал В. П. Пак также в области научно-информационной работы. Справки, аналитические записки по проблемам Кореи, направлявшиеся из ИВ АН в высшие партийные и государственные органы страны, нередко базировались на подготовленных им материалах. В 1979–1984 гг. он трудился в Отделе научной информации ИВ АН и выполнил большой объем переводов на русский язык публикаций корейской прессы и научной печати, составлял по ним справки и обзоры для соответствующих подразделений института.

В. П. Пак принимал участие в научно-организационном, переводческом обеспечении некоторых важных трудов по Корее, издаваемых ИВ АН. Для первого тома «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)» (М., 1974) он подготовил именной и географический указатели, в сборнике «Освобождение Кореи. Воспоминания и статьи» (1976) явился одним из редакторов-составителей. Когда в начале 1980-х годов было принято решение опубликовать сборник документов и материалов по истории коммунистического движения в Корее 1920-х — 1930-х годах, к его подготовке привлекли и В. П. Пака. Им был осуществлен перевод ряда статей из корейских газет указанного периода и документов, хранившихся в архивах. Намеченная публикация сборника не состоялась по причинам политического свойства, на собранные для него материалы, в том числе В. П. Паком, были использованы в книге Ф. И. Шабшиной «История корейского коммунистического движения (1918–1945 гг.)» (1988). Авторы этой и других работ по новейшей истории Кореи часто извлекали полезные для себя сведения из интересной и содержательной статьи В. П. Пака «Корейская легальная печать 20-х — начала 30-х годов о В. И. Ленине» («Народы Азии и Африки», 1970, № 2).

С конца 1960-х годов В. П. Пак включил в сферу своих научных занятий еще одно направление — изучение культуры Кореи. До настоящего времени оно не заняло еще подобающего места в отечественном корееведении и даже то сравнительно немного, что сделал на этом направлении В. П. Пак, заслуживает признательности. Начал он с корейской культуры периода после освобождения страны от японского колониального ига в 1945 г. В справочном издании «Современная Корея» (М., 1971) подготовленная коллективом авторов глава «Куль-

тура КНДР» содержит написанные им разделы: фольклор, библиотеки, музеи, печать, радиовещание, здравоохранение, физкультура и спорт. Если о культуре КНДР в нашей стране уже было более или менее известно и авторы справочного издания лишь систематизировали и значительно расширили информацию о ней, то о южнокорейской культуре тогда ничего у нас практически не знали и сведения о ней сообщались впервые. В посвященной ей коллективной главе В. П. Паку принадлежат разделы по перечисленным выше темам.

Занятия современной корейской культурой логично вызвали у В. П. Пака интерес к ее истории. Ему, филологу по специальности, нелегко было включаться в историческую тематику, овладевать свойственными ей методами работы. Но у него был добрый и опытный наставник — крупнейший у нас специалист по новой истории Кореи Г. Д. Тягай. Результатом их творческого содружества стала книга В. П. Пака «Просветительское движение и система образования в Корее во второй половине XIX — начале XX вв.» (М., 1982). В отечественном корееведении это пока единственная работа такого рода.

Основанная на большом количестве источников, частично впервые вводимых в научный оборот, обширной литературе и прессе на нескольких языках, книга В. П. Пака привлекает своим разноплановым содержанием. Рассмотрев состояние традиционной корейской школы в середине XIX в., автор прослеживает последовавшие затем изменения в организации школьного дела и учебном процессе. Но школа и то, что с ней происходило в конце XIX — начале XX вв., важно ему не само по себе, а в тесной связи с процессами, развивавшимися в то время в Корее. Перестройка системы образования входила тогда в число первоочередных требований движения за реформы (кэхва ундон), ставившего целью коренную модернизацию страны, активное приобщение ее к мировой цивилизации. В. П. Пак анализирует педагогические воззрения идеологов корейского просветительства XVII–XIX вв. (сирхак) и базирующиеся на них программные установки реформаторов конца XIX в., показывает конкретные шаги властей и общественности в преобразовании системы просвещения.

С конца XIX в. центр тяжести в этой сфере переместился на задачи сохранения и упрочения позиций национальной культуры, противостояния нараставшей культурно-идеологической экспансии японского колониализма в Корее. Огром-

ную роль в подъеме национального самосознания корейского народа, защите его духовных устоев сыграли действовавшие в начале XX в. патриотические организации, создание населением частных школ в противовес государственным, попавшим в руки колонизаторов, чему в книге уделено значительное внимание. Таким образом, книга В. П. Пака не только о просвещении в Корее на переломном этапе ее истории, но и о существенном аспекте национально-освободительной борьбы корейского народа.

К названным выше проблемам, ввиду их важности для Кореи в настоящее время, но более глубоко и обстоятельно, обратилась Г. Д. Тягай при участии В. П. Пака в их совместном труде «Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX века» (М., 1996). Главные объекты исследования — просветительское движение до и после аннексии Кореи в 1910 г. (кемон ундон), его лидеры и идеологи, деятельность политических организаций и культурно-просветительных обществ в стране и за ее пределами, их влияние на противодействие корейского общества японскому колониализму, идейно-политическая направленность антияпонского вооруженного сопротивления в указанный период. Примечательно, что все происходившее тогда в Корее дано в увязке с аналогичными процессами в сопредельных странах. Книга Г. Д. Тягай и В. П. Пака достаточно полно и выразительно рисует картину напряженной борьбы патриотических сил Кореи против ассимиляторской политики Японии, за спасение национальной самобытности корейского народа. Вместе с тем это история зарождения и становления националистической идеологии, во многом и поныне определяющей общественно-политическую и культурную жизнь Кореи.

Где бы ни трудился и чем бы ни занимался в науке В. П. Пак, он всегда был активным общественником, жил заботами и интересами всей страны, своего коллектива. В периоды подготовки и проведения выборов в органы власти всех уровней он обычно участвовал в организационной и разъяснительной работе среди населения. Как лектор-международник часто выступал на предприятиях и в учреждениях Москвы. По путевкам Всесоюзного общества «Знание» не раз выезжал с лекциями в разные города России, в другие республики бывшего СССР. Со времени создания в ИВ АН народной дружины по охране общественного порядка на прилегающей территории города он постоянно входил в ее состав.

Научных работников регулярно привлекали в прошлом к работе в подмосковных колхозах, на овощных базах Москвы, и В. П. Пак никогда не уклонялся от нее. Когда институт организовал свое садоводческое товарищество, он стал одним из деятельных его членов.

Общительный, дружелюбный, жизнерадостный человек, добрый и покладистый по характеру, В. П. Пак вызывал к себе уважение, симпатию, даже какие-то братские чувства у многих, с кем вместе работал. Охотно помогал тем, кто сталкивался со сложностями старых корейских текстов и испытывал нехватку материалов, делился с коллегами знаниями относительно обычаев и традиций корейского народа, которые так необходимы корееведам. Никогда не оставался безучастным к бедам и трудностям своих товарищей, для каждого находил слова дружеского участия и поддержки. Был непререкаемым участником мероприятий, проводимых в институте или в его отделе. Если случалось застолье, вносил в него веселое оживление, любил иногда побаловать коллег каким-нибудь корейским блюдом собственного приготовления. По просьбам присутствующих часто пел, и неплохо, корейские народные песни, русские романсы.

У него было много друзей, причем не только в кругу сотрудников по институту и не только в своей стране. Автору данной статьи неоднократно доводилось бывать вместе с В. П. Паком в командировках в КНДР и Республике Корея. Всякий раз приходилось удивляться тому, сколько у него знакомых и друзей в наших зарубежных представительствах, в корейских университетах и научных центрах. Как правило, всюду его знали и встречали тепло и с уважением. Его личное обаяние, умение наладить дружеские и конструктивные контакты с принимающей стороной нередко способствовали успешной работе нашей делегации. Далеко не каждому удавалось заслужить столь внимательное и уважительное к себе отношение.

Можно не сомневаться, что В. П. Пак, один из лучших у нас знатоков Кореи и корейского языка, внесший посильный вклад в изучение истории и культуры Кореи, в развитие добрососедства и сотрудничества с ней нашей страны, скромный, порядочный, доброжелательный, отзывчивый человек, займет достойное место среди тех, кто трудился в отечественном корееведении во второй половине XX века.

Ю. В. Ванин

Основные труды В. П. Пака

1. Сумерки старого мира. — Современный Восток. 1958, № 8.
2. Взошло солнце с Севера. Заметки о корейском фольклоре. — Азия и Африка сегодня. 1962, № 8.
3. Некоторые вопросы корейского фольклора. — Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников Института народов Азии АН СССР. Тезисы и планы докладов. М., 1964.
4. К вопросу о классификации корейских сказок. — Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников Института народов Азии АН СССР. Тезисы докладов. М., 1965.
5. Поэтика корейских народных сказок. — Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников Института народов Азии АН СССР. Тезисы докладов. М., 1966.
6. Из истории собирания и изучения корейского фольклора. — Литература и фольклор народов Востока. М., 1967.
7. Об изучении корейского фольклора в КНДР. — Этническая история и современное национальное развитие народов мира. Тезисы докладов на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов (Институт этнографии АН СССР). М., 1967.
8. Корея. — Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. М., 1967.
9. Корея. — Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. М., 1968.
10. Сюжетные и стилистические особенности корейских сказок. — Литература Востока. М., 1969.
11. Корейская легальная печать 20-х — начала 30-х годов о В. И. Ленине. — Народы Азии и Африки. 1970 № 2.
12. Культура КНДР (в коллективе авторов). — Современная Корея. Справочное издание. М., 1971.
13. Культура Южной Кореи (в коллективе авторов). — Там же.
14. Большой корейско-русский словарь (В коллективе авторов). Т. 1 и 2. М., 1976.
15. Корейские сказки. — Сказки народов мира. Т. III. Сказки народов Азии. М., 1980.
16. Просветительское движение и система образования в Корее во второй половине XIX — начале XX вв. М., 1982.
17. Феи с алмазных гор. Корейские народные сказки / Сост. и предисл. В. П. Пака. М., 1991.
18. Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX века. М., 1996. (В соавторстве с Г. Д. Тягай).

ВАЛЕНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ ПАК (ПАК КИЛЬ Ё Н)

(1920–1997)

Валентин Константинович Пак родился 5 января 1920 г. в селе Краббэ Посъетского (Хасанского) района Приморского края, в бедняцкой крестьянской семье. Как и все корейское население Дальнего Востока, в 1937 г. подвергся насильственной депортации. Его семья оказалась в потоке корейских переселенцев, направленных на жительство в Казахстан.

Среднее образование В. К. Паку пришлось завершить в Алма-Ате на рабфаке (рабочем факультете) — так назывались существовавшие в СССР до 1940 г. учебные заведения, готовившие рабочую и крестьянскую молодежь, не имевшую среднего образования, к учебе в высших учебных заведениях. В 1938 г. он поступил на факультет русского языка и литературы Педагогического института в Кзыл-Орде. Окончив его в 1941 г., В. К. Пак работал до сентября 1943 г. учителем и заведующим учебной частью в одной из школ Кармакчинского района Кзыл-Ординской области, а затем, до октября 1945 г., — в том же качестве, в Средне-Чирчикском районе Ташкентской области (Узбекистан).

Осенью 1945 г. начался новый, не совсем обычный и очень важный этап в жизни и деятельности В. К. Пака. В августе 1945 г. Корея была освобождена от японского колониального ига. Пребывание в северной его части (до конца 1948 г.) советских войск, в южной — американских (до середины 1949 г.), предопределило раскол Кореи, возникновение на ее территории в 1948 г. Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики. Перед Северной Кореей встали большие и сложные задачи возрождения и развития национальной экономики и культуры. Необходимых для этого собственных кадров практически не было. Поэтому СССР направлял в Се-

верную Корею (впоследствии — в КНДР) многочисленных специалистов разного профиля: одни из них трудились вместе с корейцами на производстве, в административных органах, здравоохранении и культуре, другие — помогали готовить национальные кадры. Естественно, что к этой работе привлекли многих корейцев из Казахстана и Узбекистана, знавших язык, обычаи и традиции корейского народа. Так часть советских корейцев оказалась на родине предков, сыграв в целом заметную роль в ее судьбе.

В числе первых, в ноябре 1945 г., в Северную Корею прибыл В. К. Пак. В течение трех лет он работал там по основной специальности: был преподавателем, заведующим кафедрой, заместителем директора Учительского института в Пхеньяне. Но в декабре 1948 г. В. К. Пака избрали заместителем председателя Общества корейско-советской дружбы — самой массовой тогда общественной организации КНДР, основанной еще в ноябре 1945 г. и внесшей большой вклад в сотрудничество СССР и КНДР. Во главе общества стоял выдающийся корейский писатель Ли Гиён, но вся текущая организационная работа, конечно же, велась его заместителем. В этом качестве В. К. Пак пережил почти всю Корейскую войну (1950–1953), в полной мере испытав на себе то, что выпало на долю народа КНДР. Весной 1953 г. произошла новая перемена в жизни и труде В. К. Пака: он стал дипломатом. С апреля 1953 г. по май 1954 г. являлся Чрезвычайным и Полномочным Посланником КНДР в Чехословакии, с мая 1954 г. по июнь 1957 г. — Чрезвычайным и Полномочным Послом КНДР в ГДР; с июня 1957 г. по март 1958 г. заведовал 1-м Европейским отделом МИД КНДР, с апреля 1958 г. по июль 1959 г. был заместителем министра иностранных дел КНДР. Неоднократно выполнял обязанности личного переводчика руководителя КНДР Ким Ир Сена.

Летом 1959 г. В. К. Пак смог наконец-то, после почти 14-летнего отсутствия, возвратиться на родину. Ему предоставили возможность продолжить и совершенствовать свое образование. В 1959–1961 гг. В. К. Пак учился в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, и затем в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС. Можно только удивляться нерасчетливости, с которой ему предложили здесь научную работу по одной из стран Юго-Восточной Азии, не учитывая богатейший жизненный и политический опыт, накопленный им в КНДР. К счастью, эту ошибку своевременно подметил и

исправил Г. Ф. Ким, пригласивший В. К. Пака на работу в корейское подразделение Института востоковедения АН.

С августа 1964 г. началась жизнь В. К. Пака в отечественном корееведении. Это был, пожалуй, самый важный и содержательный этап его биографии. В. К. Пак пришел в ИВ АН на ту же должность старшего научного сотрудника, в которой были некоторые другие его коллеги, но почти сразу же выдвинулся на лидирующие позиции в научном коллективе и оставался на них вплоть до ухода на пенсию в 1992 г. В отдел Кореи, Монголии и Вьетнама ИВ АН (впоследствии отдел социалистических стран Азии) он принес уникальные знания о Корее, разнообразный и ценный опыт, а Г. Ф. Ким, заведовавший тогда отделом, Ф. И. Шабшина, долгое время руководившая корейской группой, остальные коллеги помогли обратить эти знания и опыт в важные и интересные научные исследования.

Своеобразие научной деятельности В. К. Пака в большей степени, чем у других, предопределилось эпохой и его предшествующей биографией. Середина 1960-х годов — время, когда в полной мере обострился советско-китайский конфликт. Формально КНДР не присоединялась ни к одной из сторон, но по ряду принципиальных вопросов все же склонялась к китайским позициям (несогласие с осуждением КПСС культа личности Сталина, с политикой мирного сосуществования и т. д.). Соответственно на длительный период снизился уровень взаимоотношений СССР с КНДР. В самой этой Республике происходили сложные процессы перестройки общественно-политической и социально-экономической систем на основе идеологии чучхе (дословно «сам хозяин»), выработки собственной линии в международных отношениях и делах социалистического лагеря, концентрации единоличной власти в руках лидера. Все это делало КНДР трудным объектом внешней политики СССР, требовавшим от советского руководства повышенного внимания к себе и осторожного подхода.

В сложившейся тогда ситуации В. К. Пак оказался незамеченным специалистом, равного которому, пожалуй, не было в научной среде. Проработав многие годы в КНДР, причем не на последних ролях, он, как никто другой, ориентировался в обстановке в этой стране, близко знал многих деятелей, входивших там в правящую элиту, вникал в трудности функционирования партийного и государственного механизмов, понимал исходные мотивы предпринимаемых руководством Респуб-

ки шагов во внутренней и внешней политике. Вряд ли будет преувеличенным утверждение, что В. К. Пак занимал ведущее место в той группе ученых ИВ АН (Г. Ф. Ким, Ф. И. Шабшина, В. Д. Тихомиров и некоторые другие), которая несла на себе основную тяжесть работы, считавшейся в ту пору главной: анализ положения в изучаемой стране, своевременное информирование высших партийных и правительственных инстанций, содействие им в выработке соответствующей политики СССР относительно этой страны.

Следствием отмеченных выше обстоятельств явилось то, что научная деятельность В. К. Пака по большей части происходила в «закрытом» плане. Весной 1967 г. он стал кандидатом исторических наук, защитив по этому плану диссертацию на тему «Становление марксистско-ленинской партии в Кореи». За годы работы в ИВ РАН индивидуально или в соавторстве им были подготовлены десятки, если не сотни, справок, аналитических записок по актуальным проблемам КНДР и всей Кореи, материалов для разного рода «закрытых» конференций, ситуационных совещаний и пр. Много раз его приглашали для консультаций в учреждения, ведавшие разработкой и осуществлением политики СССР на корейском направлении.

Тематика «закрытых» исследований В. К. Пака была весьма разнообразной: социально-политическое положение КНДР; внешняя политика ее правительства, в особенности корейско-китайские отношения; история и современное состояние Трудовой партии Кореи, происходившие в ней политико-идеологические и кадровые изменения; условия и последствия усиленной централизации власти в КНДР; позиции правительства КНДР в борьбе за мирное объединение Кореи и т. д. Значительную долю исследований по перечисленным темам составляли прогнозы возможного развития событий в Республике и конкретные рекомендации на это счет советскому руководству.

Многолетние научные изыскания и личный опыт были обобщены В. К. Паком в большой монографии «Некоторые проблемы внутри- и внешнеполитического развития КНДР», изданной в 1979 г. как секретная и небольшим тиражом. Эта книга, информационные справки и аналитические записки, выступления В. К. Пака на «закрытых» мероприятиях были доступны лишь сравнительно узкому кругу лиц в высших партийных и государственных органах. Массовый читатель не имел о ней представления, а автор не мог публично внести их

в свой творческий багаж. Такова была общая участь тех, кто в прошлом готовил для руководства страны материалы по актуальным и сложным проблемам современности.

Впрочем, отдельные работы В. К. Пака «закрытого» плана все же попадали на страницы «Специальных бюллетеней», публиковавшихся Институтом востоковедения АН (некоторое время он именовался Институтом народов Азии) и других изданий «для служебного пользования». Наиболее крупное из них — коллективное исследование «Корейско-китайские отношения с древнейших времен до наших дней» («Специальный бюллетень Института народов Азии АН СССР», 1965, № 58). Основной раздел, «Новейшее время», написан В. К. Паком совместно с Ф. И. Куликовой (Шабшиной) и М. Н. Ханом. Эта работа не утратила своего значения до сих пор, ее используют современные исследователи корейско-китайских отношений (Л. В. Забровская, В. А. Шин и др.). Вместе с Л. А. Усовой им опубликована также статья «Ученые США об участии Ким Ир Сена в корейском освободительном движении» в журнале ИВ АН «Восток и современность» (1990, № 4).

Занятый в основном работами «закрытого» характера, В. К. Пак, тем не менее, достаточно много выступал с публикациями, рассчитанными на широкую читательскую аудиторию. К новейшей истории Кореи он обращался в статьях «По пути, начертанному Лениным» («Азия и Африка сегодня», 1970, № 2), «Идеология корейской национальной буржуазии» в книге «Актуальные проблемы идеологии национально-освободительного движения в странах Азии и Африки» (М., 1982). Пройденный КНДР путь рассматривался им в главе «Корейская Народно-Демократическая Республика (1958–1970)» в книге «История международного рабочего и национально-освободительного движения», часть 4 (М., 1978, в соавторстве с Ф. И. Куликовой) и статье «30 лет освобождения Кореи» («Вопросы истории», 1975, № 9). Для «Украинской советской энциклопедии» была написана статья «Корея: Север и Юг. История и современность» (1980).

Большой объем работы был выполнен В. К. Паком при подготовке в ИВ АН крупных обобщающих трудов по истории и современным проблемам Кореи. Он явился одним из основных авторов справочного издания «Современная Корея» (М., 1971), где его перу принадлежат разделы об административно-территориальном делении КНДР и РК, новейшей истории Кореи (в соавторстве с Ф. И. Шабшиной и В. М. Мазуровым), а также

о государственном строе, политических партиях и общественных организациях, внешнеполитических связях и, частично, о культуре КНДР. В «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)», т. 2 (М., 1974) В. К. Пак автор или соавтор четырех больших глав: «Корея после освобождения (август 1945 — сентябрь 1948)», «Оккупация Южной Кореи американскими войсками и создание сепаратного южнокорейского государства (август 1945 — сентябрь 1948)», «Создание Корейской Народно-Демократической Республики (1948–1950)» и «Отечественная освободительная война корейского народа (1950–1953)». Все эти главы посвящены сложному, противоречивому периоду истории Кореи после ее освобождения от японского колониального ига, и В. К. Пак в меру возможностей, предоставившихся тогда отечественной наукой, успешно справился с задачами его анализа и освещения.

Внешнеполитические проблемы Кореи также разрабатывались при активном участии В. К. Пака. Вместе с В. Д. Тихомировым и Ф. И. Шабшиной он написал все разделы о Корее в коллективной монографии «История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945–1977» (Хабаровск, 1978), созданной под руководством видного российского востоковеда академика С. Л. Тихвинского. Под тем же руководством был подготовлен сборник «Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945–1980. Документы и материалы» (М., 1981). Его издание было вызвано необходимостью противопоставить объективные данные проявлявшейся в КНДР тенденции замолчать или приуменьшить роль СССР в освобождении Кореи и последующем развитии ее северной части. К документам и материалам этого сборника до сих пор часто обращаются исследователи. Одним из его составителей был В. К. Пак.

В связи со сказанным выше нельзя не упомянуть еще одну работу с участием В. К. Пака. В начале 1980-х годов высшее партийное руководство СССР приняло решение опубликовать сборник архивных документов и материалов советской прессы 1920-х — 1930-х годов о коммунистическом движении в Корее. История этого движения в определенных политических целях искажалась за рубежом, прежде всего в самой Корее, и нужно было на документальной основе прояснить некоторые ее аспекты. К подготовке сборника привлекли большую группу ученых ИВ РАН и архивных работников. В нее входил и В. К. Пак, активно и с увлечением занимавшийся выявлением

и комментированием документов и материалов, переводом отдельных текстов с корейского языка на русский. К сожалению, труд большого коллектива оказался напрасным. В 1984 г. политическая ситуация, побудившая к изданию сборника, изменилась и «сверху» последовало указание не публиковать его.

Приведенный нами перечень увидевших свет научных трудов В. К. Пака примерно совпадает с тематикой его «закрытых» изысканий: новейшая история Кореи (главным образом рабочее и коммунистическое движение 1920-х — 1930-х годов), создание КНДР, ее государственное и общественно-политическое устройство, история Трудовой партии Кореи, внутренняя и внешняя политика руководства республики. Можно считать, что через эти труды ему удалось отчасти реализовать и сделать общим достоянием свои обширные знания и опыт. Отчасти, потому что в них освещалась только одна, позитивная сторона корейской действительности. Но он знал многое из того, что крылось под внешним благополучием, что сопровождало несомненным достижениям строившегося на севере Кореи государства, затрудняя и даже омрачая их. Однако по условиям того времени он не мог поделиться с читателями тем, что его занимало и волновало в истории КНДР и это, конечно же, порождало авторскую неудовлетворенность.

Возможность высказаться более или менее откровенно и основательно В. К. Пак обрел только на закате жизни. В 1994 г. вместе с южнокорейским журналистом Ким Гук Ху он опубликовал в Республике Корея книгу «Тайная история дипломатии Ким Ир Сена». В ней кратко показан путь Ким Ир Сена к вершинам власти, но главное — рассмотрены основные этапы формирования и осуществления внешней политики ТПК и правительства КНДР. Большое внимание уделено причинам и формам проявления «особого курса» КНДР в условиях советско-китайского конфликта и происходившего с конца 1960-х — начала 1970-х годов сближения между КНР и США, отношениям КНДР с КНР, Советским Союзом, другими странами социалистического лагеря. Книга написана в критическом духе, в ней немало фактов, не известных широкой публике. В приложении приведены краткие биографические данные о 61 политическом деятеле КНДР, а также хронология событий в Республике. Можно только сожалеть, что последний труд В. К. Пака недоступен пока большинству российских читателей.

В 1984 г. В. К. Пак стал пенсионером по возрасту, но продолжал трудиться в ИВ АН. Лишь в 1992 г. он окончательно расстался с институтом, но только формально, потому что не порывал связи с коллегами, продолжал жить делами и заботами корееведения и своего научного коллектива, в котором проработал 20 лет.

Большую часть жизни, почти полвека, В. К. Пак посвятил Корее. Работая сначала в КНДР, а затем в отечественном корееведении, он поступал как истинный патриот и интернационалист, активно участвуя в оказании Советским Союзом помощи освобожденной Корее, всеми силами стараясь содействовать взаимопониманию, добрососедству и сотрудничеству двух наших стран и народов. Многолетний, добросовестный и плодотворный труд В. К. Пака получил высокую оценку: он был дважды удостоен ордена Государственного Знамени (2-й степени) и ордена Труда в КНДР, награжден медалями «За победу над Японией», «За освобождение Кореи», «30 лет Советской Армии и Флота». Когда настало время уходить на заслуженный отдых, ему была назначена персональная пенсия союзного значения, которой обычно отмечались особые заслуги перед Советским государством.

Как и у всех ученых, место В. К. Пака в корееведении определялось количеством и содержанием трудов, адресованных или узкому кругу творцов корейской политики СССР, или множеству читателей, интересующихся Кореей. Но у его места в науке имелась еще одна грань, не менее заметная и важная, чем остальные. В. К. Пак являлся своего рода «ходячей энциклопедией» Кореи. Его память хранила невероятный объем сведений о людях и их судьбах, крупных и мелких событиях истории, деятельности различных органов власти КНДР, взаимоотношениях республики с другими странами, ее политике по поводу Южной Кореи. Наряду с тем, он был прекрасным знатоком Кореи вообще: ее географии и природных условий, национальной культуры, традиций и обычаев корейского народа. Все это дополнительные свидетельства действительной уникальности В. К. Пака как специалиста по Корее высочайшей квалификации. К нему постоянно обращались за советами и консультациями ученые различных научных центров, работники практических учреждений и общественных организаций, связанных с Кореей. Повышенный интерес проявляли к нему зарубежные ученые и журналисты. В. К. Пак щедро делился своими знаниями и опытом, охотно помогал начинаю-

Г. В. Грязнов

Д. Д. Елисеев

И. С. Казакевич

Г. Ф. Ким

Ю. Н. Мазур

В. М. Мазуров

М. И. Никитина

Л. Б. Никольский

В. П. Пак

В. К. Пак (Пак Киль Ён)

Н. П. Семенова

Б. В. Синицын

И. Д. Скорбатьюк

В. Д. Тихомиров

Л. А. Усова

Хан Дык Пон

В. А. Хван Юндюн

И. И. Хван

А. А. Холодович

Ф. И. Шабшина
(Куликова)

В. И. Шипаев

Ф. И. Шабшина выступает с докладом
в Обществе советско-корейской дружбы

Г. Ф. Ким проводит заседание
отдела Кореи, Монголии
и Вьетнама ИВ АН СССР
(докладчик Ю. В. Ванин)

Ю. Н. Мазур читает лекцию о жизни и творчестве выдающегося корейского лингвиста Чу Си Гёна

Президиум научной конференции, посвященной 80-летию Первомартовского народного движения в Корее (Москва)

Делегация ИВ РАН в Республике Корея

И. Д. Скорбатьюк с послами СССР и РФ в КНДР
(слева — В. И. Денисов, справа — Ю. Д. Фадеев)

Н. П. Семенова среди студентов МГИМО МИД РФ

Беседа с корейскими коллегами в ИВ РАН

Встреча корееведов ИВ РАН с учеными из Республики Корея

Научная конференция,
посвященная 50-летию начала Корейской войны

щим корееведам. Вместе с тем, никогда не переставал учиться сам, вникая в проблемы истории Кореи и овладевая методологией научных исследований.

Среди тех, кому довелось общаться и работать с В. К. Пакком, он неизменно пользовался огромным уважением и авторитетом. В первую очередь, конечно, за его уникальные знания и неустанный труд. Но не только! Веселый, жизнерадостный, дружески расположенный к людям, он вносил добрую, светлую струю в жизнь и работу своего коллектива. Никогда не кичился знаниями и заслугами, держал себя на равных со всеми, даже молодыми коллегами. Внимательно и чутко относился к окружающим, старался по мере возможности быть им полезным. Гостеприимный, хлебосольный хозяин у себя дома, он активно и с душой участвовал в праздничных застольях, устраиваемых в институте. Будучи честным и принципиальным человеком, не любил халтуру, недобросовестность, попытки нечистоплотных спекуляций на проблемах советской действительности.

В отличие от некоторых корейских деятелей, предусмотрительно державшихся в прошлом в стороне от сообщества корейцев Москвы, В. К. Пак был одним из самых заинтересованных и энергичных его членов. Находясь в курсе общекорейских дел, он содействовал, как мог, их решению, помогал нуждающимся. В Институте востоковедения АН периодически собирал ветеранов-корейцев, чтобы они могли пообщаться друг с другом, вспомнить прошлое, обсудить то, что их волновало. Нетерпимый к любым проявлениям национализма, как, впрочем, и шовинизма тоже, он искренне и страстно, с присутствующим ему «взрывным» темпераментом, их осуждал.

После себя В. К. Пак оставил несколько меньше печатных трудов, чем некоторые его коллеги, о которых рассказано в данной книге. Но его место в науке невозможно определить только узкими количественными мерками. Блестящий знаток Кореи, один из тех, кто на практике олицетворял традиции дружбы и сотрудничества народов России и Кореи, видный ученый, посвятивший свои знания и опыт интересам корейской политики СССР и отечественной науки, умный советчик и наставник для многих, кто занимался проблемами Кореи, хороший и надежный товарищ, — таким был В. К. Пак для современников и таким останется в истории корееведения.

Основные труды В. К. Пака

1. Корейско-китайские отношения с древнейших времен до наших дней. Новейшее время. — Специальный бюллетень Института народов Азии АН СССР. 1965, № 58. (В соавторстве с Ф. И. Куликовой и М. Ханом).
2. По пути, начертанному Лениным. — Азия и Африка сегодня. 1970, № 2.
3. Административно-территориальное деление. — Современная Корея. Справочное издание. М., 1971.
4. Исторический очерк. Новейшая история. — Там же. (В соавторстве с Ф. И. Шабшиной и В. М. Мазуровым).
5. Государственный строй (КНДР). — Там же.
6. Политические партии и общественные организации (КНДР). — Там же.
7. Внешнеполитические связи (КНДР). — Там же.
8. Культура (КНДР). — Там же. (В коллективе авторов).
9. Освобождение Кореи Советской Армией. Развитие в стране революции (август 1945 — сентябрь 1948). — История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 2. М., 1974.
10. Оккупация Южной Кореи американскими войсками и создание сепаратного южнокорейского государства (август 1945 — сентябрь 1948). — Там же. (В соавторстве с Б. В. Синицыным и В. И. Шиपाевым).
11. Создание Корейской Народно-Демократической Республики (1948–1950). — Там же. (В соавторстве с Л. Е. Еременко).
12. Отечественная освободительная война корейского народа (1950–1953). — Там же.
13. 30 лет освобождения Кореи. — Вопросы истории. 1975, № 9.
14. Корейская Народно-Демократическая Республика (1958–1970). — История международного рабочего и национально-освободительного движения. Ч. 4. М., 1978. (В соавторстве с Ф. И. Куликовой).
15. Борьба демократических сил против американской политики расчленения Кореи. Образование Корейской Народно-Демократической Республики. — История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945–1977. — Хабаровск, 1978. (В соавторстве с В. Д. Тихомировым и Ф. И. Шабшиной).
16. Война США и других империалистических держав в Корею. — Там же. (В том же соавторстве).
17. Корея в международных отношениях. — Там же. (В том же соавторстве).
18. КНДР и Южная Корея: два пути, две политики. — Там же. (В том же соавторстве).
19. Корея: Север и Юг. История и современность. — Украинская советская энциклопедия. Т. 5. Киев. 1980.

20. Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945–1980. Документы и материалы. М., 1981. (Один из составителей).
21. Идеология корейской национальной буржуазии.— Актуальные проблемы идеологии национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. М., 1982.
22. Ученые США об участии Ким Ир Сена в корейском освободительном движении.— Восток и современность. 1990, № 4. (В соавторстве с Л. А. Усовой).
23. Тайная история дипломатии Ким Ир Сена. Сеул. 1994 (на кор. яз.). (В соавторстве с Ким Гук Ху).

НИНА ПЕТРОВНА СЕМЕНОВА

(1924–2002)

В детстве мне подарили корейскую куклу, с которой я любила играть. В 1951 г. в поезде, в котором бабушка везла меня на юг, я увидела группу людей восточной внешности. «Корейцы, — шептали пассажиры вокруг, — у них война, им плохо». Корейцев все угощали едой и жалели. Вот, пожалуй, и весь мой «корееведческий» опыт до той поры, пока в 1964 году я не поступила в Московский Государственный институт международных отношений (МГИМО). Привел меня туда жгучий интерес к Индии, прежде всего к индийскому искусству. Но, к моему большому разочарованию, я была определена на факультет международных экономических отношений и в группу корейского языка.

Разочарование, впрочем, быстро сменилось энтузиазмом в отношении всего корейского — от языка до экономики. Такой метаморфозе способствовали работавшие в МГИМО талантливые специалисты и, прежде всего, преподаватель корейского языка В. Н. Дмитриева и доцент кафедры мировой экономики Н. П. Семенова.

К этому времени Нина Петровна Семенова была уже опытным педагогом и видным ученым. Еще в 1949 г. она окончила Московский институт востоковедения (МИВ). Училась Н. П. Семенова на японском отделении и получила специальность референта-переводчика по Японии. Как отличницу, ее рекомендовали в аспирантуру МИВа. Тему диссертации определили по специальности, японоведческую, но аспирантка постепенно перенесла акцент в своей работе на Корею. В 1953 г. Нина Петровна с блеском защитила диссертацию на тему «Колониальная политика японского империализма в Корее и национально-освободительная борьба корейского народа (1910–1918 гг.)». 30 июня 1953 г. ей, двадцатидевятилетней женщине, была присвоена

ученая степень кандидата исторических наук, что случалось не так уж часто.

Корейская «составляющая» диссертационного исследования оказалась столь сильной, что молодому ученому немедленно предложили читать в МИВ историю Кореи. Через год МИВ влился в МГИМО, и Н. П. Семенова преподавала упомянутый предмет уже на новом месте, а затем стала там основным специалистом кафедры мировой экономики по Корее, Монголии, Китаю.

К моменту моего зачисления в институт Нина Петровна выпустила уже десять потоков востоковедов и получила (25 марта 1964 г.) ученое звание доцента. Впечатляющими были ее достижения и на научной стезе, но о них чуть ниже.

Как лектор, Нина Петровна покорила меня уже на первом занятии. Она не читала текст, не бубнила его, как некоторые, она беседовала с аудиторией. Незаметно для себя я погружалась в таинственный, экзотический мир одной из стран Востока — перед глазами проплывали остроконечные, окутанные дымкой сопки Алмазных гор, красочные павильоны с изогнутыми крышами, мужчины в белых одеяниях и шляпах из конского волоса, террасы с рисовой рассадой, ажурные фарфоровые вазы. Корея из абстракции превращалась в манящий объект познания, и цифры, характеризующие состояние корейской экономики, усваивались легко и незаметно.

После лекций мы с однокурсниками обменивались мнениями — все были единодушны в высокой оценке Н. П. Семеновой как замечательного лектора. На ее следующие лекции, уже по Китаю, затем по Монголии, студенты, что называется, валом валили. В том числе и те, кто с первых дней учебы настроились на манкирование занятиями. Во время выступлений Нины Петровны в зале стояла тишина — никто не болтал, но никто и не дремал и не играл в «морской бой», все с интересом слушали. А некоторые студенты, в том числе и я, скрупулезно записывали то, что говорила преподавательница. У меня до сих пор сохранились эти записи. Я периодически перебираю пожелтевшие листки и вновь и вновь ухожу в увлекательный мир Кореи, вспоминаю свою юность, эмоции, которые обуревали меня на лекциях любимого педагога.

Как востоковед, я посещала не только общие лекции Нины Петровны, но и руководимые ею семинарские занятия. Они становились все более глубокими и профессиональными. К концу первого семестра во многом благодаря Н. П. Семено-

вой, мы, корейсты, чувствовали себя уже заправскими экспертами и болезненно реагировали на любые нелестные или просто неверные замечания в адрес «нашей» страны. Кто-то из сокурсников однажды назвал Корею отсталой нацией — и получил с нашей стороны жесткий отпор. В другой раз один глупец заявил, что «корейский язык похож на птичий» — и тоже вызвал гнев и отповедь корееведов.

Нина Петровна не только прививала, но и поощряла такой «профессиональный патриотизм». «Запад, — говорила она, — легче изучать; язык, культура, история, все похоже на наше. Восток — совсем другая материя, сложная, тонкая. Коллеги, наверное, завидуют вашим знаниям, отсюда подобная бестактность».

Все, кто всерьез относился к учебе, неизменно стремились заполучить Нину Петровну в качестве руководителя курсовой работы. Увы, для некоторых, если не для большинства, преподавателей, это было скучной нагрузкой. К ней соответствующим образом и подходили. Написанное (или списанное из чужих книг) студентом такие руководители курсовых читали «по диагонали», делали для проформы несколько замечаний, и этим ограничивались.

Н. П. Семенова руководила курсовыми всерьез, более того, она фактически участвовала во всем процессе их подготовки наравне с авторами работ — активно помогала каждому выбрать тему, составлять план, подбирать литературу.

Многие востоковеды, да и не только они, готовили курсовые у Н. П. Семеновой на протяжении всех пяти лет обучения в МГИМО. Под ее началом писали дипломы, а затем и кандидатские диссертации. Точной статистики на сей счет нет, но можно смело утверждать, что Н. П. Семенова за 48 лет преподавания в МГИМО осуществила руководство более чем 600 курсовыми, 200 дипломами и 100 диссертационными исследованиями! Не удивлюсь, если названные показатели являются рекордными для нашей страны, а может, и для всего мира. К ним следует прибавить еще многие сотни выступлений Нины Петровны в качестве оппонента работ различного уровня, подготовку ею бесчисленных отзывов и рецензий на диссертации, дипломы, монографии и статьи студентов и преподавателей МГИМО, коллег из других институтов.

Колоссальная научно-педагогическая нагрузка, казалось, не оставляла времени на что-либо другое. Но Н. П. Семенова

находила возможности для проведения собственных исследований. Из-под ее пера выходили оригинальные и глубокие научные произведения. Хотя некоторые из них издавались как учебные пособия, но и они опирались на большой фактический материал и были по существу аналитическими.

Обращает на себя внимание разнообразие научных интересов Н. П. Семеновой. Начинала она как историк-кореевед. Выше уже говорилось, что ее кандидатская диссертация была посвящена национально-освободительному движению корейского народа в 1910–1918 гг. В 1950–1960-х годах прошлого века эта тема входила в число важных и актуальных для нашей науки и работа Н. П. Семеновой была одной из первых и наиболее значительных. Можно только сожалеть, что она не была своевременно полностью опубликована. Но Н. П. Семенова и впоследствии не отходила от этой темы, напечатав в «Ученых записках МГИМО», естественно, с учетом новых источников и литературы, статьи «Национально-освободительная борьба корейского народа (1910–1918)» («Проблемы востоковедения». Вып. 1, 1970) и «Формы и методы национального порабощения корейского народа японскими колонизаторами» («Проблемы востоковедения». Вып. 2, 1972).

Примечательно, что почти сразу же после защиты кандидатской диссертации по истории Кореи Н. П. Семенова переклЮчилась на экономическую проблематику, довольно скоро выдвинувшись в число видных специалистов в этой области. В ее занятиях историей заметное место отводилось изучению экономических аспектов положения колониальной Кореи. Об этом небольшая книга Н. П. Семеновой «Основные этапы экономического развития Кореи до освобождения ее от колониального гнета японского империализма» (издана МГИМО ротاپринтным способом в 1956 г.) и статья «Колониальная политика японского империализма в области промышленности Кореи» («Ученые записки МГИМО. Проблемы востоковедения». Вып. 3, 1973). обстоятельное выяснение экономического состояния Кореи ко времени ее избавления от японского колониального ига позволили Н. П. Сееновой глубже вникнуть в проблемы развития экономики КНДР, которые стали главным объектом ее исследовательской деятельности.

Советский Союз оказывал КНДР большую помощь в экономическом строительстве, поддерживал с ней достаточно активные хозяйственные связи, поэтому и в интересах внешней политики СССР, и в интересах науки необходимо было как

можно больше знать об экономике КНДР, анализировать происходящие в ней процессы, выявлять тенденции их развития. У МГИМО это было еще и практической задачей, поскольку там готовились кадры для работы за рубежом, включая и корейское направление. Осуществление указанной задачи в значительной степени взяла на себя Н. П. Семенова.

По проблемам экономики КНДР Н. П. Семенова опубликовала свыше десятка работ. В ряде ее статей рассмотрены ход кооперирования сельского хозяйства КНДР, меры республики в области индустриализации, в развитии внутренней и внешней торговли. Дважды (в 1980 и 1986 гг.) выходили в свет брошюры Н. П. Семеновой с анализом состояния экономики КНДР в целом. В нескольких выпусках ежегодных обзоров ситуации в мировой экономике, регулярно издававшихся в СССР, ее перу принадлежали разделы о положении народного хозяйства стран Азии, входивших тогда в социалистическую систему. Соответствующее место в них отведено КНДР. Как правило, в своих работах Н. П. Семенова наглядно показывала значение сотрудничества с СССР для количественного и качественного роста экономики КНДР, что обычно замалчивалось или преуменьшалось корейской стороной.

Хотя экономическая проблематика являлась для Н. П. Семеновой главной, она в своей научно-исследовательской деятельности на ней отнюдь не замыкалась. Помимо названных выше трудов по истории Кореи, она выпустила также брошюры «Суды и прокуратура КНДР» (М., 1958) и «Корея. Избирательная система» (М., 1961), одной из первых осветив важные аспекты общественно-политического устройства КНДР. К такого рода темам отечественное корееведение не часто обращалось в прошлом и мало интересуется в последнее время, поэтому эти брошюры Н. П. Семеновой остаются до сих пор нужными и полезными.

Практически каждая из работ Нины Петровны, в 1980-х годах уже профессора МГИМО, получала широкий общественный резонанс и повсеместно использовалась в нашей стране в учебном и научном процессе. Трудно встретить отечественного корееведа, который не был бы знаком с научным творчеством Н. П. Семеновой, не воспитывался бы на ее книгах и статьях как профессионал. Знали и ценили ее исследования и за рубежом: в Северной и Южной Корее, в Китае, Японии, Монголии, США, Западной и Восточной Европе. Удивительно, но произведения своей любимой учительницы я находила позднее в

библиотечных фондах даже таких далеких от Кореи стран, как Сирия и Новая Зеландия, Иран и Австрия.

Нина Петровна успевала заниматься и общественными делами. На протяжении почти двадцати лет она была активным членом Центрального правления Общества советско-корейской дружбы, регулярно принимала в МГИМО делегации из КНДР. В постсоветский период оказывала гостеприимство представителям уже обеих частей Кореи. Вела научный студенческий кружок по изучению Кореи.

Десятки лет возглавляла Н. П. Семенова профсоюзный комитет МГИМО, входила в Горком профсоюза работников государственных учреждений. В данном качестве она энергично занималась улучшением условий работы коллег, их зарплатой, жилищными проблемами, досугом. Во многом благодаря ее усилиям сотрудники МГИМО имели значительные преимущества в сравнении с другими работниками высшей школы. Профессорско-преподавательский состав трудился в прекрасно оборудованных помещениях, питался в отличных столовых, отдыхал в лучших санаториях и домах отдыха. МГИМО прославился самыми высокими зарплатами и самыми короткими очередями на получение квартир.

Профсоюзная деятельность Н. П. Семеновой, может быть, не в меньшей степени, чем научно-преподавательская, способствовала ее авторитету и популярности в МГИМО, в высшей школе страны в целом, в Министерстве иностранных дел, в профсоюзных органах. Любой человек знал, что к Нине Петровне можно было обратиться не только как к эксперту по Востоку высшей пробы, но и как к общественнику, готовому и способному реально помочь по широкому кругу жизненных проблем.

Отмечало достижения и достоинства Н. П. Семеновой и государство. В 1980-е годы она была награждена орденом «Дружба народов», медалями «За трудовое отличие» и «Ветеран труда». Фотография Нины Петровны помещалась на Доску почета Ленинского района г. Москвы, она неоднократно получала знаки отличия от Министерства высшего образования.

Особого разговора заслуживает умение Н. П. Семеновой дружить. Большинство профессоров добросовестно и квалифицированно обучает студентов, но не только не сближается с ними, а, напротив, подчас сознательно держит учеников на почтительном расстоянии от себя. Распространено мнение, что сближение с ними может привести к панибратству и тогда ученики перестанут уважать учителя, соблюдать дисциплину, ус-

ваивать знания. Нина Петровна не боялась таких последствий. Она была слишком знающим и принципиальным и, вместе с тем, добрым и душевным человеком, чтобы сторониться студентов.

Помню, уже на первом курсе Н. П. Семенова участвовала вместе с нами в диспутах, вечеринках, загородных походах. Мы ходили веселой компанией в театры и кино, в музеи и на спортивные соревнования. Нина Петровна органически влилась в нашу компанию, стала одной из нас, но при этом наш пиетет в адрес этой женщины только возрастал. Мы, разинув рты, слушали размышления Нины Петровны об искусстве и литературе, об окружающей нас жизни.

Я взяла за привычку во всем советоваться с Ниной Петровной, и, как правило, полученным рекомендациям следовала. Ее советы касались практически всех сторон жизни. Нина Петровна подсказывала мне, как собирать материалы для курсовой, что записывать на лекциях, какие передачи смотреть по телевизору, в какой одежде ходить в институт, с кем дружить, и даже как правильно расставлять ударения в русской речи. Советы всегда давались в очень дипломатичной, уважительной форме и от этого принимались с особой благодарностью.

Постепенно Нина Петровна стала настоящим членом моей семьи. Мы ходили друг к другу в гости, совместно отмечали дни рождения. На моей свадьбе на четвертом курсе института Нина Петровна была, разумеется, одним из самых почетных гостей.

После окончания института наша дружба не ослабла. Она продолжалась до последнего дня жизни любимой учительницы. Многие годы мы с мужем работали в дипломатических представительствах за рубежом, но и тогда не прерывали связей с Ниной Петровной. Регулярно переписывались, обменивались поздравительными открытками. Я храню увесистую коробку с корреспонденцией, полученной от нее в разные периоды. Бывает, на досуге перечитываю письма, и слезинки грусти накатываются на глаза. Вместе с тем, безмерная благодарность судьбе, подарившей мне дружбу с Ниной Петровной, охватывает мою душу.

Однажды Н. П. Семенова посетила нас за границей. Дело было в 1984 г. в Китае, в нашем посольстве в столице этого государства Пекине. Профессор провела с нами больше месяца. Втроем (Нина Петровна, мой муж и я) буквально исколесили

на машине и исходили пешком все интересные места в Пекине и его окрестностях. Н. П. Семенова не просто с любопытством смотрела по сторонам, она скрупулезно и методично изучала страну, которая являлась одним из объектов ее профессионального интереса. Разговаривала с профессорами и официантами, продавцами и художниками, просто с прохожими; расспрашивала их о личной жизни и о ситуации в КНР. Услышанное немедленно «брала на карандаш» — записывала в книжечку, которая всегда была при ней. Нину Петровну интересовали зарплаты китайцев, их жилищные условия, национальная кухня, вкусы, пристрастия, представления о внешнем мире и т. п. По вечерам, сидя за чашкой жасминового чая, наша гостья живо комментировала узнанное в течение прошедшего дня. И тогда записывать ее всегда глубокий анализ китайских реалий принимались уже мы.

На китайский новый год, в невероятную стужу, мы направились в пекинские «хутуны» (старинные переулки). Наступил вечер, «хутуны» почти не освещались, и мы передвигались в темноте буквально на ощупь. И вдруг двери в глухих стенах, скрывающих за собой жилые дворы, распахнулись, наружу высыпали толпы китайцев и начали стрелять в воздух из хлопушек. Поднялся страшный грохот, словно строчили десятки пулеметов. Снопы искр, клубы сизого дыма, разноцветные огни, восторженный рев толпы — так китайцы приветствовали наступление Нового года по традиционному календарю.

Как замороженные, мы наблюдали за красочным и страшноватым действием, а затем потихоньку стали выбираться из зоны «боевых действий». И попали на гигантскую площадь Тяньаньмэнь. На этой центральной, почти священной площади Ворот небесного спокойствия, оказывается, тоже встречали Новый год. Какой-то умелец в военизированной одежде (зеленый тулуп до пят, шапка-ушанка, черные ботинки) закладывал в пушку хлопушки и палил. Настоящий салют! Вокруг толпы зевак, в том числе полицейские, которые не мешали народу веселиться.

В посольство Нина Петровна возвращалась молча, не проронив ни слова. А добравшись до места, громко сказала: «Это самое ошеломляющее зрелище, виденное мною за всю жизнь!»

Эмоционально реагировала она и на знакомство с Великой китайской стеной, могилами императоров Минской династии, музеями императорского дворца Гугун и другими шедеврами

пятитысячелетней китайской цивилизации. Позднее, в Москве, эти эмоции передавались Ниной Петровной студентам, которые тут же влюбились, раз и навечно, в неповторимый Восток.

Сколько таких востоковедов, преданных своей профессии, воспитала Н. П. Семенова! Помню, в 1992 г. защищал докторскую диссертацию в Москве Ким Дэ Чжун, будущий президент Республики Корея. На банкете, после успешной защиты, мы с Ниной Петровной подошли к диссертанту. Узнав, что Н. П. Семенова готовит востоковедческие кадры, Ким Дэ Чжун полюбопытствовал: «А сколько корееведов Вы выпустили за годы работы?» Я ответила за Нину Петровну: «Практически все наши корееведы, да и остальные востоковеды, начиная с 1950-х годов и вплоть до сегодняшнего дня,— ученики профессора Н. П. Семеновой!»

Удивленный, Ким Дэ Чжун тогда воскликнул: «Вы — великая женщина! Корейский народ Вам бесконечно благодарен!»

Благодарна Нине Петровне и целая армия ее учеников, в которую входят государственные деятели, послы, ректоры вузов, академики, руководители СМИ, разведчики, члены парламента. В их сердцах и делах Нина Петровна продолжает жить. Низкий поклон ей от всех, кого она сделала профессионалами и просто людьми.

Н. Е. Бажанова

Основные труды Н. П. Семеновой

1. Основные этапы экономического развития Кореи до освобождения ее от колониального гнета японского империализма. М., ИМО, 1956 (роптапринт).
2. Кооперирование сельского хозяйства в КНДР.— Ученые записки (ИМО). Вып. 2. Вопросы экономики стран Востока. М., 1958.
3. Суды и прокуратура КНДР. М., ИМО, 1958.
3. Развитие внутренней торговли в КНДР.— Ученые записки (ИМО). Вып. 3. Вопросы экономики стран Востока. М., 1960.
5. Корея. Избирательная система. М., 1961.
6. Внутренняя и внешняя торговля Корейской Народно-Демократической Республики. Учебное пособие по экономике КНДР. ИМО. М., 1961.
7. Значение внешнеторговых связей для развития народного хозяйства КНДР.— Ученые записки (ИМО). Вып. 9. Серия экономика. М., 1962.

8. Экономика социалистических стран Азии.— Мировая экономика. М., 1966.
9. Социалистическая индустриализация в КНДР.— В научном поиске. Ученые записки (ИМО). М., 1967.
10. Экономика социалистических стран Азии.— Мировая экономика. М., 1969.
11. Национально-освободительная борьба корейского народа (1910–1918 гг.). По материалам Архива внешней политики России.— Ученые записки МГИМО. Проблемы востоковедения. Вып. 1. М., 1970.
12. Внутренняя торговля КНДР.— Современная Корея. Справочное издание. М., 1971.
13. Формы и методы национального порабощения корейского народа японскими колонизаторами.— Ученые записки МГИМО. Проблемы востоковедения. Вып. 2. 1972.
14. Колониальная политика японского империализма в области промышленности Кореи.— Ученые записки МГИМО. Проблемы востоковедения. Вып. 3., 1973.
15. Экономика социалистических стран — не членов СЭВ.— Мировая экономика. М., 1978.
16. Экономика КНДР. МГИМО. М., 1980.
16. Экономика Корейской Народно-Демократической Республики. Учебное пособие. МГИМО. М., 1986.

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ СИНИЦЫН

(1929–2002)

Борис Владимирович Сеницын родился 18 января 1929 г. в Москве в семье служащих. Родители довольно скоро расстались, и это соответственно сказалось на его характере, выработав самостоятельность, умение приспосабливаться к любым обстоятельствам. В 1936 г. Б. В. Сеницын пошел в школу. В июне 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, он гостил у родственников отца в Подмосковье. Ему пришлось пережить там в конце октября — начале ноября 1941 г. несколько недель немецко-фашистской оккупации, о чем он впоследствии не любил вспоминать. Вернувшись в апреле 1942 г. в Москву, Б. В. Сеницын вынужден был временно где-то подрабатывать, что случалось нередко с детьми в тяжелейших военных условиях. Естественно, что некоторое время ему было не до учебы.

В 1945 г. Б. В. Сеницын переехал в Латвию, по месту работы отца, сначала в Даугавпилс, а в 1947 г. — в Лиепаю (Либаву). Здесь, в 9 классе Русской средней школы, с ним и познакомился автор данной статьи. С 1947 г. наши судьбы с ним были неразрывно связаны свыше полувека, двигаясь практически одним и тем же курсом. Так получилось, что в последний год учебы Б. В. Сеницын по семейным обстоятельствам остался в Лиепае совершенно один. Школа предоставила ему небольшую комнату в общежитии, ставшую своего рода «клубом» для одноклассников. Жилось ему тогда нелегко, но при поддержке друзей он хранил присущие ему жизнестойкость и оптимистический настрой, сумел успешно окончить школу.

Столь же успешно Б. В. Сеницын поступил в 1949 г. на исторический факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Собирался специализироваться по все-

общей истории нового времени, но оказался в составе первой в МГУ корейской группы, которую набирал на восточном отделении истфака молодой доцент, ныне крупнейший отечественный историк, директор Международного центра корееведения МГУ профессор М. Н. Пак. Учился Б. В. Синицын ровно, с интересом, был активен во всей многообразной и кипучей студенческой жизни. Увлекался футболом, страстно болел за московское «Динамо», сам с детства любил играть. В последние студенческие каникулы по собственной инициативе съездил в Узбекистан, где некоторое время жил и работал в одном из корейских колхозов.

Закончив с отличием МГУ в 1954 г., Б. В. Синицын был рекомендован в аспирантуру Института востоковедения АН. Из-за каких-то организационных неувязок смог поступить в нее осенью 1955 г. И снова в его научных интересах произошел крутой поворот. Историк по образованию, он увлекся проблемами экономики Южной Кореи, одним из первых приступив к серьезному и углубленному ее изучению. Довольно скоро Б. В. Синицын вошел в число ведущих экономистов-корееведов нашей страны. В 1961 г. он защитил кандидатскую диссертацию по первой своей книге «Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи (1945–1959 гг.)».

В 1958 г., по окончании аспирантуры, Б. В. Синицын был принят на работу в Институт востоковедения АН, где и трудился всю свою научную жизнь. Начал с должности младшего научного сотрудника сектора Кореи, в 1965 г. стал старшим научным сотрудником. Под руководством Г. Ф. Кима он успешно работал здесь вместе с ведущими специалистами в области политики, экономики и истории Кореи В. М. Мазуровым, В. И. Шипаевым, Г. В. Грязновым, И. С. Казакевичем, Ф. И. Шабшиной и др. После создания ИВ АН в 1971 г. отдела общетеоретических проблем социально-политического развития стран Востока во главе с Г. Ф. Кимом, Б. В. Синицын перешел в этот отдел, вступив в творческую группу экономистов, руководимую известным ученым А. И. Левковским. В 1992 г. он вернулся в отдел Кореи и Монголии, откуда в связи с тяжелой болезнью в 2000 г. ушел на пенсию.

Как уже сказано, в аспирантские годы Б. В. Синицын интересовался проблемами экономики Южной Кореи, которые стали стержнем всей его последующей научной деятельности. Следует напомнить, что тогда, вскоре после Корейской войны 1950–1953 гг., в СССР только начиналось основательное изуче-

ние этих проблем. До того появился ряд небольших публикаций по отдельным темам, не столько научного, сколько пропагандистского характера, вызванных потребностями советско-американского противостояния в корейском вопросе. Хотя такие потребности продолжали сказываться в отечественном корееведении и в дальнейшем, все же во второй половине 1950-х годов в нем возникло и набирало силу стремление познать и осмыслить истинное состояние южнокорейской экономики, поскольку иначе было невозможно понять многое из того, что происходило в Республике Корея и в целом на Корейском полуострове.

В данном сборнике статей и других изданиях не раз отмечалось, что начало подхода к Республике Корея как к самостоятельному и важному объекту научного исследования положили ученые Института востоковедения РАН. В 1959 г. они (при участии специалистов из нескольких учебных и научных центров Москвы) опубликовали о ней первую в СССР крупную коллективную монографию «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.)». Монография освещала разные аспекты ситуации в Республике Корея указанного периода, но основное внимание уделила экономической тематике. В авторский коллектив входил и Б. В. Синицын, написавший вместе с Г. В. Грязновым и Г. Ф. Кимом (руководителем всей работы) главу «Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи». Через два года вышла в свет его монография с тем же названием, защищенная, как уже говорилось, в 1961 г. в качестве кандидатской диссертации. Это была первая у нас книга, специально посвященная экономике Республики Корея.

Изучение Республики Корея вообще, ее экономики в частности, было затруднено тогда ограничениями идеологического и политического свойства и информационным «голодом». Приходилось опираться главным образом на материалы, получаемые из КНДР, а они, по понятным причинам, далеко не всегда были объективны и достоверны. Зарубежная литература поступала в сравнительно небольшом объеме, к тому же часть ее оседала на «специальном хранении», недоступном рядовым ученым. В еще меньшем количестве, причем окольными путями, попадали в СССР южнокорейские издания. Тем не менее, Б. В. Синицын сумел создать для своего исследования неплохую по тому времени базу источников и литературы, включая данные из экономических ежегодников и публика-

ций Банка Кореи, материалы южнокорейской прессы. Вместе с тем в предисловии книги он предупреждал, что из-за недостатка информации смог лишь затронуть некоторые весьма существенные проблемы.

В центре внимания автора — промышленность Республики Корея. Ее состояние рассматривается им на фоне общего экономического положения страны. А оно в период написания книги действительно было очень тяжелым, автор вполне оправданно высказывал по этому поводу негативные оценки. Среди причин такого положения выделены последствия японского колониального гнета, разрыв экономических связей между промышленным Севером и аграрным Югом из-за расчленения страны, разорительная война 1950–1953 гг., а также антинародный милитаристский курс правительства Ли Сын Мана, его послушное следование в фарватере политики США, направленной на сохранение южной Кореи в качестве своего аграрно-сырьевого придатка и военного плацдарма. Под таким углом зрения анализируется в книге ситуация в южнокорейской промышленности в целом и в ведущих ее отраслях. Примечательно, что автор сосредоточился главным образом на тех отраслях, которые более других пострадали от утраты связей с Севером (металлургия, химия, энергетика). Ему удалось показать, что, при всех трудностях и недостатках, там все же происходило некоторое поступательное движение. Это не единственный пример желания автора по возможности объективно представить читателям сложную, противоречивую панораму экономики Республики Корея середины 50-х годов.

Одним из первых у нас обратился Б. В. Синицын к проблемам южнокорейского рабочего класса. Делалось это не только из-за того, что пролетариат считался авангардом социального прогресса и ему надлежало уделять повышенное внимание, но и потому, что оценить действительное состояние промышленности невозможно без знаний о ее главной производительной силе. В своей книге Б. В. Синицын привел данные о численности и структуре рабочего класса, показал условия труда и уровень жизни, рассмотрел основы трудового законодательства в Республике Корея. В результате войны, но прежде всего вследствие отсталого, полуколониального характера экономики рабочий класс здесь, по мнению автора, был еще сравнительно невелик по численности, имел низкий образовательный и профессиональный уровень, подвергался жестокой эксплуатации,

репрессиям и раскольническим действиям властей. Однако, отмечал он, рабочий класс преодолевает дезорганизацию, вызванную войной и террором, и встает на путь сплочения для борьбы за социальное и национальной раскрепощение.

В своей первой книге Б. В. Синицын лишь прогнозировал неизбежность роста сопротивления рабочих Республики Корея бесправую и эксплуатации. Конкретное содержание, формы и масштабы рабочего движения, поднимавшегося в труднейшей обстановке, особенно после установления на Юге в 1961 г. военного режима, освещены им в нескольких последующих публикациях, в частности, в статьях «Южнокорейский пролетариат борется» (написана совместно с В. М. Мазуровым) и «Рабочее движение в Южной Корее» в сборниках «Положение рабочего класса и рабочее движение в странах Азии и Африки (1959–1961)» (М., 1962) и «Рабочее движение в странах Азии и Африки на современном этапе» (М., 1969).

Говоря о второй книге Б. В. Синицына — «Очерки экономики Южной Кореи (1953–1964)» — вновь справедливо будет назвать его первопроходцем. Эта его книга — первый в отечественном корееведении сводный труд об экономическом положении Республики Корея к середине 1960-х годов. В ней достаточно подробно анализируются процессы, происходившие в промышленности и сельском хозяйстве страны, выявлены степень и результаты воздействия на них зависимости южнокорейской экономики от иностранного капитала. На этот раз автор смог исследовать и такую важную проблему, как государственный капитализм и его экономические и политические функции, что ему не удалось из-за нехватки материала сделать в первой книге. В итоге он констатировал, что экономика Республики Корея все еще оставалась к тому времени отсталой, многоукладной, капитализм в ней не получил полного развития, чему препятствовал ряд факторов, в том числе ориентация на военно-политические интересы США.

Не обошел также вниманием Б. В. Синицын во второй книге положение и борьбу южнокорейского рабочего класса. В ходе его выступлений за свои права, указывал автор, наряду с экономическими начали выдвигаться и некоторые политические требования. Тяжелейший удар по рабочему движению нанесли военные власти, подавлявшие все акции протеста, препятствовавшие попыткам консолидации сил пролетариата. Но, как свидетельствуют приведенные в книге факты, несмотря ни на что, рабочее движение в Республике Корея стало

оживать уже с 1963 г., приобретая постепенно боевой, наступательный характер.

В жизни и борьбе рабочего класса Республики Корея, как и других стран, важную роль призваны играть профсоюзы. Длительное время профсоюзное движение здесь было затруднено, а военный режим после 1961 г. резко его ограничил. Действовали лишь официально разрешенные организации, созданные преимущественно с целью разобщения рабочего класса, удержания его под контролем властей и предпринимателей. Их деятельность и общая ситуация в южнокорейском профсоюзном движении конца 1950-х — середины 1960-х годов отражены Б. В. Синицыным в названных выше работах, а также в статье «Профсоюзы в Южной Корее» в сборнике «Профсоюзы Восточной Азии» (М., 1967). К сожалению, рабочее и профсоюзное движение последующего периода, вплоть до настоящего времени, не получило затем надлежащего освещения в отечественной литературе.

Как крупный специалист в своей области знания, Б. В. Синицын принял активное участие (в качестве автора и члена редколлегии) в подготовке обобщающих трудов 1960-х–1970-х годов, подводивших итоги предшествующих десятилетий и заложивших фундамент дальнейшего развития корееведения в СССР. Вместе с И. С. Казакевичем он опубликовал главу «Экономика Южной Кореи в тисках американской „помощи“» в коллективной монографии «Корея: Север и Юг» (М., 1965). Эта монография — предпринятый учеными Института востоковедения РАН опыт сопоставительного анализа пройденного пути и достижений КНДР и Республики Корея в первые 20 лет после освобождения Кореи. Предпочтение, конечно же, отдавалось КНДР, но для того имелось достаточно оснований: по многим параметрам (в том числе и в экономике) Юг тогда уступал Северу.

В том же авторском составе написан большой раздел об экономике Южной Кореи для справочного издания «Современная Корея» (М., 1971). В нем дана общая и отраслевая характеристика южнокорейской экономики с использованием обширного фактического материала, в значительной части впервые вводимого в научный оборот. Это, пожалуй, первая в нашем корееведении попытка представить читателям цельный, многоплановый, насыщенный разнообразными данными аналитический обзор экономического развития Республики Корея за четверть века после освобождения. Его авторам, насколько это

было тогда возможным, удалось соблюсти определенную степень объективности, сочетая критический подход к экономической политике южнокорейских властей с показом вытекавших из нее количественных и качественных изменений, преопределивших современные успехи экономики страны.

По проблемам, которыми он занимался, Б. В. Сеницын привлекался также к созданию в Институте востоковедения АН сводных трудов по всему Востоку. Выше уже упоминались изданные с его участием сборники статей о положении рабочего класса и рабочем движении в странах Азии и Африки. В числе первых начал Б. В. Сеницын исследование крупных финансово-промышленных объединений — *чэболей*, которым принадлежит определяющая роль в социально-экономическом развитии Республики Корея. Присущие им общие черты и национальная специфика, условия формирования и роста, взаимоотношения с государством и другие проблемы освещены в его статье «Южнокорейские *чэболи*» в сборнике «Крупный капитал и монополии стран Азии» (М., 1970). Наряду с монополиями-*чэболями*, господствовавшими в экономике Республики Корея, уделил он должное внимание и массовому городскому мелкому производству. Характеристика его сложного, неустойчивого положения дана в статье «Эволюция низших укладов в процессе трансформации социально-экономической структуры южнокорейских городов» в сборнике «Мелкое производство города в Азии и Африке» (М., 1974). Такого рода трудами Б. В. Сеницына и других авторов Республика Корея встраивалась в общую социально-экономическую картину мира.

Подобно многим специалистам по проблемам Кореи, Б. В. Сеницыну приходилось выполнять также работы «закрытого» плана. Они предназначались соответствующим высшим партийным и государственным органам и не подлежали широкой огласке. Их создание диктовалось, с одной стороны, желанием советского руководства иметь достоверную информацию о реальном положении дел на Корейском полуострове и в обеих его частях, а с другой — стремлением не допустить открытых расхождений во взглядах и оценках с официальными позициями КНДР, что было чревато осложнениями в наших и без того непростых взаимоотношениях. Как и все остальные, Б. В. Сеницын писал справки, аналитические записки, участвовал в «закрытых» совещаниях. В одном из выпусков издававшегося «для служебного пользования» Институту восто-

коведения АН «Специального бюллетеня» за 1969 г. опубликована подготовленная им в соавторстве с Г. В. Грязновым и И. С. Казакевичем большая работа «Сравнительная характеристика экономического развития Северной и Южной Кореи». Хотя в ней по-прежнему отдавалось предпочтение КНДР (еще раз напомним, что в социально-экономической сфере она тогда превосходила Республику Корея), авторы вместе с тем выявили ряд негативных моментов в ее развитии и показали некоторые количественные и качественные изменения к лучшему в южнокорейской экономике.

Сосредоточившись на углубленном изучении социально-экономического положения Республики Корея, Б. В. Синицын не сторонился и политической тематики. Интерес к ней особенно возрос у него (как и у большинства отечественных корееведов) в связи с приходом к власти на Юге в 1961 г. военных во главе с Пак Чон Хи и проведением ими жестокого авторитарного курса на всех направлениях жизни южнокорейского общества, включая, разумеется, и экономику. По этому поводу Б. В. Синицын неоднократно выступал в 1961–1965 гг. со статьями в журнале «Азия и Африка сегодня». В соавторстве с В. М. Мазуровым он опубликовал в 1963 г. книгу «Южная Корея. Драматическое перепутье», излагавшую историю этой части страны (преимущественно ее социально-экономический аспект) до и в первое время после военного переворота 1961 г. Случившееся тогда на Юге авторы расценили как замену одной диктатуры (Ли Сын Мана) другой (Пак Чон Хи), установление господств реакционной военщины, служившей интересам США и южнокорейской крупной буржуазии. Результаты отрицательно, по их мнению, сказались на большей части населения, прежде всего на трудящихся, повлекли за собой резкое ухудшение отношений между Севером и Югом, несколько оживившихся после свержения в 1960 г. Ли Сын Мана. Ограничение режимом Пак Чон Хи демократических свобод в Республике Корея, подавление инакомыслия, естественное для переходного периода осложнение социально-экономической ситуации в стране давали достаточно оснований для весьма критических оценок.

Б. В. Синицын принял также участие в написании крупнейшего в отечественном корееведении обобщающего труда — двухтомной «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)» (М., 1974). В главах второго тома, посвященных истории Южной Кореи после 1945 г., ему принадлежит раздел «Эконо-

мическая и социально-политическая политика американской военной администрации», а в главе об экономике Республики Корея 1960–1970 гг., — разделы «Социально-экономическая обстановка в стране» и «Государственный капитализм».

Из сказанного выше видно, что основные свои усилия Б. В. Сеницын многие годы прилагал к изучению проблем экономики и политики Южной Кореи. Но и к тому, что происходило севернее разделившей Корейский полуостров 38-й параллели, он всегда тоже относился с большим интересом. Достигнутые там успехи в общественно-политическом, социально-экономическом и культурном строительстве показаны им на страницах журнала «Новое время» в 1973 и 1975 гг. В серии «У политической карты мира», издававшейся обществом «Знание», вышла в 1985 г. брошюра Б. В. Сеницына «Корейская Народно-Демократическая Республика», содержащая важнейшие сведения по истории и географии Кореи, рассказывавшая об основных этапах развития КНДР, о ее внутренней и внешней политике. Понятно, что все это излагалось исключительно в позитивном плане, как тогда было принято.

С начала 1970-х годов Б. В. Сеницын — сотрудник отдела общетеоретических проблем социально-политического развития стран Востока ИВ РАН. Этим отделом поочередно руководили крупнейшие ученые и организаторы науки Г. Ф. Ким, Н. А. Симония, Р. Г. Ланда. Вместе с Б. В. Сеницыным здесь трудились такие видные востоковеды, как А. И. Левковский, Л. И. Рейснер, В. Г. Растяников, Ю. Г. Александров и др. Общение с ними, участие в коллективных исследованиях и изданиях, в проводимых отделом научных мероприятиях, посвященных ситуации на Востоке в целом, общим и специфическим чертам развития региона и отдельных стран в социально-экономической и политико-идеологической сферах, безусловно, значительно расширили кругозор Б. В. Сеницына, обогатили его творческий потенциал.

О том, чем занимался Б. В. Сеницын в отделе общетеоретических проблем социально-политического развития стран Востока, можно судить по перечню тем, в разработке которых он принимал непосредственное участие: местное развитое частно-капиталистическое предпринимательство, материальная база государственного сектора, экономическая политика государства в отношении неимущих и имущих слоев города, крупный капитал и национальные монополии, роль иностранного капитала

в становлении правящих режимов в некоторых странах Востока. Все это — узловые проблемы развития капитализма на современном Востоке, изучение которых в теоретическом и практическом аспектах углубляло понимание того, что происходило в Республике Корея. В своих работах по этим проблемам Б. В. Сеницын, как правило, в той или иной мере привлекал конкретный южнокорейский материал.

Вернувшись в отдел Кореи и Монголии в 1992 г., Б. В. Сеницын вновь целиком сосредоточился на исследовании социально-экономического положения Республики Корея. Незадолго перед тем наша страна установила с Республикой Корея дипломатические отношения, начала разворачивать разностороннее, прежде всего экономическое, сотрудничество с ней. Совершенный к тому времени Республикой Кореей прорыв в экономическом развитии (в частности, вхождение ее в ряды 12 крупнейших экспортеров мира), изменившийся в России политико-идеологический климат, вызванный ее переводом на путь, сходный с южнокорейским, расширившийся приток объективной информации позволили российским ученым отойти от некоторых устаревших стереотипов, взглянуть по-новому на изучавшиеся ранее проблемы.

В 1996 г. Институт востоковедения РАН издал сборник статей «Республика Корея: опыт модернизации». Один из побудительных мотивов к тому — существовавший тогда в России повышенный интерес (впоследствии он постепенно уменьшился) к тем факторам, которые обеспечили ускоренный социально-экономический прогресс этой страны. Считалось (не очень обоснованно), что ее опыт поможет политическим силам, пришедшим к власти в России в начале 1990 гг., скорее и эффективнее «передвинуть» свою страну из социализма в капитализм. В упомянутом сборнике Б. В. Сеницын поместил большую статью «Стратегия социально-экономической модернизации Республики Корея (1960–1980-е годы)». К концу рассматриваемого периода, констатировал он в ней, Республика Корея по всем главным показателям была в числе лидеров среди быстрорастущих «новых индустриальных стран» Азии. Анализируя проводимый республикой курс, приведший к такому результату, автор выявил внешние и внутренние условия, способствовавшие или, наоборот, препятствовавшие этому курсу, охарактеризовал основные этапы его реализации и присущие каждому из них модели социально-экономического развития. Он также дал свое толкование идеи «глобализа-

ции», которая уже тогда выдвигалась в Республике Корея как стратегическая цель всесторонней ее модернизации.

В 1997 г. Республика Корея, как известно, пережила тяжелый финансово-экономический кризис, осложнивший и даже до некоторой степени затормозивший на время ее прогресс по всем направлениям. Такой срыв, для многих неожиданный, привлек к себе внимание ученых разных стран, включая российских. Б. В. Сеницын опубликовал две статьи по этому поводу, в которых исследовал причины кризиса, пути выхода из него, возможные последствия для экономики Республики Корея. Изучение послекризисной ситуации в стране дало ему основание предполагать, что преодоление негативного воздействия кризиса на ее экономику будет трудным и затяжным.

Предмет постоянных дискуссий в российском и мировом корееведении — перспективы национального воссоединения Кореи. Наряду с другими учеными деятельное участие в них принимал и Б. В. Сеницын. В декабре 1996 г., например, он выступил с докладом «О проблемах экономических предпосылок объединения Кореи» на конференции по этой проблеме в Институте Дальнего Востока РАН. Углубление экономического сотрудничества между Севером и Югом, утверждал он в докладе, невозможно без политических решений, нацеленных на устранение военных угроз, преодоление взаимного недоверия. С поразительной прозорливостью Б. В. Сеницын предположил, что принятие таких решений произойдет «не раньше 2000 г.». Напомним, что действительно в июне 2000 г. состоялась историческая встреча лидеров Севера и Юга в Пхеньяне, повлекшая за собой принципиальной важности сдвиги в межкорейских отношениях. В том же докладе Б. В. Сеницын высказал прогноз, что объединительные тенденции в Корее обретут реальные очертания в середине первого десятилетия XXI века.

В сентябре 1997 г. Б. В. Сеницын сделал доклад «Перспективы взаимоотношений России и Кореи» на конференции «Россия и Корея в меняющемся мире», проведенной Московским общественным научным фондом. В нем он подверг критике корейскую политику России начала 1990-х годов, не отвечающую ее собственным интересам в данном регионе. Доклад содержит аргументированные размышления об экономических факторах сближения, возможной интеграции Северной и Южной Кореи и связанной с этим процессом позиции России.

После установления дипломатических отношений России с Республикой Корея и возникновения двусторонних научных контактов перед российскими корееведами всталла задача ознакомить южнокорейских коллег с основными направлениями и конкретными результатами развития в нашей стране науки о Корее. Вместе с другими учеными Института востоковедения РАН в ее осуществление включился и Б. В. Синицын. В опубликованном на корейском языке в Республике Корея сборнике статей «Корееведение в СССР» (Пусан, 1994) и коллективной монографии «Изучение Кореи в России» (Сеул, 1999) он обстоятельно рассказал об изучении у нас проблем социально-экономического развития Республики Корея.

С середины 1990-х годов Б. В. Синицын приступил к разработке темы: «Внешнеэкономические связи Республики Корея». Намечалось фундаментальное исследование широкого круга проблем, определяющих место Республики Корея в современной мировой экономике. К великому огорчению, этой важной работе не суждено было состояться...

В отличие от некоторых его коллег, Б. В. Синицыну больше повезло с зарубежными поездками. В разные годы и с разными целями (научные командировки, участие в научных конференциях, чтение лекций и т. д.) он посетил КНДР (трижды), КНР, Японию, Венгрию, Польшу, Чехословакию. Не был он лишь в Республике Корея, изучению и распространению знаний о которой в России отдана практически вся его научная жизнь. Впрочем, в этом отношении он не одинок: в Республике Корея не довелось побывать И. С. Казакевичу и В. М. Мазурову, также видным специалистам по этой стране. Досадно, что из-за каких-то мелких бюрократических зацепок они не смогли своими глазами увидеть изучаемую страну, чтобы лучше понять ее и рассказать о ней российским читателям.

За сорок с лишним лет научной деятельности Б. В. Синицын внес существенный вклад в отечественное корееведение: 3 книги (одна в соавторстве), брошюра, десятки статей и глав в коллективных монографиях. В той или иной мере в них освещен весь путь экономического строительства в Республике Корея после 1945 г., со всеми его трудностями, противоречиями и успехами. Конечно же, как и у других авторов, не все взгляды и оценки прошли проверку временем. И это понятно, учитывая, что политическая и экономическая обстановка на Юге в 1950–1970-е годы, которой в большинстве своем посвящены работы Б. В. Синицына, давала немало оснований для мрачных

суждений и прогнозов. Не следует также сбрасывать со счетов длительный информационный «голод», цензурные ограничения и пр., о чем говорилось ранее. А также то, что сложнейшие проблемы только начинали разрабатываться. Тем не менее Б. В. Сеницыну удалось сделать многое для создания, насколько это было возможно, объективной и содержательной социально-экономической истории Республики Корея. Неслучайно к его трудам часто обращаются современные исследователи.

Среди коллег по Институту востоковедения АН, в других научных центрах Б. В. Сеницын был весьма авторитетен. Его книги и статьи получали, как правило, положительные отклики в нашей стране и за рубежом. К нему нередко обращались за советами и консультациями, привлекали к участию в различных научных мероприятиях, связанных с Кореей. Выше названы только два таких мероприятия, но их было больше. Научные заслуги Б. В. Сеницына неоднократно отмечались премиями и благодарностями дирекции Института, почетными грамотами общественных организаций. В 1990 г. он был награжден медалью «Ветеран труда».

Научную деятельность Б. В. Сеницын постоянно сочетал с активной общественной работой. В школе, университете, институте его часто избирали в руководство разных существовавших там общественных органов. Б. В. Сеницын являлся одним из самых деятельных членов лекторской группы ИВ АН, с лекциями о международном положении объехал всю нашу страну, выступал и за рубежом по путевкам общества «Знание». Многие годы входил в состав институтской народной дружины по охране общественного порядка. Всякий раз, когда научную молодежь, по обычаям прежнего времени, призывали помогать на стройках, в колхозе, на овощехранилищах Москвы, Б. В. Сеницын никогда не чурался этой работы и трудился на совесть. Увлекался футболом, спортивной гимнастикой, другими видами спорта.

Все, кому довелось трудиться вместе с Б. В. Сеницыным или просто общаться с ним, обычно относились к нему с большим уважением. Его ценили за честность, принципиальность, доброжелательность к людям, самостоятельность в суждениях и поступках. У него было много хороших друзей, причем не только в нашей стране. Как и все остальные, о ком рассказано в этом сборнике, Б. В. Сеницын не был «ангелом во плоти», имел своеобразный, непростой характер, но над какими-то мелкими недочетами, человеческими слабостями, без которых

не обходится жизнь, всегда у него довели порядочность, стремление к справедливости, преданность своему делу и тем, вместе с кем он этому делу служил.

Принадлежа к поколению ученых, которому выпало на долю возрождать во второй половине XX в. отечественное корееведение и закладывать фундамент его дальнейшего развития, Б. В. Синицын занимал в нем собственное, вполне достойное место, первым у нас приступив к разработке ряда сложнейших проблем, определяющих и сегодня социально-экономический прогресс Республики Корея. Его труды получили признание при жизни автора, надо надеяться их также оценят и в будущем.

Ю. В. Ванин

Основные труды Б. В. Синицына

1. Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи.— Южная Корея. Политическое и экономическое положение (1945–1958 гг.). М., 1959. (В соавторстве с Г. Ф. Кимом и Г. В. Грязновым).
2. Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи (1945–1959 гг.). М., 1961.
3. Новый договор — новое бремя.— Азия и Африка сегодня. 1961, № 6.
4. Генеральская клика у власти.— Азия и Африка сегодня. 1961, № 7.
5. Южнокорейский пролетариат борется.— Положение рабочего класса и рабочее движение в странах Азии и Африки (1959–1961). М., 1962.
6. Южная Корея: год военной диктатуры.— Азия и Африка сегодня. 1962, № 4. (В соавторстве с В. М. Мазуровым).
7. Южная Корея: хунта остается у власти.— Азия и Африка сегодня. 1963, № 5. (В соавторстве с В. М. Мазуровым).
8. Южная Корея: драматическое перепутье.— М., 1963. (В соавторстве с В. М. Мазуровым).
9. Экспансия США в Южной Кореи.— Политика США в странах Дальнего Востока. М., 1964. (В соавторстве с И. С. Казакевичем).
10. Рабочий класс Южной Кореи.— Положение рабочего класса в странах Азии и Африки. М., 1964.
11. Покровители сеульского режима.— Азия и Африка сегодня. 1964, № 9.
12. На службе у крупной буржуазии.— Азия и Африка сегодня. 1965, № 3.
13. Экономика Южной Кореи в тисках американской «помощи».— Корея: Север и Юг. М., 1965. (В соавторстве с И. С. Казакевичем).

14. Профсоюзы южной Кореи.— Профсоюзы стран Восточной Азии. М., 1967.
15. Очерки экономики Южной Кореи (1953–1964). М., 1967.
16. Рабочее движение в Южной Корее.— Рабочее движение в странах Азии и северной Африки на современном этапе. М., 1969.
17. Южнокорейские чэболи.— Крупный капитал и монополии стран Азии. М., 1970.
18. Экономика Южной Кореи.— Современная Корея. Справочное издание. М., 1971. (В соавторстве с И. С. Казакевичем).
19. Социально-экономическая обстановка в стране.— История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 2. М., 1974.
20. Экономическая и социальная политика американской военной администрации.— Там же.
21. Государственный капитал.— Там же.
22. Эволюция низших укладов в процессе трансформации социально-экономической структуры южнокорейских городов.— Мелкое производство города в Азии и Африке. М., 1974.
23. Местное развитое частнокапиталистическое предпринимательство.— Зарубежный Восток и современность. Т. 1. М., 1974 (Второе издание — 1980). (В соавторстве с А. И. Левковским).
24. Роль иностранного капитала в становлении проимпериалистических режимов: Южная Корея, Тайвань, Южный Вьетнам.— Иностранный капитал и иностранное предпринимательство в странах Азии. М., 1977.
25. Южная Корея.— Зарубежная Азия. М., 1977.
26. Юго-Восточная Азия: пути национального возрождения. М., 1978.
27. Материальная база государственного сектора.— Государственный капитализм и социальная эволюция стран зарубежного Востока. М., 1980. (В соавторстве с А. И. Петровым).
28. Корейская Народно-Демократическая республика. М., 1985.
29. Экономическая политика государства в отношении низших городских слоев.— Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока. М., 1986.
30. Крупный капитал и национальные монополии.— Имущие слои города и социальная эволюция стран Востока. М., 1988.
31. Политика государства в отношении имущих слоев города.— Там же.
32. Стратегия социально-экономической модернизации Республики Корея (1960–1980-е годы).— Республика Корея: опыт модернизации. М., 1996.
33. Корейская война: истоки, последствия, уроки.— Вера и жизнь. 1996, № 4.

34. О проблемах экономических предпосылок объединения Кореи.— Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. Ч. II. М., 1997.
35. Перспективы взаимоотношений России и Кореи.— Россия и Корея в меняющемся мире. М., 1997.
36. Финансовый кризис в Республике Корея и его последствия.— Корея. Сб. статей. К 80-летию со дня рождения профессора М. Н. Пака. М., 1998.
37. Финансово-экономический кризис в Республике Корея.— Корея на рубеже веков. М., 2002.
38. Изучение советскими учеными экономики Южной Кореи.— Корееведение в СССР. Пусан, 1994 (на кор. яз.).
39. Работы российских ученых по экономике Южной Кореи.— Изучение Кореи в России. Сеул, 1999 (на кор. яз.).

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ СКОРБАТЮК

(1935–1997)

Иван Дмитриевич Скорбатюк родился 15 января 1935 г. в с. Мерва Гороховского района Волынской области на Украине. В 1954–1957 гг. служил в Вооруженных Силах СССР. В 1958 г. окончил педагогическое училище в г. Дубно Ровенской области. В 1959 г. поступил в Институт восточных языков (ИСАА) при МГУ. Еще будучи студентом, начал работу переводчиком в торгпредстве СССР в КНДР. После окончания вуза с 1969 по 1971 г. работал референтом в Министерстве внешней торговли СССР. С 1975 по 1980 г. — младший научный сотрудник отдела Кореи, Монголии и Вьетнама Института востоковедения АН СССР. Последующие десять лет преподавал корейский язык в Военном институте иностранных языков МО СССР. В 1990 г. уехал на работу в КНДР в качестве представителя Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. По возвращении из командировки работал переводчиком. С 1994 г. и до конца своих дней — старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

* * *

Киев. Лето 1959 года. Идут вступительные экзамены в Киевском государственном университете им. Т. Г. Шевченко — самом престижном вузе Украины. Среди сотен абитуриентов, соревнующихся за место студента на романо-германском факультете, выделяется молодой человек, привлекающий к себе внимание веселым юмором и неиссякаемым оптимизмом. Кажется, он настолько уверен в своих знаниях, что вступительные экзамены для него — всего лишь формальность, которую нужно соблюсти, чтобы стать студентом. А еще абитуриентов

удивляло то, что этот молодой человек говорит по-украински. Их удивление можно понять, если учесть, что в то время украинский язык, мягко говоря, не пользовался особой популярностью даже среди украинцев, многие из которых стеснялись говорить по-украински, чтобы не прослыть «деревенщиной». А тут абитуриент романо-германского факультета говорит по-украински, да так, что просто заслушаешься...

Москва. Лето 1970 года. Здесь, как и в других городах Советского Союза, проходили мероприятия, посвященные 30-летию освобождения Кореи Советской Армией от японского колониального господства. На одном из вечеров советско-корейской дружбы я встретил украинца, который свободно разговаривал по-корейски с одним из приглашенных корейских гостей. Им оказался тот самый веселый оптимист — абитуриент романо-германского факультета. В это время он был референтом по Корее в Министерстве внешней торговли СССР. Мы разговорились, вспомнили Киев, поступление в университет. Выяснилось, что он и еще несколько юношей, успешно выдержавших конкурс, но которым не нашлось места на романо-германском факультете, были приглашены в Министерство высшего и среднего специального образования УССР, где им предложили поехать в Москву и Ленинград для изучения восточных языков с тем, чтобы в дальнейшем у Украины были свои национальные кадры востоковедов (в то время на Украине не было ни одного востоковедческого вуза). Так и получилось, что волею судьбы в лице Министерства образования Украина потеряла возможного германиста (Иван Дмитриевич поступал на немецкое отделение) и не приобрела уже реального талантливую корееведа. Поскольку ни один из направленных в Россию украинских студентов не был востребован Украиной для работы по специальности востоковеда.

И. Д. Скорбатюк был зачислен на корейское отделение Института восточных языков (ИСАА) при МГУ в 1959 г. Всем преподавателям он запомнился как очень прилежный студент, много работавший, несмотря на свои несомненные лингвистические способности. Трудолюбие и способности позволили студенту с Украины в короткие сроки прилично освоить корейский язык. И направление его еще в студенческие годы на работу в качестве переводчика в Торгпредство СССР в КНДР говорит само за себя. Работая в Пхеньяне, выезжая в другие районы КНДР, он использовал любую возможность для совершенствования разговорного языка, собирал материалы для

кандидатской диссертации, которую успешно защитил в Институте востоковедения АН СССР в 1975 г.

В диссертации И. Д. Скорбатьюка прослеживаются тенденции развития лексики корейского литературного языка. Анализируя материалы сознательного регулирования лексики в КНДР, автор пришел к выводу, что в этой работе учитываются внутриязыковые тенденции и закономерности, то есть она обусловлена объективными причинами. Исследования И. Д. Скорбатьюка основываются главным образом на развитии лексики корейского языка в КНДР. Тем не менее объективность причин, вызывающих необходимость упорядочения лексики в КНДР, позволила автору сделать предположение о том, что подобные тенденции должны иметь место и на юге Кореи. Последующие изыскания подтвердили этот вывод. Действительно, работа по сознательному внесению изменений в лексику корейского языка идет и в Республике Корея, она проводится, как правило, частными лицами параллельно с официальной языковой политикой, направленной «на сохранение национальных традиций в языке и письменности».

Диссертационное исследование И. Д. Скорбатьюка в области упорядочения лексики корейского языка, а также его статьи по этой теме, как например, «Новая лексика в современном корейском языке». «Либерализация литературного языка в КНДР». «Различия в языке КНДР и Южной Кореи» и ряд других — это в совокупности фундаментальный труд, в котором не только обобщаются тенденции современного корейского языка, но и дается прогноз его развития в будущем.

Важно отметить, что своими изысканиями И. Д. Скорбатьюк убедительно доказывает, что, несмотря на имеющиеся некоторые различия в корейском языке на Севере и Юге Корейского полуострова, вызванные расчленением страны и более чем полувековым противостоянием двух общественно-политических систем, это единый язык всей корейской нации. Это мнение весьма компетентного человека, волею судьбы связавшего свою жизнь с Кореей, ее народом и хорошо знающего корейские проблемы. Для него реальный факт — превыше всего, и в своей жизни он никогда не отходил от этого принципа. Конъюнктура, приносящая сиюминутные дивиденды, абсолютно чужда ему. Он был честным и беспристрастным исследователем. И, думается, его мнение, мнение других советских и российских корееведов о необходимости признания реально существующего на юге Корейского полуострова государства

сыграло далеко не последнюю роль в деле признания Советским Союзом Республики Корея и установления с нею полномасштабных дипломатических отношений.

Последние годы И. Д. Скорбатьюк работал в Центре корейских исследований Института Дальнего Востока, занимаясь проблемами социолингвистики и влияния языка на культуру и политику, разрабатывая, в частности, тему воздействия на них языковых и этно-культурных различий на юге и севере Кореи, что имеет большое практическое значение для понимания нынешних политических реальностей, сложившихся вследствие продолжающегося раздела страны и раскола корейской нации. По этой теме им был опубликован ряд статей, сделаны доклады на научных конференциях, проводившихся как в России, так и за рубежом. Это статья «Языковые проблемы расчленения Кореи», а также научные доклады «Реальности российского Дальнего Востока» (Сеул, апрель 1996 г.), «Корейский язык и проблемы воссоединения Кореи» (Париж, июль 1996 г.), «Проблемы корейской нации и национальной культуры» (Москва, декабрь 1996 г.) и ряд других.

Много нового, порой неожиданного, содержит, например, его статья по проблеме воссоединения Кореи «О воззрениях корейцев на объединение», опубликованная уже после смерти автора в журнале «Проблемы Дальнего Востока» (1998, № 2). Хотелось бы привести небольшой фрагмент из нее, содержащий прогноз относительно предложения президентов США и Республики Корея провести «четырёхсторонние переговоры» (США, КНР, РК и КНДР), сделанного во время их встречи в апреле 1996 г. на острове Чеджудо. «Но при этом,— пишет автор статьи,— президенты по какой-то причине не учли, что в странах Востока и в том числе в Корее существует обычай, согласно которому при составлении каких-либо планов на будущее следует избегать всех возможных сопричастий к числу «4», которое при чтении созвучно со словом «смерть» и, по поверьям, приносит одно несчастье». И делает заключение, что эти переговоры изначально обречены на провал. Так оно действительно и случилось. «Прямо мистика какая-то!» — воскликнул бы иной читатель и был бы прав, если бы автор статьи делал «предсказания», а не основывался в своих выводах на глубоком знании корейской психологии и вековых традиций корейского народа.

Талантливый и разносторонний ученый, И. Д. Скорбатьюк в своей научной деятельности много внимания уделял не только разработке конкретных явлений корейского языка, но и уста-

новлению общих закономерностей в различных языках. Впервые в языкознании им была установлена соотнесенность фонетической формы слова в различных языках и его значения. Он разработал междисциплинарный подход к установлению взаимосвязи между распределением лексических слоев в конкретных языках с фонетическими инициалами.

И. Д. Скорбатьюк любил музыку. Сам неплохо играл. Возможно, увлечение музыкой и натолкнуло его на мысль заняться изучением взаимосвязей языка и «искусства муз», как исследователь широко определял значение слова «музыка». Не будучи профессиональным музыкантом, он в своих изысканиях в этой области обращался к специалистам. В частности, установленное им общее правило распределения лексических слоев в различных языках в соотнесенности с музыкальным строем и фонетикой получило высокую оценку известного композитора А. Рыбникова. Автор музыки знаменитой «Юноны и Авось» сказал, что это облегчило бы овладение музыкальной грамотой и принципами музыкальной композиции. К сожалению, у Ивана Дмитриевича нет публикаций об этом. Имеются лишь рукописные наброски, из которых видно, что автор чувствовал и был убежден в объективной закономерности связей языка и музыки. А далее — музыки и цвета. Сохранилось также большое количество его графических построений по названной выше теме. Но все, что сохранилось, требует расшифровки и дальнейшего изучения специалистами. Возможно, в этой области Иван Дмитриевич Скорбатьюк стоял на пороге новых открытий.

Выше рассказано об участии И. Д. Скорбатьюка в разработке проблем корейского языка. Это было главным в его научной деятельности. Главным, но не единственным. Круг его научных интересов был гораздо шире и включал в себя многие другие аспекты духовной культуры Кореи, о чем можно судить по некоторым опубликованным работам (отнюдь не все, чем занимался И. Д. Скорбатьюк в корееведении, по разным причинам получало выход в печать).

В 1981 г. Институт востоковедения АН выпустил справочник «Южная Корея» в двух частях. Издание предназначалось «для служебного пользования», не для массового читателя, поскольку СССР тогда не признавал Республику Корея и в информации о ней действовали у нас разного рода ограничения. Тем не менее, справочником довелось пользоваться ученым, практическим работникам, дававшим о нем положительные

отзывы. И. Д. Скорбатьюку принадлежала в нем большая глава «Культура», содержавшая разделы «Просвещение», «Наука», «Средства массовой информации», «Литература», «Кино и театр», «Изобразительное искусство». Написанные сжато, как принято в справочниках, они давали читателям доступный для того времени объем конкретных сведений по каждой теме, которые, вместе взятые, создавали определенное представление об уровне культуры в Республике Корея.

Для справочника «Южная Корея» И. Д. Скорбатьюк написал еще одну небольшую главу «Религия». В ней вкратце охарактеризована ситуация в многоконфессиональном южнокорейском обществе, какой она сложилась к концу 1970-х годов, политика властей в вопросах религии. Писал он (в материалах «закрытого» плана) и о религиозной ситуации в КНДР. История и современное состояние религии в Корее и впоследствии привлекали внимание И. Д. Скорбатьюка. Об этом, в частности, свидетельствует его статья «Буддизм в Корее» («Азия и Африка сегодня». 1985, № 7).

В сферу научных интересов И. Д. Скорбатьюка входили также история формирования и тенденции развития просвещения и высшего образования в Республике Корея. Не ограничиваясь тем, что было сделано в упомянутом выше справочнике, он приступил затем к подготовке большой работы по этой теме, сосредоточившись преимущественно на анализе системы высшего образования. Ее рассмотрение предполагалось сочетать с обстоятельным показом студенческого движения, занимавшего всегда видное место в общественно-политической жизни Республики Корея. И. Д. Скорбатьюк написал уже несколько глав. Но по каким-то причинам начатая им важная и актуальная работа не была завершена.

Чем бы И. Д. Скорбатьюк не занимался, все он делал увлеченно, с энтузиазмом, не жалея ни сил, ни времени. И здесь хотелось бы остановиться на его педагогической деятельности в Военном институте иностранных языков МО СССР. Творческий, нестандартный подход к преподаванию, прирожденный преподавательский дар, полный контакт с аудиторией, создание непринужденной обстановки на занятиях, отличное понимание строя корейского языка и свободное владение им на практике — все это не только давало курсантам уникальную возможность постичь все премудрости этого языка, но и создавало вузу славу учебного заведения, где обучение корееведов стоит на самом высоком уровне.

Выпускники-корееведы ВИИЯ МО России всегда востребованы и на практике демонстрируют отличную языковую подготовку. Достаточно назвать таких учеников И. Д. Скорбатьюка, как А. В. Кулик, О. А. Коцеев, С. Р. Клименец, С. А. Летун и многие другие. С некоторыми из них мне приходилось встречаться, и я мог лично убедиться в профессиональных достоинствах этих специалистов, услышать от них добрые слова в адрес своего учителя. С. А. Летун, например, отмечает не только высочайший профессионализм И. Д. Скорбатьюка, владевшего как теорией корейского языка, так и разговорным корейским, что не так уж часто встречается среди отечественных корееведов, но и его обаяние как человека, умевшего по-настоящему заинтересовать своих учеников, увлечь их. Поражали свободное цитирование учителем выдержек из оригинальной корейской художественной литературы для иллюстрации того или иного грамматического явления, его широкая эрудиция во многих областях корееведения. Глубокое знание Кореи, культуры и быта корейского народа в мельчайших подробностях позволяло И. Д. Скорбатьюку на практических занятиях корейским языком активно привлекать и экстралингвистический фактор, без чего овладение любым языком не может быть полноценным.

Ученики Ивана Дмитриевича с теплотой отзываются о таких человеческих качествах своего учителя, как доброта, бескорыстие, гостеприимство, готовность поддержать их не только морально, но и материально. Самые яркие впечатления оставили у курсантов посещения гостеприимного дома своего учителя, где они могли на какое-то время расслабиться, отвлечься от казенной обстановки военного вуза, почувствовать тепло родного дома, где можно было не только отдохнуть от повседневных забот, но и почувствовать «корейский дух». Вкушая приготовленные самим хозяином дома различные корейские блюда, послушать корейскую музыку, да и просто поделиться своими проблемами, будучи уверенными, что доверенное ему не пойдет дальше этого дома. В лице Ивана Дмитриевича его ученики видели настоящего учителя, продолжавшего и приумножавшего лучшие традиции русской демократической школы.

Выше уже неоднократно отмечались такие качества Ивана Дмитриевича, как доброта и бескорыстие, увлеченное служение своему предназначению. И это проявлялось во всем: в научной деятельности, в преподавании, в простом человеческом

общении. После встреч и бесед с Иваном Дмитриевичем оставалось ощущение, что все не так уж плохо в этом мире. Собеседник получал от него какой-то позитивный заряд, дававший силы, прибавлявший оптимизма и желания жить и работать так, чтобы человек не утрачивал свое достоинство и сам творил добро.

Хотелось бы привести в этой связи такой случай. В начале 1980-х годов я работал ответственным секретарем Общества советско-корейской дружбы. Только что было создано Верхнебурейское отделение Общества в Хабаровском крае, где по межгосударственному соглашению трудились на лесоразработках граждане КНДР. Для осуществления более тесных контактов с ними у местных работников возникла острая необходимость в создании русско-корейского разговорника. Я обратился с такой просьбой к Ивану Дмитриевичу, который, не будучи формально членом нашего Общества, с готовностью взялся за эту работу и выполнил ее в максимально короткие сроки, отказавшись от какого-либо материального вознаграждения. В этом — весь И. Д. Скорбатьюк. Делать добро было для него внутренней необходимостью. Суетное, материальное, быт — все это уходило от него куда-то на задний план. Он отдавал всего себя любимому и интересному делу. И к этому с пониманием относилась его супруга Татьяна Павловна, создававшая своему супругу все условия для творчества. У меня сложилось впечатление, что у И. Д. Скорбатьюка была идеальная семья, где царили гармония, взаимное уважение и терпимое отношение друг к другу. У Ивана Дмитриевича остались два сына: старший, Юрий, окончил технический вуз и в настоящее время работает в одной из коммерческих фирм; младший, Сергей, пошел по стопам отца — окончил корейское отделение ИСАА при МГУ, в своей работе пользуется корейским языком.

Прошли годы с той поры, как Иван Дмитриевич Скорбатьюк покинул этот мир. Но он по-прежнему живет среди нас и будет жить, пока жива память о нем. Он остается в памяти своих родных и близких как добрый муж и заботливый отец, в памяти наших корееведов — как талантливый и разносторонний ученый, блестящий переводчик и обаятельный человек. Он будет жить в памяти всех тех, кому посчастливилось работать с ним и просто общаться. Об Иване Дмитриевиче будут напоминать потомкам оставленные им многочисленные труды и добрые дела.

В. В. Мокляк

Основные труды И. Д. Скорбатюка

1. Упорядочение лексики корейского языка.— Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников Института востоковедения АН СССР. Тезисы докладов. М., 1970.
2. О некоторых тенденциях словотворчества в современном корейском языке.— Народы Азии и Африки. 1974, № 2.
3. Тенденции развития лексики корейского языка.— Канд. дис. М., ИВ АН СССР, 1975.
4. Новая лексика в современном корейском языке.— Текстология и грамматика восточных языков. М., 1975.
5. Либерализация литературного языка в КНДР.— Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.
6. Теоретическая фонетика корейского языка (курс лекций). М., ВИИЯ МО, 1980.
7. Стилистика корейского языка (курс лекций). М., ВИИЯ МО, 1980.
8. Культура Южной Кореи.— Южная Корея. Справочник. М., 1981.
9. Религия в Южной Корее.— Там же.
10. Различия в языке КНДР и Южной Кореи.— Развитие языков в странах зарубежного Востока. М., 1983.
11. Буддизм в Корее.— Азия и Африка сегодня. 1985, № 7.
12. Языковые проблемы расчлененной Кореи.— Актуальные проблемы Корейского полуострова. М., 1996.
13. Реальности российского Дальнего Востока.— Научные доклады Российско-корейской конференции. Сеул, 1996 (на кор.яз).
14. Корейский язык и проблемы воссоединения.— Материалы международной конференции по корейскому языку и культуре. Париж, 1996 (на кор. яз).
15. К вопросу о происхождении корейского письма.— Вера и жизнь. 1996, № 5.
16. Проблемы корейской нации и национальной культуры.— Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. Ч. II. М., 1997.
17. О воззрениях корейцев на объединение.— Проблемы Дальнего Востока. 1998, № 2.

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ТИХОМИРОВ

(1929–1989)

Владимир Дмитриевич Тихомиров родился 7 июня 1929 г. в Москве. Его отец, Дмитрий Федорович, был военным летчиком-испытателем, завершил службу полковником авиации. В связи с переводом отца по службе значительная часть школьных лет В. Д. Тихомирова прошла в Иркутске (1937–1940 гг., 1941–1944 гг.). Однако закончил он среднюю школу в Москве в 1947 г. и сразу же поступил в Московский институт востоковедения. Завершив в 1952 г. с красным дипломом курс обучения в Институте, он начал трудовую деятельность цензором в Главлите, откуда, проработав всего 4 месяца, перешел в конце того же года в Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Здесь в должности переводчика и старшего переводчика преподавания он проработал более 7 лет. Можно сказать, что в стенах ВПИШ началась его профессиональная корееведческая стезя, которой он, пребывая в различных ипостасях, оставался верен до последних дней своей жизни. Его подопечными здесь были руководители и функционеры различных уровней государственно-партийного аппарата, идеологических, хозяйственных и военных структур КНДР. Ежедневное общение с ними предоставило молодому корееведу широкие возможности для расширения страноведческого кругозора. А главное — для языковой практики. Работа над переводами лекционных курсов и практических занятий заложила прочный языковедческий фундамент, основу того обширного словарного запаса, который всегда приятно удивлял коллег корееведов.

Хорошее знание корейского языка стало, по словам самого Владимира Дмитриевича, не последней причиной, по которой на него обратили внимание в аппарате ЦК КПСС. В 1958 г. он

был направлен на работу в Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, где проработал 8 лет в качестве младшего референта, референта и помощника заведующего Отделом ЦК КПСС. Курируя в отделе проблемы взаимоотношений между СССР и КНДР, КПСС и Трудовой партией Кореи, ситуации на Корейском полуострове в целом, В. Д. Тихомиров не только оказался в гуще практически всех событий в сфере наших двусторонних отношений, но и был в немалой степени причастен к разработке многих шагов советского руководства на корейском направлении. В этой связи достаточно упомянуть, что он принимал участие в подготовке и осуществлении такого знакового события, как подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР в июле 1961 г.

Важно при этом подчеркнуть, что такая работа предоставила В. Д. Тихомирову уникальную возможность узнать изнутри «кухню» реальных, неприукрашенных «братских» связей между КПСС и ТПК и их руководством. Ведь, как известно, в советский период достоянием общественности, в том числе и научной, были лишь официальные заявления о нерушимой дружбе и классовой солидарности между двумя союзниками. И лишь немногие знали о нарастании идеологических трений и противоречий, взаимных обид и претензий как в области торгово-экономического, военно-технического, так и политического сотрудничества. В силу этих причин он лучше многих других отечественных корееведов знал, так сказать, из первоисточников реальное состояние дел в Северной Корее, ТПК и их руководстве, во всем комплексе советско-корейских отношений, а потому раньше и острее осознал назревшую необходимость серьезной корректировки корейской политики СССР в направлении большего прагматизма, учета реальных национальных интересов и освобождения из плена ортодоксального, сверхидеологизированного подхода.

В те же годы В. Д. Тихомиров часто выезжал в КНДР в составе советских партийно-правительственных делегаций, встречался с высшими руководителями Северной Кореи, включая самого «великого вождя» Ким Ир Сена, принимал непосредственное участие в подготовке, а точнее «шлифовке», подписываемых в ходе этих визитов документов. Ветераны дипломатической службы вспоминают, в частности, эпизод его приезда в Пхеньян в 1959 г. в составе делегации, возглавляемой заведующим сектором Отдела ЦК КПСС И. И. Поздняком. Одной из

главных тем в тот раз стал вопрос о целесообразности незадолго до того принятого северокорейскими властями решения о тотальном запрещении любых форм негосударственной сферы обслуживания и торговли, в том числе рыночной. Советские представители пытались убедить корейских коллег, что в целях повышения жизненного уровня населения необходимо обеспечить функционирование кооперативных рынков. Через два года деятельность последних все-таки была вновь разрешена пхеньянскими властями, но в ограниченных масштабах и только в небольших городах за пределами столицы.

Работал Владимир Дмитриевич увлеченно, интересовался различными аспектами жизни северокорейского общества. В частности, особое внимание он уделял кадровой политике руководства КНДР и ТПК, вел картотеку, в которой фиксировались перемещения по службе не только представителей высшей номенклатуры, но и функционеров низового уровня. Так формировался основательный багаж страноведческих знаний, который оказался востребованным на протяжении всей его последующей жизни.

В 1965 г. В. Д. Тихомиров стал помощником заведующего Отделом ЦК КПСС, которым тогда был Ю. В. Андропов. Назначение последнего в 1967 г. на пост председателя КГБ при Совете Министров СССР сыграло важную роль и в судьбе его помощника, который в том же качестве последовал за ним на новое место службы.

Очевидно, что один этот факт свидетельствует о высокой оценке деловых и профессиональных качеств Владимира Дмитриевича со стороны столь высокого руководства. Подтверждением сказанного являются и высокие государственные награды, которых он был удостоен: орден «Знак почета» (1965 г.) и пять медалей.

Однако через два года в результате аппаратных «подковерных» игр Владимиру Дмитриевичу пришлось уйти не только с этой высокой должности, но и вообще с государственной службы. В его жизни произошел крутой перелом, который не мог не оказаться весьма болезненным. Благоприятствовавшая ему с самого начала жизненного пути судьба (по его воспоминаниям, он уже в 16 лет впервые сел за руль принадлежавшего отцу автомобиля, что было, конечно же, не типично для того времени), динамично развивавшаяся блестящая карьера во властных структурах, сулившая еще более многообещающие перспективы, оборвались в один день. Безусловно, это стало

тяжелым психологическим ударом и испытанием (достаточно сказать, что на много лет он стал «невъездным»), неизбежно оставляющим определенный отпечаток на всей дальнейшей жизни человека. Но у Владимира Дмитриевича хватило сил и мужества достойно с ними справиться. В октябре 1969 г. В. Д. Тихомиров пришел в Институт востоковедения АН СССР, где был поначалу принят на должность и. о. младшего научного сотрудника сектора социалистического и государственного строительства отдела Кореи, Монголии и Вьетнама. В его жизни открылся новый, ставший с тех пор основным, этап работы в науке. Начинать ему в академической сфере деятельности пришлось почти с нуля.

Вместе с этим, нельзя сказать, чтобы для научной общест-венности, включая, прежде всего, корееведов Института востоковедения, он оказался человеком совершенно неизвестным. Во-первых, он уже обладал определенным опытом приобщения к научной жизни, имея ряд публикаций по корейской тематике. Во-вторых, работая в ЦК КПСС, В. Д. Тихомиров был причастен не только к реализации внешнеполитических задач СССР на корейском направлении, но и к науке, которая их выполнение должна была обслуживать. Это способствовало поддержанию активных рабочих контактов ЦК КПСС с соответствующими научными учреждениями. Причем связь эта была, хотя и не вполне равноправной, но все-таки, двусторонней и весьма содержательной. Академические институты не только выполняли спускаемые «сверху» задания, но и сами нередко обращались в инстанции за консультациями, с инициативами, а порой и с просьбами о содействии в решении тех или иных научных и административных задач, в том числе, и по поводу преодоления каких-то бюрократических препятствий. Некоторые, питавшие особый интерес к науке сотрудники ЦК КПСС приглашались в ответственные редакторы, члены редколлегий наиболее сложных и ответственных изданий, что ускоряло выход последних в свет.

В. Д. Тихомиров принадлежал к тем работникам аппарата ЦК КПСС, которые с пониманием относились к подобным обращениям и просьбам ученых и тем самым в сложной политико-идеологической атмосфере того времени оказывали посильное содействие созданию более благоприятных условий для научного процесса. Сказались и его чисто человеческие качества: скромность, глубокая порядочность, истинная интеллигентность, удерживавшие его в отношениях с окружающими не

только от того, чтобы кичиться своим высоким положением, но и вообще от малейших намеков на таковое.

В-третьих, работая в Комитете государственной безопасности, он успел закончить заочную аспирантуру в ИВ АН СССР, что углубило его научную подготовку и укрепило связи с институтом, где ему вскоре стало суждено работать.

В трудное для Владимира Дмитриевича время руку помощи ему протянул бывший тогда заведующим Отделом Кореи, Монголии и Вьетнама Г. Ф. Ким. Известный своей прозорливостью, благородством и щедростью человеческой натуры Георгий Федорович сумел убедить дирекцию Института, не горевшую желанием принимать на работу попавшего в немилость у высокого начальства человека, в целесообразности подобного шага.

Приняли В. Д. Тихомирова в отделе радушно. Среди новых коллег, оказавших ему поддержку, следует выделить одного из самых авторитетных корееведов — Ф. И. Шабшину, которая почти по-матерински опекала, много сделала для его научного становления и роста. Сам «новичок», проявив завидную целеустремленность и работоспособность, стал быстро приобретать необходимые научную квалификацию и навыки. Уже в 1970 г. он защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук по теме: «Южная Корея на современном этапе (1960–1970 гг.) Внутренняя и внешняя политика правящих сил и социальная структура общества», в 1974 г. стал старшим научным сотрудником, а позже — заведующим тем сектором, в котором работал с момента перехода в Институт.

Основными направлениями работы В. Д. Тихомирова в Отделе Кореи, Монголии и Вьетнама стали исследования по южнокорейской тематике, а также по злободневным проблемам развития КНДР. Работы по последней теме осуществлялись в единственно возможном в тот период закрытом варианте. В те годы по инициативе Г. Ф. Кима в Институте была развернута широкая деятельность по научно-объективному анализу происходивших в КНДР и в советско-северокорейских отношениях процессов, результаты которых принимали форму закрытых записок в инстанции, публикаций в специальных бюллетенях, издаваемых в ИВ АН СССР, а с приходом на пост директора Института Е. М. Примакова — ситуационных анализов. В этой работе в полной мере оказались востребованными практический опыт и знания Владимира Дмитриевича о Северной Корее, в том числе ее «политической кухне», по-

черпнутые в предшествующий период. Вместе с Ф. И. Шабшиной и В. К. Паком, подолгу жившими в Корее и возвращавшимися среди ее политической элиты, он составил ядро группы специалистов, осуществлявших эту большую и важную работу. В 1972 г., также в формате закрытого спецбюллетеня, им была опубликована монография «Южная Корея. 1961–1971 гг. Внутренняя и внешняя политика режима Пак Чон Хи и социальная структура общества». В сфере его научных интересов находились также проблемы кооперирования сельского хозяйства КНДР и роли ТПК в социалистическом преобразовании общества.

В конце 1990-х годов одним из важнейших проектов корееведов Института востоковедения явилось написание фундаментального обобщающего труда «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)» в двух томах, ставшего важной вехой в развитии не только отечественного, но и международного корееведения. В. Д. Тихомиров принял в этой гигантской работе самое деятельное участие. Помимо написания ряда глав и разделов в качестве автора, он выступил как ответственный редактор второго тома этого капитального издания.

Его работа в качестве заведующего сектором социалистического строительства (1974–1978 гг.), получившего новое название Отдела социалистических стран Азии была также достаточно продуктивна. В указанный период в секторе были подготовлены 10 монографий и сборников статей по проблемам социалистического строительства и современного положения в Корее, Монголии и Вьетнаме.

Вместе с тем, по мере работы в институтском коллективе расширялись кругозор и научные интересы В. Д. Тихомирова, все более проявлялся его вкус к изучению более широких региональных международных проблем. В результате в 1978 г. он перешел в Отдел комплексных проблем международных отношений (ОКПМО) ИВ РАН, где возглавил сектор региональных проблем. Здесь он стал одним из ведущих в нашей стране специалистов в области международных отношений на Востоке, особенно в Восточной Азии. Много внимания уделял он развитию магистральных направлений деятельности ОКПМО — изучению конфликтов в Азии, теме «Развивающиеся страны и проблемы разоружения», изучение которых вывел на межинститутский уровень. Одновременно в фокусе его постоянного интереса оставалась и проблема урегулирования конфликтной ситуации на Корейском

полуострове. Опубликованная им в 1979 г. закрытая монография «Проблема национального объединения Кореи» была отмечена третьей премией на конкурсе лучших индивидуальных работ Института за тот год.

При этом В. Д. Тихомиров постоянно занимался научно-педагогической деятельностью — многие его аспиранты, в том числе и автор этих строк, успешно защитили кандидатские диссертации. Он читал курс «История Кореи с древнейших времен до наших дней» в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО), руководил научно-методологическим семинаром молодых сотрудников ОКПМО, был активным лектором общества «Знание».

Однако и здесь его профессиональный рост и научно-производственная деятельность протекали отнюдь не в безмятежных условиях.

Очередным испытанием стала для него защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Корейская проблема и международные факторы, 1945–1982 гг.», состоявшаяся в 1983 г. Под огнем критики неожиданно оказалась сама новаторская постановка проблем, а также прогнозы и рекомендации, в числе которых содержалась достаточно крамольная для того времени мысль о необходимости пересмотра корейской политики Советского Союза в направлении отхода от автоматической поддержки всех действий Северной Кореи, порой даже в ущерб собственным национальным интересам, и признания сложившихся реалий на Корейском полуострове, подразумевавшая проработку возможных вариантов установления и развития отношений с Сеулом. Даже закрытый характер диссертационного исследования не уберег его от оппозиции со стороны отдельных руководящих работников тогдашнего МИД СССР.

Как выяснилось, и в ИВ АН не все были готовы к подобной новизне и смелости постановки проблем. Под огнем критики, в частности, оказалась содержащая прогнозы (впоследствии большей частью подтвердившиеся) часть диссертации. Сыграл свою роль и психологический фактор. Некоторые лично пострадавшие в период сталинских репрессий сотрудники Института испытывали сложные чувства в отношении биографии диссертанта, в которой присутствовал непродолжительный этап работы в КГБ СССР. В результате дискуссия в период предзащиты и на самой защите этой работы носила острый полемический характер, а положительное решение Ученого сове-

та было принято с минимальным перевесом «белых» шаров. Тем не менее, защита состоялась, что было подтверждено соответствующим решением ВАКа, хотя и его пришлось ждать дольше обычного.

Другим, также отнявшим массу физической и нервной энергии, эпизодом стали вылившиеся в настоящие баталии выборы заведующего Отделом комплексных проблем международных отношений, на должность которого в числе трех кандидатов баллотировался и Владимир Дмитриевич в 1987–1988 гг. В конце концов, он все же стал заведующим этим отделом. Но судьба не отпустила ему много времени потрудиться в этом качестве.

Работал Владимир Дмитриевич много и напряженно. Помимо заведования одновременно сектором и всем отделом, он участвовал в написании глав и разделов многих коллективных монографий, являлся ответственным редактором и членом редколлегии ряда коллективных и индивидуальных, в том числе международных, изданий, членом редколлегии закрытого институтского журнала «Восток и современность». Он принимал активное участие в подготовке материалов многочисленных ситанализов, аналитических записок по остроактуальным проблемам международного развития, в прогностической работе, вел плодотворную деятельность по координации научных исследований с учеными социалистических стран, часто выступал с научными докладами на зарубежных, общесоюзных и внутриинститутских конференциях, форумах общественности.

В числе наиболее значимых среди упомянутых работ следует выделить следующие издания: «История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945–1977», изданная в Хабаровске в 1978 г.; «Безопасность Азии и позиция СССР», совместная советско-вьетнамская монография «Неоколониалистский курс США во Вьетнаме», коллективная монография «СССР и Корея», выпущенные в свет в 1985 г.; статья «Проблема объединения Кореи: два подхода», опубликованная в том же году в журнале «Новое время».

В ходе подготовки своих работ В. Д. Тихомиров всегда стремился ввести в круг используемых источников максимально большое количество закрытых материалов. Его бывшие коллеги по Отделу ЦК КПСС вспоминали, что он, уже работая в ИВ АН, частенько приходил к ним и основательно прорабатывал многочисленные тома архивов, материалов Посольства СССР в КНДР. Хотя писал он быстро, но окончательный вари-

ант того или иного материала вырабатывался им довольно медленно, в процессе длительной шлифовки.

Главным научным трудом В. Д. Тихомирова стала изданная уже после его кончины, в 1998 г. Международным центром корееведения МГУ и Издательской фирмой «Восточная литература» монография «Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов)», основой для которой послужила его докторская диссертация. В книге осуществлен комплексный анализ широкого круга факторов, определявших состояние и развитие военно-политической ситуации на Корейском полуострове на протяжении длительного периода времени, убедительно показаны политика и роль держав (США, Китай, Япония), исторически вовлеченных в дела Кореи, особенности развития межкорейских отношений. Монография предлагает читателю научно обоснованную ретроспективу развития вышеотмеченных международно-политических процессов на обширном материале подлинных документов, многие из которых ранее были недоступны как отечественным, так и зарубежным исследователям. Бесспорным ее достоинством представляется тот факт, что жизнь подтвердила довольно много из анализов и прогнозов, сделанных автором приблизительно 20 лет назад. Очевидно, что этот труд стал определенным этапом в развитии отечественного корееведения.

Вторая половина 1980-х годов, как известно, была отмечена активизацией и серьезными изменениями в политике СССР на Корейском полуострове и в отношениях с обоими корейскими государствами. В 1985–1988 гг. наблюдается «ренессанс» советско-северокорейского сотрудничества, а к концу десятилетия Москва созрела для установления дипломатических отношений с Сеулом. Эти фундаментальные подвижки сопровождались сначала оживлением научных связей между СССР и КНДР, а затем установлением и развитием таковых и с РК. Во всех этих процессах деятельное участие принимал и В. Д. Тихомиров, о чем стоит рассказать подробнее, поскольку в этой сфере во всей полноте реализовался его солидный опыт государственной службы, глубокого аналитика, дипломата, организатора, переговорщика и т. д.

Новый «медовый месяц» в отношениях между СССР и КНДР на поприще общественных наук ознаменовался реализацией Соглашения о сотрудничестве между АН СССР и Академией общественных наук (АОН) КНДР по совместному изучению проблем мира и безопасности на Дальнем Востоке и на

Корейском полуострове. Во исполнение данного соглашения, после длительного перерыва, были организованы на регулярной основе представительные конференции ученых обеих стран. Первая из них состоялась в 1987 г. в Пхеньяне, вторая — в 1989 г. в Москве (ИВ АН). Советскую делегацию на мероприятии в столице КНДР возглавлял академик-секретарь Отделения истории АН СССР академик С. Л. Тихвинский, с корейской стороны — вице-президент АОН академик Ким Чхольсик. По итогам упомянутых двух научных форумов была достигнута договоренность о проведении подобных конференций ежегодно, в несколько более узком формате, которой, увы, в силу наступивших вскоре глобальных политических метаморфоз не суждено было реализоваться.

Примечательно, что на конференциях в Пхеньяне и в Москве Владимир Дмитриевич стал не по формальному назначению, а по личным достоинствам правой рукой С. Л. Тихвинского, а затем — нового директора ИВ АН СССР, пришедшего в Институт с поста заместителя министра иностранных дел СССР М. С. Капицы, душой и умелым дирижером их проведения. Здесь ярко проявились его глубокий профессионализм ученого-корееведа, сохранившееся на удивление в хорошей форме знание и корейского языка, и самих корейцев, умение устанавливать с ними контакт и находить общий язык в сложных ситуациях, нередко в острой полемике, и высокий уровень государственного мышления, опыт госслужбы, позволявшие квалифицированно подготавливать проекты решений научных форумов и соответствующих соглашений между Академиями двух стран.

Столь же энергично принял участие В. Д. Тихомиров и в процессе убеждения советских верхов в необходимости поворота в сторону признания Южной Кореи, а затем и в первых практических шагах по установлению контактов с представителями РК. Эту идею он вместе с выступившими в качестве первопроходцев некоторыми корееведами ИВ АН СССР, возглавляемыми директором Института академиком Е. М. Примаковым и первым заместителем директора членом-корреспондентом АН СССР Г. Ф. Кимом, разрабатывал и продвигал в инстанции с начала 1980-х годов. В такой черновой и в течение многих лет невидимой, неблагодарной работе, помимо всего прочего, пригодились его предметное знание «коридоров власти», прежде всего на Старой площади (где находился ЦК КПСС), умение подобающим образом составить нужные бумаги и понимание, кому и как лучше их направить.

Когда начались практические контакты с южнокорейскими учеными, а также с представителями политических, партийных кругов этой страны (сначала в третьих странах, в частности, в Японии, куда В. Д. Тихомиров стал регулярно выезжать на конференции во второй половине 80-х годов), в полной мере востребованы оказались те профессиональные качества, о которых упоминалось выше, в том числе свободное владение английским и корейским языками. Его яркие, продуманные, тщательно просчитанные выступления на международных конференциях и при личных встречах с представителями РК неизменно привлекали их заинтересованное внимание. Все это позволило ему тонко и умело участвовать в реализации практической линии СССР на поиск приемлемой формы развития двусторонних контактов, стать ее активным носителем и проводником.

Коллеги и друзья видели, как преобразился в те годы Владимир Дмитриевич. Он был счастлив, что стал не только свидетелем, но и участником того, как выстраданные им идеи и предложения сбываются. Сотрудники отдела отмечали, что он буквально «светился», вернувшись из первой и оказавшейся крайне результативной поездки в Южную Корею в начале 1989 г., где он, сопровождая директора М. С. Капицу, принял участие в подписании соглашений о сотрудничестве и научных обменах между ИВ АН и рядом ведущих научных центров РК, включая знаменитый университет Ёнсе.

В. Д. Тихомиров находился на подъеме своей научной деятельности, буквально «горел», ощущая свою причастность к осуществлению важной внешнеполитической миссии, когда внезапная и скоротечная неизлечимая болезнь прервала его жизненный путь. Его, в прямом смысле слова, последняя загранкомандировка в США в конце 1989 г. была также крайне успешной и насыщенной важными встречами с ведущими американскими учеными и политиками. Почувствовав себя плохо в конце командировки и вернувшись в Москву в тяжелом состоянии, Владимир Дмитриевич, тем не менее, порывался успеть доложить руководству Института и вышестоящим инстанциям о достигнутых в ее ходе важных результатах. Буквально до последних часов жизни он ощущал себя гражданином своей родины, находящимся на переднем рубеже научно-государственного служения.

Владимир Дмитриевич Тихомиров остался в памяти своих коллег и друзей как весьма неординарная личность. Характер

у него был непростой, что и неудивительно, принимая во внимание все перипетии его жизненного пути. Но все, кто его лично знал, отмечали глубокую порядочность и врожденную интеллигентность, личную скромность на всех этапах, в том числе и «высоких», его жизни. Он объективно и с уважением относился к людям. Так, несмотря на, видимо, сложные чувства, связанные с уходом с должности помощника Ю. В. Андропова, он всегда отзывался о нем как о «кристально честном и чистоплотном» человеке. В целом, о доакадемическом периоде жизни он вспоминал не часто, с интересом, но без сожаления.

Знавшие его близко люди выделяли его повышенную внимательность и заботу о своих родителях, о родителях жены, его качества примерного семьянина.

В отделе комплексных проблем международных отношений в полной мере раскрылись и организационно-административные способности, и приобретший зрелость научный потенциал В. Д. Тихомирова. Сотрудники отдела высоко оценили его деловые и человеческие качества. Они отмечали, что он был одинаково строг ко всем и требовал своевременного выполнения заданий. Он не был «добреньким», делать кому-либо поблажки не в его правилах. Но при всем том он запомнился как сохранявший со всеми исключительно ровные и выдержанные отношения, по-настоящему доброжелательный и внимательный к подчиненным, реально вникавший в их проблемы руководитель. Не без удивления в отделе вспоминали, что из своей первой поездки в США в 1987 г. (после продолжительного периода, когда он мог посещать только социалистические страны) одному из сотрудников сектора он привез купленный на собственные, не такие уж обильные, средства толстенный и недешевый фолиант по теме исследования коллеги. На автора этих строк также произвело сильное впечатление, в частности, то, что Владимир Дмитриевич, в отличие от многих других научных руководителей, со снисходительным пониманием относясь к проблемам аспирантской «перегруженности», принимал главы диссертации в рукописном виде и внимательнейшим образом их разбирал и рецензировал.

Служивцам импонировала, среди прочего, и привычка В. Д. Тихомирова всегда глубоко вникать в суть дела, доводить каждую начатую работу до логического завершения. Ценили они его готовность отстаивать их законные интересы перед руководством Института. Более чем красноречивым про-

явлением истинного отношения и чувств со стороны коллег может служить тот факт, что в день десятилетия со дня кончины Владимира Дмитриевича большинство сотрудников отдела, не сговариваясь, собрались у его могилы и почтили его добрую, светлую память.

А. В. Воронцов

Основные труды В. Д. Тихомирова

1. Трудовая партия Кореи — руководящая сила социалистического строительства в КНДР. 15 лет освобождения Кореи. М., 1960.
2. Успехи развития социалистического сельского хозяйства в КНДР.— Очерки социалистического строительства в Кореической Народно-Демократической Республике. М., 1963.
3. Социалистическое преобразование сельского хозяйства КНДР (к 20-летию освобождения Кореи от японского колониального господства).— Вопросы истории. 1965, № 7.
4. Социальная структура Южной Кореи.— Азия и Африка сегодня. 1970, № 6.
5. Южнее 38-й параллели.— Азия и Африка сегодня. 1971, № 2.
6. Южная Корея, 1961–1971. Внутренняя и внешняя политика режима Пак Чон Хи и социальная структура общества.— Спецбюллетень ИВ АН СССР, 1972.
7. По пути строительства социализма (к 25-летию КНДР).— Народы Азии и Африки. 1973, № 5.
8. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 2. М., 1974.— Автор разделов: Корейский вопрос и международное совещание в Женеве; Рост материального и культурного уровня жизни трудящихся; Международная обстановка; проблема объединения Кореи в современных условиях; Культура в Южной Корее (1945–1970).
9. КНР и война в Корее.— Внешняя политика и международные отношения КНР (1943–1963). Т. 1. М., 1974.
10. Политический кризис в Южной Корее.— Новое время. 1974, № 9.
11. Корейская проблема в послевоенный период.— Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке после второй мировой войны (1945–1955). М., 1975.
12. 30 лет Народной Корее.— Международная жизнь. 1975, № 8.
13. Что происходит в Южной Корее.— Азия и Африка сегодня. 1975, № 6.
14. Проблема объединения Кореи в буржуазной историографии на рубеже 70-х годов.— История Кореи в буржуазной историографии. М., 1976.

15. История международных отношений на Дальнем Востоке: 1945–1977. Хабаровск, 1978.— Автор разделов: Корея в международных отношениях. КНДР и Южная Корея: два пути, две политики. Восстановление дипломатических отношений Японии с Южной Кореей. Корея: диалог Севера и Юга. (В соавт. с В. К. Паком и Ф. И. Шабшиной).
16. Проблемы национального объединения Кореи.— Спецбюллетень ИВ АН СССР, 1979.
17. Южная Корея в поисках выхода.— Азия и Африка сегодня. 1980, № 3.
18. Проблемы разоружения и развивающиеся страны. Наука. М., 1983. (В соавт. с другими).
19. Проблемы объединения Кореи: два подхода.— Новое время. 1985, № 23.
20. Международные отношения в азиатско-тихоокеанском регионе на рубеже 1970–1980-х годов.— Проблемы мира и безопасности в Азии. М., 1987. (В соавт. с другими).
21. Корейский полуостров в системе безопасности на Дальнем Востоке.— Международные отношения и актуальные проблемы обеспечения мира и безопасности на Дальнем востоке. Ч. 2. М., 1988.
22. СССР и Корея. М., 1988.— Автор разделов: Советский Союз и борьба за создание в Корее единого независимого демократического государства. Советский Союз и восстановление народного хозяйства КНДР (1953–1956), (в соавт. с Г. В. Грязновым); превращение КНДР в развитое индустриально-аграрное социалистическое государство и советско-корейское сотрудничество, (в соавт. с Мун Дедо).
23. Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов). М., 1998.

ЛЮДМИЛА АНДРЕЕВНА УСОВА

(1942–1996)

Жизнь Людмилы Андреевны Усовой, так рано ушедшей от нас, настолько ярка и насыщена, что просто не верится, как она, борясь с безжалостной болезнью и сохраняя оптимизм, смогла поменять в зрелом возрасте профессию, начать свой путь в науке практически с нуля, поверить в себя, успешно защитить смелую по своей научной проблематике диссертационную работу, написать книгу, до сих пор представляющую большой интерес для мировой научной общности.

Людмила Андреевна Усова родилась 3 января 1942 г. в военной Москве. И, возможно, это определило ее целеустремленный, бойцовский характер. Стремясь поступить в уже тогда труднодоступный для девочек Московский государственный институт международных отношений, она два года проработала в нем курьером. В 1960 г. ее мечта осуществилась, и она поступила на факультет международных отношений. Ей предложили учить корейский язык, что впоследствии и определило ее дальнейшую судьбу востоковеда.

В 1965–1966 гг. она была направлена для прохождения преддипломной практики в посольство СССР в КНДР. Там она впервые познакомилась с реальной Кореей, ее культурой, историей, традициями и народом. В 1966–1969 гг. Людмила Андреевна работала референтом по Корее в Министерстве иностранных дел СССР. Затем четыре года вместе с мужем она находилась в служебной командировке в Египте, где была переводчицей, секретарем посла. А по возвращении на родину, с 1973 по 1979 гг. опять продолжала работать референтом Первого Дальневосточного отдела МИД СССР.

С лета 1979 г. судьба Людмилы Андреевны резко меняется. Она пришла на работу в Отдел социалистических стран Азии

Института востоковедения АН СССР, и начался ее путь в науку. Людмиле Андреевне изменение профессии далось нелегко. Она стала незаменимым организатором и исполнителем, хорошим ученым секретарем отдела, но многие годы неоправданно считала себя обделенной творческими способностями. За годы работы в отделе Л. А. Усова приобрела большой авторитет как добросовестный научный сотрудник, кропотливо собирающий, накапливающий и систематизирующий фактологический материал. Как редактор-составитель она принимала участие в ряде коллективных работ, готовившихся институтом к публикации в тот период. Вместе с тем, постепенно ее все больше стала интересовать и собственная исследовательская работа. Начинала Л. А. Усова с проблем советско-корейских отношений, внешней политики КНДР. Однако вскоре ее внимание привлекла малоизученная в советском корееведении проблема развития коммунистического движения в Корее в 1918–1945 гг.

В известной мере ее подвигло к этому участие в большой коллективной работе по указанной теме. История создания Коммунистической партии Кореи, ее взаимоотношений с Коминтерном, вклад коммунистов в освободительную борьбу корейского народа в самой Корее и за ее пределами, роль в коммунистическом движении некоторых политических деятелей, возвысившихся после освобождения Кореи от японского колониального ига не всегда объективно и добросовестно освещались в зарубежной, в том числе и корейской, литературе и пропаганде. Поэтому высшими партийными инстанциями в начале 1980-х годов Институту востоковедения АН СССР и Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС было поручено опубликовать сборник материалов советской прессы 1920–1930-х годов и архивных документов, которые помогли бы восстановить истину. Для подготовки сборника организовали группу составителей, в которую включили и Л. А. Усову. Вместе с другими коллегами она выявляла необходимые материалы в библиотеках и архивах, вела научно-организационную работу. Так она впервые соприкоснулась с историей коммунистического движения в Корее, всерьез и надолго ее заинтересовавшей. К 1984 г. сборник «Из истории коммунистического движения в Корее (1920–1930-е годы)» в основном был готов. Однако в силу некоторых внешнеполитических обстоятельств его решили не издавать. Но на желании Л. А. Усовой и дальше заниматься увлекшей ее темой это не отразилось.

Естественно, что в 1980-е годы касаться подобной проблематики, проливающей свет на формирование политики, социалистической идеологии дружеского государства (КНДР), было весьма непросто. И Людмила Андреевна нашла выход, как наиболее безопасно подойти к изучению этой проблемы, а именно: исследовать ее, так сказать, с «угла» американской историографии. Тщательно проанализировав работы ведущих американских ученых в этой области (Р. Скалапино, Ли Джонсика и др.), она, воспользовавшись новыми исключительными возможностями для объективного исследования в связи с начавшимся открытием многих российских архивов, проработала редчайшие документы Коминтерна.

В результате на свет появилась во многом оригинальная, первопроходческая, исследовательская работа, выполненная под руководством Ф. И. Шабшиной. Людмила Андреевна вначале представила ее как диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а затем подготовила на ее основе монографию «Корейское коммунистическое движение. 1918–1945 гг. Американская историография и документы Коминтерна», увидевшую свет уже после кончины автора. Научный вклад Л. А. Усовой в корееведение определяется тем, что в этой работе она вскрыла многие ранее неизвестные факты истории возникновения и развития коммунистического движения в Корее. На основе сопоставления американской историографии и подлинных архивных документов Людмила Андреевна провела объективный анализ развития и борьбы различных политических течений в корейском обществе, показала истинное положение дел в корейском коммунистическом движении на раннем его этапе, выявила некоторые истоки современного «чучхейского» социализма.

Придя из МИДа в 1979 г. на работу в Институт востоковедения АН СССР, Л. А. Усова как-то легко и быстро стала «своей» в Отделе Кореи и Монголии (у него вначале было иное название). Ее полюбили за трудолюбие, скромность, общественную активность, отзывчивость и внимание к товарищам, трогательную заботу о ветеранах. Со временем ей доверили важный участок жизнедеятельности отдела — работу ученого секретаря, выдвигали в руководство различных общественных организаций. На одном из собраний пожилая сотрудница, не очень щедрая на похвалы, даже назвала Л. А. Усову «светлым лучиком» в коллективе.

В начале статьи упомянуто о том, что Людмила Андреевна страдала от тяжелой болезни. В 1982–1983 гг. ей даже пришлось перейти временно на инвалидность. Вернувшись затем в институт, она вновь со всей энергией принялась за работу. Всех, кто с ней общался, поражало ее умение, как бы ни было трудно со здоровьем, сохранять бодрый, жизнерадостный настрой, удивительную жажду жизни. При любой возможности она старалась побывать в Корее, и в Северной, и потом в Южной, чтобы пополнить свои знания об изучаемой стране. В 1987 г. она работала на национальной выставке СССР в Пхеньяне и за добросовестный труд была отмечена благодарностью дирекции выставки. Завершив в основном книгу о корейском коммунистическом движении (готовить книгу к изданию пришлось ее коллегам), она уже думала о новой теме, советовалась с товарищами. Но внезапная, безвременная кончина в расцвете лет перечеркнула все эти планы.

Память о Людмиле Андреевне Усовой как о состоявшемся ученом, светлом и добром человеке, отличном товарище навсегда сохранится в сердцах ее друзей и коллег.

С. С. Суслина

Основные труды Л. А. Усовой

1. Братская помощь Советского Союза в становлении и развитии КНДР (1945–1961) — Дальний Восток и Юго-Восточная Азия. История, экономика и культура. М., 1984.
2. Из истории коммунистического движения в Корее (1920–1930-е годы). Документы и материалы. Рукопись. 1984. (В группе составителей).
3. Ученые США об участии Ким Ир Сена в корейском освободительном движении. — Восток и современность. 1990, № 4.
4. О роли корейских коммунистов в партизанской борьбе в Маньчжурии (1930–1940-е годы). М., 1991. Депонировано в ИНИОН АН СССР (№ 45642). (В соавт. с др.).
5. Корейское коммунистическое движение. 1918–1945 гг. Американская историография и документы Коминтерна. М., 1997.

ХАН ДЫК ПОН

(1906–1995)

Хан Дык Пон родился 10 декабря (по новому стилю) 1906 г. в Корее, в уезде Сонджин (сейчас — г. Ким-Чхэк) провинции Сев. Хамгён в семье бедного крестьянина. Мальчику не было и года, когда отец уехал в Россию на заработки. В семье за хозяина остался старший брат, был еще второй старший брат и старшая сестра. Раннее детство под присмотром матери прошло в селении на берегу Восточного (Японского) моря. Когда мальчику было пять лет, его мать и брат решили перебраться к отцу в Приморский край Дальнего Востока России. Произошла радостная встреча с отцом, но на всю жизнь была потеряна связь со старшей сестрой. Семье на новом месте жилось нелегко, однако родители смогли дать образование своим детям. В деревне не было школы, но благодаря счастливому случаю удалось поступить в корейскую школу Самсон хаккё в пригороде г. Уссурийска, которая славилась своими учителями; многие из них были выпускниками школы г. Осан. Директор Чон Донхо устроил экзамен и зачислил Хан Дык Пона в 3-й класс. Первым учителем корейского языка был Ли Чхоси из провинции Канвон.

В 1927 г. Хан Дык Пон окончил ФЗУ (фабрично-заводское училище) и поступил в педучилище в г. Уссурийске.

В 1930 г. после окончания педучилища был назначен сначала учителем начальной школы, а позднее — учителем средней школы в с. Первомайском, но молодой учитель решил получить высшее образование. Он из Владивостока на поезде отправился в Москву. Московская комсомольская организация помогла молодому корейцу поступить в Московский медицинский институт. Но из-за слабого владения русским языком и трудностей с изучением латыни учиться в ин-

ституте было очень сложно. В это время он получил известие о том, что на Дальнем Востоке открылся Корейский педагогический институт, и Хан Дык Пон вернулся к родителям. До поступления в вуз он преподавал корейский язык в средней школе.

В 1935 г. поступил в педагогический институт, но закончить его не смог. В 1937 г. вместе с другими корейскими семьями семья Хан Дык Пона была переселена в Казахстан в г. Кызыл-Орду. Этот город позднее стал одним из главных центров корейской культуры в Казахстане. Там издавалась газета на корейском языке «Сонбон» («Авангард»), открылся корейский театр, образовались корейские художественные коллективы.

В 1939 г. Хан Дык Пон окончил филологический факультет педагогического института г. Кызыл-Орда. Потом переехал в Узбекистан, где в средней школе в пригороде Ташкента преподавал русскую литературу в старших классах. Резкий поворот в его судьбе наступил в 1945 г.

В этом году, когда на Дальнем Востоке закончилась Вторая мировая война и Корея была освобождена от колониального ига, в Советском Союзе возникла острая необходимость в подготовке специалистов по проблемам Кореи с практическим знанием корейского языка. Первые специальные отделения практического корееведения были открыты осенью 1945 г. в столичных вузах: Московском институте востоковедения (МИВ) и в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ). (В довоенные годы изучением проблем Кореи занимались выпускники японских отделений вузов страны.) В московские вузы из Казахстана и Средней Азии стали приглашать корейцев, владеющих родным языком и имеющих высшее образование.

В декабре 1945 г. Хан Дык Пон приехал в Москву по вызову ОГИЗа (Объединение государственных книжно-журнальных издательств). Здесь он начал работать в издательстве переводчиком, работал до 1947 г. Затем перешел на преподавательскую работу.

С 1947 г. по 1948 г. — преподаватель корейского языка в ВИИЯ.

В 1948–1954 гг. — заведующий кафедрой корейского языка МИВ.

С 1954 г. по 1978 г. — доцент Московского государственного института международных отношений (МГИМО).

В 1978–1989 гг. — доцент Дипломатической академии МИД. Работал также на курсах иностранного языка при ЦК КПСС и МИД СССР, в ИВ АН СССР.

В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Китайские лексические элементы в словарном составе корейского языка». Ему также было присвоено ученое звание доцента по кафедре корейского языка.

Московский период жизни Хан Дык Пона — наиболее плодотворный этап его преподавательской и научной деятельности. В Москве он познакомился с крупными учеными-востоковедами нашей страны, работавшими в Московском институте востоковедения, он сотрудничал с выдающимся лингвистом, специалистом по японскому и корейскому языкам профессором А. А. Холодовичем. Они вместе с другими учеными закладывали в конце 1940-х — начале 1950-х годов прошлого столетия основы научного и практического отечественного корееведения. И мы, корееведы второго поколения, благодарны им за те знания, которые получили в вузах и которые мы так высоко ценим. Мы никогда не забываем наших учителей, открывших нам путь в науку.

Мы гордимся, что наш *Сонсэнним* — Учитель Хан Дык Пон был одним из создателей московской школы современного практического корееведения в нашей стране. Его уникальные знания в области старописьменного корейского языка, и особенно ханмуна, его постоянная готовность щедро делиться этими знаниями со всеми, кто обращался к нему за помощью при написании научных трудов в любой области корееведческих исследований, снискали огромное уважение к нашему учителю и широкую его известность в России. Хотя Хан Дык Пон, может быть, и не так много оставил после себя трудов, но он обладал огромной эрудицией и знаниями. В нашей стране не было другого такого знатока старописьменных текстов на корейском языке и *ханмуне*, как он. И мы, ученики Хан Дык Пона, величали его не иначе как «ходячей энциклопедией».

В последние годы жизни он принял христианство. Скончался наш Учитель 28 ноября 1995 г. в Москве.

Огромен вклад Хан Дык Пона прежде всего в формирование филологической школы отечественного корееведения. Он автор учебников корейского языка, был консультантом, редактором практически почти всех современных учебников, словарей и ряда научных работ по корейскому языку.

Середина XX в. вообще занимает особое место в истории развития отечественного корееведения. Именно Учителя той эпохи подготовили целую плеяду ученых-корееведов нашего поколения, чьи труды широко известны не только в России, но и за рубежом.

В. Н. Дмитриева

Основные труды Хан Дык Пона

1. Китайские лексические элементы в словарном составе корейского языка. (Вопросы словообразования). Автореф. канд. дис. М., 1954, МИВ.
2. Родная речь. Для 2-го класса корейских школ. М., 1949. (В соавт. с Ким Пёнха и Хан Сунченом) (на кор. яз.).
3. Родная речь. Для 3-го класса корейских школ. М., 1949. (В соавт. с Ким Пёнха и Хан Сунченом) (на кор. яз.).
4. Введение в изучение корейского языка. М., МИВ, 1951 (стеклогр. изд.). (В соавт. с В. А. Хван Юндюном).
5. Пер. с кор.: «Конституция и основные законодательные акты КНДР». М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952. (Совм. с Ю. Н. Мазуром).
6. Ред.: *Хван Юн Дюн В. А.* Фонетика корейского языка. М., МИВ, 1950.
7. Сост.: «Корейско-русский иероглифический словарь». М., МИВ, 1951. (В соавт. с Ким Ён Боком).
8. Ред.: *Ким Ф. З.* Корейско-русский словарь. М., МИВ, 1952.
9. Курс корейского языка. (Книга для чтения). М., Военный ин-т иностр. языков, 1947 (В соавт. с И. И. Хван Донмином).
10. Программа по корейскому языку для корейского отделения МИВ. М., МИВ, 1950. (Совм. с др.).
11. Учебник корейского языка. Ч. 1–3. М., МИВ, 1951. (В соавт. с В. А. Хван Юндюном и Ф. З. Кимом).
12. Учебник корейского языка для 1 курса. Вып. 1–3. М., МИВ, 1954–1956. (В соавт. с В. А. Хван Юндюном и Ф. З. Кимом).
13. Ред.: *Дмитриева В. Н.* Хрестоматия историко-географических текстов по Корее для 2-го курса корейского отделения. М., МГИМО, 1955.
14. Ред.: *Дмитриева В. Н.* Хрестоматия художественных текстов для старших курсов корейского отделения. М., МГИМО, 1955.
15. Сост.: Русско-корейский разговорник. Учебное пособие для младших курсов. М., МГИМО, 1957.
16. Ред.: *Дмитриева В. Н.* Учебник корейского языка. Ч. 1–2. М., МГИМО, 1969–1970.

Рецензирование

1. *Ким Бусик*. Самгук саги. Летописи Силла. Изд. текста, пер., вступит. статья и коммент. М. Н. Пака. М., 1959.
2. *Корейский язык*. Сб. статей. М., 1961.
3. *Холодович А. А.* Корейско-русский словарь. Изд. 2. М., 1958.
4. *Мазур Ю. Н., Моздыков В. М., Усатов Д. М.* Русско-корейский словарь. Изд. 2. М., 1954.
5. *Мазур Ю. Н., Бедняков А. С.* Учебник русского языка (на кор. яз.). Ч. 1–2. М., 1954–1955.
6. *Иванова В. И.* Ли Ги Ён. Жизнь и творчество. М., 1962.
7. *Мальков Ф. В.* Прилагательные в корейском языке. Канд. дис. М., 1958.
8. *Ким Ф. З.* Звуковой состав корейского языка XV века. Канд. дис. М., 1958.
9. *Мазур Ю. Н.* Корейский язык. М., 1960.

ВИКТОР
АНТОНОВИЧ
ХВАН (ХВАН
ЮНДЮН)

(1916–1969)

Виктор Антонович Хван Юндюн — один из основателей научного изучения корейского языка в Советском Союзе, ведущий специалист в области фонологии корейского языка, чьи научные концепции сформировались на принципах Ленинградской фонологической школы, возглавляемой академиком Л. В. Щербой и профессором Л. Р. Зиндером.

Виктор Антонович Хван Юндюн родился 26 февраля 1916 г. в семье крестьянина-бедняка в селе Уноши Сучанского района (ныне — Буденновский) Владивостокского округа Дальневосточного края. Его родители: отец Хван Ёнхо (1883–1954) и мать Ли Хагон (1891 г.), как и многие крестьяне корейской провинции Северная Хамгён, в 1907 г. гонимые нуждой, вынуждены были покинуть родные места и пересечь границу России. До 1937 г. семья жила и работала в колхозе Буденновского района Дальневосточного края. У Хван Юндюна было шестеро братьев и три сестры. После насильственного переселения в Среднюю Азию семья жила в колхозе «Политотдел» Верхне-Чирчикского района Ташкентской области.

Жажда знаний, тяга к просветительству были движущим стимулом жизни Хван Юндюна. Трудовую деятельность Виктор Антонович начал в 1935 г., когда еще учился на рабфаке во Владивостоке, который он закончил в 1937 г. В 19 лет он стал учителем во Владимиро-Александровской начальной школе. С этого времени Хван Юндюн обрел русское имя и отчество Виктор Антонович. И позднее, в Средней Азии, он много сил отдал воспитанию и обучению подрастающего поколения. В 1941–1942 гг. преподавал русский язык в узбекской средней школе, в 1942–1943 гг. был завучем, а в 1943–1944 гг. — директором средней школы. В 1945–1946 гг. он уже инспектор Районного отдела народного образования Уз-

бекской ССР. В разное время он преподавал корейский, узбекский и русский языки в школах Дальнего Востока и Узбекистана. В 1946 г. за большой вклад в развитие народного образования В. А. Хван Юндюн был награжден правительственной наградой — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

В. А. Хван Юндюн получил хорошее филологическое и педагогическое образование. В 1940 г. он окончил Узбекский университет в г. Самарканде, а в 1946 г. — экстерном филологический факультет Среднеазиатского государственного университета. Став высококвалифицированным филологом, блестяще владевшим корейским и русским языками, а также неплохо знавшим узбекский, казахский и французский, В. А. Хван Юндюн щедро отдавал свой незаурядный талант людям. Поэтому нет ничего удивительного в том, что по окончании университета он увлекся научной деятельностью, занявшись исследованием сравнительной фонетики современного корейского и русского языков.

Две стихии — научный эксперимент и практика преподавания — сосуществовали в нем, причем основными объектами и там и тут были корейский и русский языки. С 1946 г. В. А. Хван Юндюн трудился в вузах и научно-исследовательских институтах Средней Азии. Он был научным сотрудником Института педагогических наук Министерства просвещения Узбекской ССР, с 1947 г. работал преподавателем Ташкентского государственного педагогического института, был ученым секретарем, руководил отделом аспирантуры в том же институте. Главное направление научной деятельности в те годы — методика обучения корейскому языку в корейской национальной школе. В 1948 г. были изданы его учебник и учебное пособие для корейских школ. В 1940-е годы в Узбекистане опубликованы им пять научных работ.

В августе 1949 г. в жизни и научной деятельности В. А. Хван Юндюна наступил новый этап — он переехал с семьей в Москву. Здесь он был принят на работу в Московский институт востоковедения старшим преподавателем кафедры корейского языка. В этот период особенно ярко проявились его творческие способности в преподавании корейского языка студентам старейшего востоковедного вуза России.

Методика обучения фонетике корейского языка отличалась новизной, студентам запомнились его интересные занятия. Виктор Антонович обладал тонким музыкальным слухом и хо-

рошо поставленной дикцией, что очень важно особенно для первого этапа обучения студентов корейскому языку. Результаты фонетических исследований помогли более рационально и результативно организовать учебные занятия.

В. А. Хван Юндюн был инициатором многих начинаний в области корейского языка. Он впервые в отечественном корееведении дал научное описание звукового состава современного корейского языка, основываясь на материалах экспериментально-фонетических исследований. Фонетические таблицы, включенные в его учебное пособие «Фонетика корейского языка» (МИВ, 1950), дают четкое представление об артикуляторно-акустической характеристике корейских звуков. Виктор Антонович был первым в корейской лингвистике, кто детально разработал вопрос об ударении в корейском языке. За несколько десятилетий до появления в отечественной лингвистике законченной интонационной теории В. А. Хван Юндюн предложил интонационную типологию корейского языка. Высокая квалификация лингвиста и абсолютный слух музыканта позволили ему разработать эту новаторскую концепцию, по сути, впервые в мире. К сожалению, эту оригинальную концепцию он не успел воплотить в печатном виде.

Не менее оригинален был и курс лекций по синтаксису корейского языка, который Виктор Антонович читал студентам МИВа, а затем МГИМО. Он был сторонником синтаксической теории А. М. Пешковского. К сожалению, курсы лекций так и остались неопубликованными. Его лингвистические взгляды нашли отражение лишь в лекциях и поурочных грамматических разделах учебных пособий, в частности в «Учебнике корейского языка» (МИВ, 1951) и особенно во втором издании этого учебника, коренным образом переработанного (1954–1956). У одного из авторов этой статьи (Л. Р. Концевича) сохранились стенографические записи лекций В. А. Хван Юндюна, посвященные ударению и синтаксису современного корейского языка.

Именно В. А. Хван Юндюну принадлежала идея создания стандартного учебника корейского языка для студентов МИВа. Возглавив преподавателей корейского отделения МИВа (Хан Дык Пона, Ф. З. Кима и др.) и при консультации проф. А. А. Холодовича, он осуществил пробный проект «Учебника корейского языка для 1-го курса» в трех выпусках (МИВ, 1954–1956). Но до конца довести дело не удалось по причине расформирования Московского института востоковедения в 1953 году.

В 1952 г. В. А. Хван Юндюн успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Фонетический строй корейского языка».

Лекции и практические занятия Виктора Антоновича в МИВ и МГИМО, где он работал с 1954 г., всегда были творческими, динамичными, интересными и продуктивными.

Высококвалифицированный филолог, Хван Юндюн щедро отдавал весь свой незаурядный талант студентам. В 1950-е годы совместно с Ким Пёнха им были написаны и отредактированы почти все учебники и грамматики родной речи для корейских школ Советского Союза. Ему принадлежит раздел фонетики и несколько глав по морфологии в «Грамматике корейского языка» (1951).

Хван Юндюн был крупным специалистом и в области методики преподавания русского языка иностранцам, приехавшим в нашу страну для получения высшего образования. В 1949–1954 гг. он по совместительству преподавал русский язык иностранцам в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков им. М. Тореца, в 1960–1963 гг. был доцентом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова на факультете для иностранцев.

Хван Юндюн внес большой вклад в развитие школы научного филологического корееведения в Советском Союзе в 1950–1960-е годы. Он был научным руководителем Ким Бён Су, который защитил кандидатскую диссертацию по теме «Сказуемое в современном корейском языке», консультировал исследование Н. Т. Пака по теме кандидатской диссертации «Методика обучения в корейских школах беспредложному управлению в русском языке». Виктор Антонович был официальным оппонентом на защите кандидатских диссертаций по корейскому языку в 1950–1960-е годы молодыми учеными: Л. Б. Никольским — по теме «К вопросу о „неполнозначных именах существительных“ в современном корейском языке», Ю. Н. Мазуром — по теме «Падежи и послелоги в корейском языке», Хан Дык Поном — по теме «Китайские лексические элементы в словарном составе корейского языка», М. А. Хегаем — по теме «Русские лексические заимствования в корейских переводах», Г. А. Паком — по теме «Изобразительные слова в корейском языке» и др.

Кроме того, В. А. Хван Юндюн руководил научной деятельностью студентов МИВа и МГИМО.

1960-е годы, а это последнее десятилетие жизни Виктора Антоновича Хван Юндюна, были связаны с поисками новых путей в преподавании иностранных языков. На подготовительном факультете для студентов-иностранцев МГУ им. М. В. Ломоносова, куда он пришел в качестве доцента кафедры русского языка как иностранного, он остался верным себе и своему главному принципу — смело искать новое.

Он использовал не официозные тексты для чтения и перевода, а живые фабулы с опорой на зрительно-звуковые ассоциации. В аудитории появлялись диафильмы, сценарии которых он придумывал сам, на магнитную пленку он записывал живые тексты, а записанные голоса совсем не похожи на казенный дикторский текст. И конечно, во всех учебных материалах присутствовал юмор, который был в высшей мере присущ В. А. Хван Юндюну. Он назвал свой метод наглядно-ситуативным. В сущности, это была революция в области методики преподавания, потому что лишь спустя 15–20 лет этот подход будет назван новым методом (аудиовизуальным, аудиolingвальным) и только начнет внедряться как новое слово в методической науке. Но тогда, в начале 1960-х годов, большинство его коллег это новаторство оценить по достоинству не могли. Но таков путь любого по-настоящему творческого человека.

Следующей вехой творческого пути В. А. Хван Юндюна стало научно-теоретическое обоснование его метода преподавания и практическая апробация в аудитории нерусских при обучении русскому языку. Он перешел на работу в Институт национальных школ Академии педагогических наук СССР (до 1966 г. АПН РСФСР). Ему приходилось горячо спорить на ученых советах, где так трудно пробиться с новыми идеями, его статьи критиковали авторы и сторонники используемых традиционных методов. Но предложенную им оригинальную методику «Наглядно-ситуативного обучения русскому языку детей нерусских школ» всегда активно поддерживали учителя национальных школ, которых он обучал, воспитывал во время многочисленных командировок в Калмыкии, Туве, Якутии, Башкирии, Чувашии, Северной Осетии и других регионах. Он учил их работать по новому методу, творчески относиться к своему делу, любить свой труд, и именно они составляли его научные лаборатории, доказывая эффективность наглядно-ситуативного метода В. А. Хван Юндюна.

Им был накоплен колоссальный теоретический и практический материал, который он планировал оформить в виде боль-

шой монографии и защитить в качестве докторской диссертации. На следующий год после смерти основные принципы его наглядно-ситуативного метода были опубликованы в виде обширной статьи «Применение технических средств и зрительно-слуховой наглядности при обучении русской речи в национальной школе» в книге «Вопросы методики обучения русскому языку в начальных классах якутской школы» (Якутск, 1970).

В. А. Хван Юндюн был ярким представителем двух культур: корейской и русской. Он был признанным авторитетом среди специалистов в области корейской классической литературы. При его участии и инициативе были переведены на русский язык и отредактированы шедевры средневековой и новой корейской прозы. До сих пор остается самым полным и авторитетным изданием сборник корейских классических повестей «История о верности Чхунхян» (1960), составленный Виктором Антоновичем и вышедший под редакцией проф. А. А. Холодовича. Он также составил сборник рассказов замечательного корейского писателя 1920-х годов Цой (Чхве) Сохэ (1960). Причем один из самых ярких рассказов писателя — «Исповедь беглеца» В. А. Хван Юндюн перевел сам. Виктор Антонович впервые познакомил русскоязычного читателя с современной драматургией КНДР, составив сборник «Современные корейские пьесы» (1957). Одна из самых значительных пьес — «Чхунхян» Ким Сынгу опубликована в его прекрасном переводе.

Перу Виктора Антоновича принадлежат многие переводы русских поэтов на корейский язык. Он и сам писал стихи; некоторые из них были переложены на музыку и исполнялись в корейских селениях Узбекистана. В. А. Хван Юндюн обладал незаурядной музыкальностью: прекрасно пел, знал огромное количество песен на разных языках, самоучкой освоил игру на пяти музыкальных инструментах, писал песни разных жанров, очень любил петь со своими учениками и друзьями, поощрял к занятиям музыкой своих детей. Сохранились его замечательные переводы корейских песен на русский язык и его любимых русских народных песен — на корейский.

В. А. Хван Юндюн активно участвовал в жизни корейской диаспоры. Еще в 1957 г. он выступал одним из рьяных сторонников возвращения советских корейцев из республик Средней Азии на Дальний Восток. Помнится, что одному из авторов данной статьи пришлось помогать Виктору Антоновичу в составлении обращения по этому поводу в ЦК КПСС.

Виктор Антонович был человеком редких душевных качеств и большой культуры. Второе его корейское имя — Пхёнхэ означает «спокойное море», — как оно не соответствовало его истинной натуре! Неумное, вечно ищущее уживалось в этом благородном человеке с необычной добротой, скромностью, требовательностью к себе. Он был принципиальным борцом против догмы, мертвечины во всем. Он не терпел никакой фальши ни в делах, ни в отношениях между людьми. Взрывной по натуре, он всегда быстро отходил. Читал ли он лекцию, выступал ли оппонентом на защите диссертации или дипломной работы студента, просто беседовал — всегда это было для окружающих уроком жизни, красоты и правды.

Его жизнерадостный, веселый характер запомнился многим, кому пришлось с ним работать в учебных заведениях Москвы. Эта яркая и незаурядная личность заметно выделялась среди коллег — преподавателей и ученых. А студенты, учившиеся у него, запомнили Виктора Антоновича как очень доброго, высококвалифицированного и вместе с тем очень требовательного преподавателя.

Виктор Антонович прожил недолгую, но красивую жизнь. Скончался он 28 ноября 1969 г. в Москве от тяжелой скоротечной болезни в самом расцвете сил. У В. А. Хван Юндюна была большая дружная семья — его спутница жизни Любовь Цой (1920–1990) и пятеро детей — четыре дочери Тереза, Людмила, Елена, Наталья и самый младший сын Максим. Почти все они получили высшее образование, но только Наталья пошла по стопам отца...

В. Н. Дмитриева, Л. Р. Концевич

Основные труды В. А. Хван Юндюна

Опубликованные работы

1. Краткий очерк особенностей корейского языка (В помощь преподавателям русского языка в корейских школах). Ташкент, 1948.
2. Букварь для корейских школ. Ташкент, 1949.
3. Введение в изучение корейского языка. М., МИВ, 1950 (стеклогр. изд.). (В соавт. с Хан Дык Поном).
4. Учебник корейского языка. Ч. 1–3. М., МИВ, 1951 (стеклогр. изд.). (В соавт. с Хан Дык Поном и Ф. З. Кимом).
5. Фонетика корейского языка. М., МИВ, 1950 (стеклогр. изд.).

6. Ред.: Хан Дык Пон. Программа по корейскому языку для корейского отделения Московского института востоковедения. М., МИВ, 1950.
7. Фонетический строй корейского языка. Канд. дис. М., 1952 (МИВ).
8. Вводный фонетический курс корейского языка. М., МИВ, 1954 (стеклогр. изд.).
9. Учебник корейского языка для 1-го курса. Ч. 1–3. М., МИВ, 1954–1956 (стеклогр. изд.). (Совм. с Хан Дык Поном и Ф. З. Кимом).
10. Учебник корейского языка для 4-го класса. М., Учпедгиз, 1951. (В соавт. с Ким Пёнха) (на кор. яз.).
11. Грамматика корейского языка для 5–6 классов корейской семилетней школы. Ч. 1. Фонетика. Морфология. М., Учпедгиз, 1957. (В соавт. с Ким Пёнха) (на кор. яз.).
12. Букварь для корейской школы. М., Учпедгиз, 1956. (В соавт. с Ким Пёнха) (на кор. яз.).
13. Учебник корейского языка для 2-го класса. М., Учпедгиз, 1956; Изд. 2.— 1959. (В соавт. с Ким Пёнха) (на кор. яз.).
14. Учебное пособие по двустороннему переводу. М., МГИМО, [Б. г.] (стеклогр. изд.).
15. Курс фонетики и орфографии. М., [Б. г.] (Рук.).
16. Два сборника корейской лирики [Рец. на кн.: Корейская классическая поэзия. Пер. А. Ахматовой. М., 1956 и Корейские шестистишия. Пер. А. Жовтиса. Алма-Ата, 1956].— Советский Казахстан (Алма-Ата), 1959, кн. 9.
17. Современные корейские пьесы. Сост. Хван Юндюн. М., «Искусство», 1957.
18. Ред.: Хан Дык Пон. Русско-корейский разговорник. Учебное пособие для младших курсов. М., МГИМО, 1957.
19. Лингафонный курс корейского языка. М., МГИМО, 1959 (стеклогр. изд.).
20. Грамматика корейского языка для 3-го класса начальной школы. Изд. 4. М., Учпедгиз, 1959. (В соавт. с Ким Пёнха) (на кор. яз.).
21. Учебник корейского языка для 4-го класса. М., Учпедгиз, 1959. (В соавт. с Ким Пёнха) (на кор. яз.).
22. Программа по корейскому языку для вузов. М., МГИМО, [Б. г.] (Совм. с др.).
23. История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. Сост. Хван Юндюн; отв. ред. А. А. Холодович. М., Изд-во вост. лит-ры, 1960.
24. Цой (Чхве) Со Хэ. Исповедь беглеца. Рассказы. Сост. Хван Юндюн. М., «Художественная литература», 1960.
25. Курс истории литературы Кореи. М., [Б. г.] (Рук.).
26. Вопросы методики обучения русскому языку в начальных классах якутской школы. Якутск, 1970.

Редактирование

1. Ред.: *Лишаков Е. В.* Краткий военный корейско-русский словарь. М., МГИМО, 1961.
2. Ред.: *Назаров И. Л.* Учебник корейского военного перевода. М., МГИМО, 1957.
3. Ред.: *Неверов С. В.* Русско-корейский разговорник. М., МГИМО, 1958.
4. Ред.: *Лишаков Е. В.* Русско-корейский словарь военных терминов. М., МГИМО, 1960.
5. Ред.: *Корейский язык. Сб. статей.* М., Изд-во вост. лит-ры, 1961.

ИННОКЕНТИЙ ИВАНОВИЧ ХВАН (ХВАН ДОНМИН)

(1912–1985)

Иннокентий Иванович Хван был видным историком-корееведом, педагогом и организатором корееведческого образования в нашей стране.

Жизненный и научно-педагогический путь Иннокентия Ивановича типичен для многих представителей национальной интеллигенции его поколения. Иннокентий Иванович (корейское имя — Донмин) Хван родился 9 сентября 1912 г. в селе Пуциловка Уссурийского уезда Приморской области (ныне — Уссурийский район Приморского края) в семье крестьянина-бедняка. С ранних лет он начал свою трудовую деятельность: в 1926–1930 гг. работал в колхозе, в 1931–1933 гг. учился на рабфаке в Челябинске, в 1933–1934 гг. был студентом Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства, после возвращения в Приморский край в 1934–1935 гг. работал заведующим сельскохозяйственным отделом в редакции районной газеты «Ленинский луч» Шкотовского района Приморского края. Решив посвятить жизнь изучению истории корейского народа и делу подготовки кадров по Корее, И. И. Хван снова едет в Москву и поступает на исторический факультет Московского государственного института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского (ИФЛИ), который оканчивает в 1940 г. по специальности истории колониальных и зависимых стран. В том же году ему присвоена квалификация преподавателя истории в старших классах средней школы. Больше года он работает старшим преподавателем истории колониальных и зависимых стран в Сталинградском государственном педагогическом институте. С конца 1941 г. ЦК ВКП(б) направляет И. И. Хвана на работу в партийную школу Исполкома Коминтерна в Уфе. После роспуска Коминтерна в августе 1943 г. его направляют в Таш-

кент, где он ведет преподавание курса основ марксизма-ленинизма в Ташкентском институте ирригации и механизации сельского хозяйства.

В 1945 г. И. И. Хван окончательно переезжает в Москву, где полностью связывает свою судьбу с корееведением. После освобождения Северной Кореи Советской Армией и установления с ней дружественных отношений началась у нас подготовка специалистов по Корее и Иннокентий Иванович был одним из зачинателей этой работы. Им впервые в СССР было организовано корейское отделение в Московском институте востоковедения (МИВ), где он с 1945 по 1948 гг., помимо преподавания основных курсов по корееведению, исполнял обязанности заведующего кафедрой корейского языка. Позже при его участии были также открыты отделения корейского языка в Институте внешней торговли (1948–1950 гг.) и на историческом факультете МГУ (1950–1953 гг.). Работал он также в ряде других востоковедных вузов Москвы. Однако основным местом работы И. И. Хвана оставался Московский институт востоковедения, в котором он с января 1951 г. стал доцентом кафедры истории стран Дальнего Востока.

С закрытием МИВа в 1954 г. он вплоть до 1959 г. работал в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР.

В эти годы раскрылся во всей полноте незаурядный педагогический талант Иннокентия Ивановича. Ему пришлось поднимать целину во многих областях корееведения: обучать корейскому языку и письму, создавать курсы и спецкурсы по истории Кореи с древнейшей эпохи до современности, методические разработки и учебные программы по корейскому языку и истории Кореи. И. И. Хваном были составлены и изданы стеклографским способом «Учебные материалы по корейскому языку» (Ч. 1–2. МИВ, 1946–1947), «Хрестоматия по корейскому языку» (Ч. 1–2. МИВ, 1948–1949), включавшая образцы исторических текстов, документов и законов, а также ряд других учебных пособий. Им было подготовлено не одно поколение специалистов по Корее.

Иннокентий Иванович был моим первым учителем корейского языка в МИВе, куда я поступил в 1948 г. У меня сохранились студенческие записи его первых уроков корейского языка. Я помню, как И. И. Хван обучал нас буквам корейского алфавита. Следует иметь в виду, что в то время почти не было ни литературы по корейскому языку, ни словарей,

ни учебных пособий. И Иннокентий Иванович был первопроходцем в корееведении. Хотя он не имел специального филологического образования, он пытался трактовать звуковой состав корейского языка и грамматику, исходя из своего восприятия. Запомнились мне и лекции по истории Кореи, которые читал нам И. И. Хван. Читал он их медленно, иногда детально останавливаясь на отдельных ключевых событиях корейской истории. Эти лекции я застенографировал в трех общих тетрадах. Для того времени все сказанное Иннокентием Ивановичем и другими моими корейскими учителями воспринималось как новое слово. И мы, студенты МИВа, относились к ним трепетно.

И. И. Хван всегда старался совмещать педагогическую работу с научной. Он был одним из первых советских ученых, защитивших кандидатскую диссертацию по истории Кореи. Трудовой путь Иннокентия Ивановича не был гладким. Так, в 1958 г. почти лишенный работы И. И. Хван писал в своем обращении в ЦК КПСС: «...Еще в 30-е годы я решил всю свою жизнь посвятить изучению истории корейского народа и делу подготовки... кадров по Корее... Участвовал непосредственно в создании в СССР корейских отделений и групп в Партшколе при ИККИ, МИВе, ИВТе, МГУ и других учебных заведениях для подготовки практических и научных работников по Корее. В этих вузах читал курсы лекций по истории Кореи, обучал корейскому языку, руководил аспирантами. Эти специалисты работают в различных учреждениях в СССР и за его пределами. В 1958 г. в связи с сокращением педагогической нагрузки был переведен на полставки. Попытки найти работу не увенчались успехом. В таком же положении находится и моя жена, кандидат филологических наук Екатерина Михайловна Цой. Это оказывает весьма отрицательное влияние на моральное состояние всех членов семьи...» Директор Института востоковедения АН СССР акад. Б. Б. Гафуров не мог предоставить ему работу в то время. Лишь спустя год, в 1959 г., И. И. Хван был принят в Институт да и то не по специальности (видимо, из-за негативного к нему отношения со стороны некоторых корееведов Института), а в Отдел информации по современным вопросам. Спустя некоторое время он был переведен в Отдел памятников письменности народов Востока, где занимался научной деятельностью в должности научного сотрудника до выхода на пенсию в 1981 г.

Опубликованное научное наследие И. И. Хвана не столь велико в количественном отношении (около 30 печатных работ и столько же, хранящихся в рукописи), ибо, к сожалению, не получили завершения его крупные творческие замыслы. Внимание И. И. Хвана всегда привлекали события героического прошлого корейского народа, требовавшие работы над сложнейшими источниками. Он, по существу, был первопроходцем в изучении истории Кореи в послевоенный период. Его любимым героем на протяжении всей жизни был Ли Сунсин, прославленный флотоводец периода Имджинской войны корейского народа против японских захватчиков в 1592–1598 гг. Этому периоду посвящены его кандидатская диссертация (1950 г.) и ряд статей, в том числе статьи о первом в мире бронированном корабле-«черепахе» («Кобуксон»). По этому же периоду И. И. Хваном были выполнены в секторе исторического источниковедения Института востоковедения АН СССР комментированный перевод на русский язык «Полного собрания официальных и личных бумаг Ли Сунсина» («Ли Чхунму-гон чонсо»; 35 а. л.), кстати, отредактированный доктором исторических наук Н. Ц. Мункуевым для издания, но так и неопубликованный, и незавершенный перевод дневниковых записей Лю Соннёна, очевидца событий Имджинской войны — «Назидательные записки о трудном времени» («Чинбирок»). И. И. Хваном написан ряд работ по истории освободительной борьбы корейского народа против иноземных нашествий киданей (X в.), чжурчжэней (XII в.), монголов (XIII в.) и т. д.

Иннокентий Иванович вел большую просветительскую работу среди советских корейцев, воспитывая у них любовь и уважение к богатому культурному прошлому своего народа. С этой целью им были составлены и опубликованы на корейском языке, в сопровождении вступительных статей и комментариев, сборники «Классические корейские повести» (М., 1965) и «Сказание о войне в год Дракона. Избранные классические повести» (М., 1966). Будучи членом комиссии по литературному наследию Чо Мёнхи при Союзе писателей СССР, И. И. Хван многое сделал для восстановления доброго имени одного из ярких представителей корейской пролетарской литературы 1920-х годов, основоположника советской корейской литературы: осуществил научное издание избранных произведений Чо Мёнхи на корейском языке (М., 1960) и посвятил его творчеству несколько статей в корейской газете «Ленин кичи» («Ленинское знамя»).

Иннокентий Иванович был человеком скромным, весьма щепетильным и требовательным к себе и к окружающим людям. Он всегда делился своими обширными знаниями, умело направляя своих учеников и коллег на трудные творческие поиски. Это был настоящий учитель, ученый, просветитель. Иннокентий Иванович Хван Донмин скончался 17 февраля 1985 г. в Москве.

Л. Р. Концевич

Основные труды И. И. Хван Донмина

Список опубликованных работ

1. Учебные материалы по корейскому языку. Ч. I. М., МИВ, 1946 (стеклогр. изд.).
2. Учебные материалы по корейскому языку. Ч. II. М., МИВ, 1947 (стеклогр. изд.).
3. Курс корейского языка. (Книга для чтения). М., Военный ин-т иностр. языков, 1947. (В соавт. с Хан Дык Поном).
4. Программа по корейскому языку для студентов корейского отделения Института внешней торговли. М., 1948 (стеклогр. изд.).
5. Хрестоматия по корейскому языку. Вып. 1. Образцы исторических текстов. М., МИВ, 1948 (стеклогр. изд.).
6. Хрестоматия по корейскому языку. Вып. 2. Образцы исторических документов и законов. М., МИВ, 1949 (стеклогр. изд.).
7. Ли Сун Син. Канд. дис. М., 1949 (МИВ).
8. Сборник важнейших документов КНДР. Учебное пособие. М., МИВ, 1949 (стеклогр. изд.).
9. Программа по корейскому языку для студентов восточного отделения Истфака МГУ. М., Изд-во МГУ, 1950.
10. Ли Сун Син (Страницы из истории героической борьбы корейского народа против иноземных захватчиков конца XVI в.). — Краткие сообщения ИВ АН СССР, вып. 1, 1951.
11. Программа по древней и средневековой истории Кореи. (Для кор. отд. Московского ин-та востоковедения). М., МИВ, 1951.
12. Программа по новой и новейшей истории Кореи. (Для кор. отд. Московского ин-та востоковедения). М., МИВ, 1952.
13. Чо Мёнхи чакпхум сонджип (*Те Мён Хи*. Избранные сочинения). М., ИВЛ, 1959. (Сост.; Вступ. ст.: Писатель Тё Мен Хи; Примеч.) (изд. на кор. яз.).
14. Классические корейские повести XVII — XVIII вв. — Газ. «Ленин ки-чи», 2–3 июня 1961 г.

15. О корейской литературе XVII — XVIII вв.— Газ. «Ленин кичи», 1 июля 1961 г.
16. Источники и материалы по истории Кореи X — XV вв. (Сост., пер. и коммент.).— Хрестоматия по всеобщей истории. Т. 2. М., Соцэкгиз, 1962.
17. Рец. на кн.: Константинов В. Оросия коку суймудан.— «Вопросы истории», 1962, № 2.
18. Чосон сосоль чип (Сборник корейских повестей). I. М., ИВЛ, 1962(Сост.; Вступ. статья; Примеч.) (изд. на кор. яз.). Т. I включает повести — Хон Гильдон джон, Чон Учхи джон, Сим Чхон джон, Хынбу джон, Чхунхян джон, Чанхва Хоннён джон.
19. Чосон коджон сосоль чип (Классические корейские повести). М., ГРВЛ, 1965. (Сост.; Вступ. статья «О сборнике «Классические корейские повести»; Примеч.) (изд. на кор. яз.). Сборник включает повести на ханмуне, переведенные на современный корейский язык — *Ким Сисыл*. Ли-сэн-ква Чхве-ран (пер. Ю Чхансон и Чхве Сихак); *Ким Сисыл*. Манбокса-ый юннори (пер. Ю Чхансон и Чхве Сихак); *Лим Дже*. Чэпхан паннын пхатчви (пер. Ли Джаын); Унён джон (пер. Хан Джисик); *Пак Чивон*. Ходжилъ (Пом-ый ккуджун) (пер. Хон Гимун); *Пак Чивон*. Мин-ноин джон (пер. Хон Гимун); *Пак Чивон*. Янбан джон (пер. Хон Гимун); *Пак Чивон*. Хо-сэн джон (пер. Ли Гапки).
20. Имджиннок (Сказание о войне в год Дракона). М., ГРВЛ, 1966. (Подгот. текста к изд.; Вступ. статья; Примеч.) (изд. на кор.яз.). Сборник включает повести — Имджиннок, Пак-сси пуин джон, Тхокки джон, Чанкки джон, Сукхян джон, Пэбиджан джон.
21. Собрание официальных и личных бумаг флотоводца Ли Сунсина (1545–1598).— Письменные памятники Востока. М., 1970.
22. Политика минского Китая в Корею.— «Государство и общество в Китае». 3-я научная конференция. Вып. 2, М., 1972.
23. Вклад В. В. Бартольда в историографию стран Дальнего Востока.— Бартольдовские чтения. 1974. Тезисы. М., 1974.
24. Корейское судно «Кобуксон».— Детская энциклопедия. Т. 6. М., 1975.
26. Флотоводец Ли Сун Син.— Детская энциклопедия. Т. 8. М., 1976.
27. Корейский источник о нашествиях киданей в конце X — начале XI в.— Письменные памятники Востока. М., 1981.

Рукописные работы

Из списка научных трудов от 31 августа 1959 г.:

1. История коммунистического движения в Корею.— 6 а. л. 1941–1943 (ДСП).
2. К вопросу о введении воинской повинности в Корею.— 2 а. л. 1942 (ДСП).

3. О политике японского империализма в области переселения корейцев в Маньчжурию. 1942.— 2 а. л. (Рук.).
4. Из истории борьбы корейских коммунистов против фракционных элементов (1921–1928 гг.). 1943.— 2 а. л. (Рук.).
5. Из истории русско-корейских отношений во второй половине XIX в. 1945.— 2 а. л. (Рук.).
6. Ли Сун Син. Канд. дис. М., 1948.— 268 с. (Рук.) (МИВ).
7. О хозяйственной и культурной жизни древнекорейских племен. 1957.— 3 а. л. (Рук.).

Из списка научных трудов от 1 марта 1964 г.:

8. Учебные программы по корейскому языку. 1945–1956 (Рук.).
9. Учебные программы по истории Кореи. 1945–1950 (Рук.).
10. Древняя история Кореи. Учебное пособие. 1957.— 4 а. л. (Рук.).

Из списка научных трудов от 27 ноября 1964 г.:

11. Политическое положение в Южной Корее. 1962 (для АПН).
12. Военная хунта в Южной Корее. 1962 (для АПН).

Из списка научных трудов от 23 ноября 1967 г.:

13. «Ли Чхунму-гон чонсо» (Полное собрание бумаг Ли Чхунму). Изд. текста, пер. и исслед. 1962–1967.— 35 а. л. (Рук.).

Из списка научных трудов от 25 июня 1971 г.:

14. Основные корейские памятники по истории освободительной войны 1592–1598 гг. 1971.— 1 а. л. (Рук.).
15. Корейский флот в войне с Японией в конце XVI в. 1971.— 1,5 а. л. (Рук.).
16. Мемуары Лю Соннёна как источник по истории Кореи XVI в. 1969.— 0,5 а. л. (Рук.).
17. Отношения государства Корё с чжурчжэнями в XII в. 1970.— 2,5 а. л. (Рук.).
18. Корейские памятники об экономическом и культурном состоянии Кореи в конце XVI в. 1968.— 1,5 а. л. (Рук.).
19. Из истории освободительной войны корейского народа 1592–1598 гг. 1971.— 2,5 а. л. (Рук.).

Из списка научных трудов от 10 июля 1975 г.:

20. О дешифровке японских имен, написанных иероглифами в японском чтении (на примере памятников XVI в.). 1975.— 0,3 а. л. (Рук.).
21. О корейских кораблях «Кобуксон» (Из истории науки и техники Кореи конца XVI в.). 1975.— 1,2 а. л. (Рук.).
22. О корейских официальных документах *чанге* на примере черновиков Ли Сунсина. 1975.— 0,5 а. л. (Рук.).
23. Корейский памятник «Тонгук пёнгам» о монгольских нашествиях в XIII в. 1975.— 2,5 а. л. (Рук.).
24. Об элементах письменности иду, встречающихся в черновиках официальных бумаг Ли Сунсина. 1975.— 0,5 а. л. (Рук.).
25. Корейский исторический памятник «Чинбирок». Вступит. ст., пер. и коммент. 1979.— 12 а. л. (Рук.).
26. Некоторые новые подходы к изучению корейских документальных источников на примере памятника «Ли Чхунму-гон чонсо». 1979.— 2 а. л. (Рук.).

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ХОЛОДОВИЧ

(1906–1977)

Если спросишь, кем я стану
После смерти, я отвечу:
Над вершиною Пынная
Стану я сосной высокой.
Пусть замрет весь мир под снегом,
Зеленеть один я буду.

Сон Сан Мун
перевод Анны Ахматовой
по подстрочному переводу А. А. Холодовича

Выдающийся востоковед, крупный лингвист-теоретик и один из пионеров отечественного корееведения, Александр Алексеевич Холодович, родился 11 (24) мая 1906 г. в Кронштадте в семье флотского офицера.

Востоковедное образование (японская филология) А. А. Холодович получил на кафедре дальневосточных языков Ленинградского университета, который он окончил в 1927 г. На этой же кафедре, возглавлявшейся в те годы известным японоведом Н. И. Конрадом, А. А. Холодович в 1932 г. приступает к чтению курсов по грамматике современного японского литературного языка и старояпонского письменного языка. О содержании второго из них можно судить по изданному А. А. Холодовичем в 1935 г. в стеклографическом исполнении учебному пособию «Грамматика (морфология — синтаксис) японского литературного языка». В 1937 г. вышла в свет книга А. А. Холодовича «Синтаксис японского военного языка», в которой нашла отражение оригинальная концепция автора об изоморфизме структуры слова и предложения. Это исследование было защищено А. А. Холодовичем в качестве кандидатской диссертации.

В эти же годы А. А. Холодович начинает интенсивно заниматься и корейским языком.

Вопрос об организации практического и теоретического изучения корейского языка в Санкт-Петербургском универси-

тете был поставлен еще в конце 80-х годов XIX в. Частично он был решен в 1897 г., когда на кафедре китайско-маньчжурской словесности корейский язык стал преподавать сотрудник корейской миссии в Санкт-Петербурге Ким Пён Ок. Однако учредить самостоятельную кафедру корейского языка и тем самым сделать корееведение одной из полноправных отраслей русского востоковедения руководству тогдашнего факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, несмотря на все его усилия, не удалось. Правда, в 1914 г. Министерство народного просвещения одобрило предложение факультета об оставлении при университете его выпускника Николая Иосифовича Конрада для приготовления к профессорскому званию с тем, чтобы он специализировался в области корейской филологии. Это могло бы стать первым шагом в реализации давнишних планов по созданию кафедры корейской словесности в стенах Санкт-Петербургского университета. Но Н. И. Конрад в дальнейшем предпочел посвятить себя японистике и синологии, где он впоследствии снискал себе лавры крупнейшего советского востоковеда и удостоился высоких академических званий. Таким образом, к 30-м годам XX в. корейская филология по-прежнему оставалась по существу «белым пятном» в российском востоковедении, представляя широкий простор для научной деятельности и самореализации пытливого ученого.

Возможно, это обстоятельство и побудило талантливого молодого япониста А. А. Холодовича заняться параллельно с японистическими штудиями и исследованиями в области корейского языка. К углубленному изучению грамматического строя корейского языка А. А. Холодовича стимулировала и необходимость читать лекции по грамматике корейского языка и вести практические занятия по чтению корейских текстов в группе слушателей корейского цикла, набор которой был осуществлен в 1934 г.

Опыт преподавания корейского языка, приобретенный А. А. Холодовичем в эти годы, и ряд работ по корейскому языку, написанных им до конца 1930-х годов (статья «О латинизации корейского письма» — 1935 г., статья «Корейский язык» в «Большой советской энциклопедии» — 1937 г., учебное пособие «Грамматика корейского языка. Морфология» — 1938 г., работа «Строй корейского языка», вышедшая в серии «Строй языков» под общей редакцией известного языковеда А. П. Рифтина в 1938 г.), явились для него той

базой, на основе которой он смог в сжатые сроки организовать преподавание всего круга корееведческих дисциплин на отделении корейской филологии Ленинградского университета в 1947 г.

Послевоенный ренессанс ленинградско-петербургского востоковедения, связанный с возрождением в 1944 г. в стенах Восточного факультета Ленинградского государственного университета (до 1917 г. Факультета восточных языков Санкт-Петербургского Императорского университета) коснулся и корееведения. В 1947 г. на Восточном факультете открываются два новых отделения: корейской филологии и истории Кореи. Первое из них организационно входило первоначально в состав кафедры японской филологии, второе стало одним из отделений кафедры истории стран Дальнего Востока. Отделение корейской филологии возглавил доцент А. А. Холодович, заведовавший в то время кафедрой японской филологии, а руководство отделением истории Кореи осуществлял известный русский востоковед, специалист по истории и этнографии народов Дальнего Востока профессор Николай Васильевич Кюнер (1877–1955).

Учреждение одновременно двух корееведческих отделений отвечало новым установкам по подготовке востоковедческих кадров, в соответствии с которыми факультет должен был готовить специалистов по двум самостоятельным профилям: филологии и истории стран Востока. Языковая подготовка востоковедов-историков обеспечивалась филологическими кафедрами.

В первые годы существования корееведения в послевоенном Ленинградском университете все теоретические курсы по корейской филологии, а также практикумы по чтению корейских текстов различных жанров вел сам А. А. Холодович. Занятия по чтению текстов он вел блестяще. Аудитория в это время превращалась в творческую студию, где Мастер демонстрировал ученикам, как надо «делать дело». Видно было, что он сам получал от таких занятий явное удовольствие, и его увлеченность творческим процессом поиска адекватной передачи по-русски смысла корейского текста захватывала и слушателей. Тонкая лингвистическая интуиция и прекрасное владение русским художественным словом, ценителем которого он всегда был, позволяли А. А. Холодовичу найти, казалось, единственно приемлемый вариант перевода корейской фразы. Так А. А. Холодович подходил к чтению любого тек-

ста, будь то незамысловатая сказка из корейской школьной хрестоматии, сложный отрывок из корейского современного романа или средневековое *сиджо*.

Трудно сказать, как А. А. Холодович оценивал то время в своей жизни, но это была, бесспорно, нелегкая для него пора. Времени и сил требовали и его административные обязанности как главы кафедры японской филологии и заведующего отделением корейской филологии, и подготовка к текущим занятиям на японском и корейском отделениях, и разработка учебных планов, программ и новых курсов. На эти же годы приходится и напряженная работа по подготовке докторской диссертации «Очерки по строю японского языка», защищенной А. А. Холодовичем в 1949 г. Он же ведет в это время и общефакультетский курс «Введение в языкознание» для студентов-филологов всех специальностей. Лекции А. А. Холодовича по этому курсу, кстати сказать, пользовались необыкновенной популярностью у студентов и часто заканчивались аплодисментами аудитории, покоренной изяществом аналитической мысли и артистизмом лектора.

Вместе с тем А. А. Холодович прекрасно понимал, что его первоочередной задачей является составление корейско-русского словаря и систематического курса грамматики корейского языка, без которых трудно было обеспечить эффективное преподавание языка. И уже в 1950 г. студенты могли пользоваться, правда, пока еще рукописной версией корейско-русского словаря, изданного через год московским Государственным издательством иностранных и национальных словарей. В это же время А. А. Холодович работает и над составлением курса «Теоретическая грамматика корейского языка», который он, по его собственному признанию, читал, что называется, «с колес»: только что приготовленная глава работы становилась предметом изложения на очередном занятии в аудитории. В 1954 г. материалы этого курса вышли отдельной книгой в Издательстве литературы на иностранных языках под названием «Очерк грамматики корейского языка».

Корейско-русский словарь «образца 1951 года», который явился первым словарем этого рода в истории русского корееведения, на первых порах был важным подспорьем для учащихся. Но он не мог вполне удовлетворить ни пользователей словарем, ни его составителя прежде всего по причине бедности словника. Поэтому А. А. Холодович продолжает усиленно

работать над новым вариантом «Корейско-русского словаря», увидевшего свет в 1958 г. Последний весьма существенно отличался от своего прародителя. Его словник был доведен до шестидесяти тысяч единиц. Большинство словарных статей были усовершенствованы и расширены за счет указаний сочетаемостных свойств слова и увеличения набора русских синонимичных эквивалентов для корейского заглавного слова, что позволяло пользователю словарем легко подобрать в соответствии с требованиями контекста подходящее русское соответствие. В этом словаре А. А. Холодович применил новую транскрипцию для передачи звучания корейских слов, впервые использованную им в «Очерке грамматики корейского языка». Словарь содержал также обширное предисловие, в котором впервые в отечественном корееведении были рассмотрены теоретические и практические проблемы, возникающие в связи с подачей в словаре так называемой ханмунной лексики, составляющей три четверти корейского лексикона. Названные достоинства словаря А. А. Холодовича обеспечили ему долгую жизнь, и даже теперь, когда в распоряжении корейстов имеются «Большой корейско-русский словарь», вышедший в 1976 г. под редакцией Л. Б. Никольского и Цой Ден Ху, и другие лексикографические пособия, подготовленные московскими корееведами, он широко используется специалистами.

Исключительно важную роль в развитии отечественного корееведения сыграл и «Очерк грамматики корейского языка» — один из главных трудов в корееведческом наследии А. А. Холодовича. Это было первое в отечественных пределах систематическое описание практически всех аспектов грамматического строя корейского языка, отвечавшее самым высоким требованиям лингвистической науки того времени. Вышедшая под грифом «учебного пособия для высших учебных заведений», работа А. А. Холодовича по своему теоретическому уровню выходила далеко за пределы обычного учебника иностранного языка. В ней нашли оригинальное решение многие вопросы, встающие перед исследователем при описании корейского языка (в частности, такие как структура корейского слова, состав частей речи в корейском языке, систематика и описание грамматических категорий имени и предикатива), а также были поставлены новые проблемы и намечены пути их решения. Лингвистические идеи, высказанные А. А. Холодовичем на страницах «Очерка», на протяжении многих лет оказывали заметное влияние на всех тех,

кто вслед за ним брался за изучение тех или иных проблем грамматики корейского языка. До недавнего времени грамматика А. А. Холодовича оставалась единственной в российском корееведении.

Непрерывно совершенствуя программу подготовки кореевдов-филологов, А. А. Холодович с начала 1950-х годов начинает читать на отделении специальный курс по истории корейского языка, что вполне отвечало филологическим традициям бывшего Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, унаследованным Восточным факультетом Ленинградского государственного университета. В первом своем варианте этот курс состоял из трех компонентов: анализа текста королевского эдикта о введении корейского национального письма («Хунмин чоным»), краткого общего обзора памятников корейской письменности, составленного по книге известного корейского лингвиста Чхве Хёнбэ «Изучение корейской письменности», и чтение фрагментов из корейского памятника XV в. «Песнь о драконе, летящем в небесах» («Ён би о чхон га»), сопровождаемого подробным грамматическим и культурным комментарием. Позднее предметом филологического анализа в этом курсе становятся и другие памятники корейской словесности, в частности, образцы поэтических произведений в жанре *сиджо* и *хянга*. Один из фрагментов этого курса А. А. Холодовича, посвященный описанию грамматического строя среднекорейского языка на основе анализа текста «Ён би о чхон га», был подготовлен к печати и издан в 1986 г. попечением московского корееведа Л. Р. Концевича (*Холодович А. А. Материалы по грамматике корейского языка XV в. Вып. 5 и 6. М., Наука, 1986*). В последний раз А. А. Холодович обращается к истории корейского языка в 1958 г., когда он в течение одного семестра вел специальный семинар для преподавателей и аспирантов кафедры, посвященный критическому разбору работ корейских ученых Ян Джудона и Хон Гимуна и японского корееведа Огура Симпэй по реконструкции фонологической системы и грамматического строя корейского языка X в.

Благодаря активной научно-педагогической и организаторской деятельности А. А. Холодовича уже ко времени первого выпуска питомцев отделения, состоявшегося в 1952 г., был заложен надежный фундамент для подготовки в стенах ЛГУ кадров квалифицированных специалистов по Корее и созданы предпосылки для дальнейшего развития корееведения на Восточном факультете Ленинградского университета.

Большое место в деятельности А. А. Холодовича как заведующего отделением корейской филологии (с 1952 г. преобразованного в кафедру корейской филологии) занимали вопросы, связанные с выработкой представлений о составе специальных корееведческих дисциплин, структуре и содержании соответствующих курсов и методике преподавания корейского языка. В частности, А. А. Холодович предложил начинать преподавание корейского языка на первом курсе со специального «Вводного фонетического курса» с тем, чтобы учащиеся уже на начальном этапе знакомства с корейским языком имели ясные представления о том, как артикулируются звуки корейской речи. Начальную лекцию к этому курсу, называвшуюся «О различии языков в фонетическом отношении», собственноручно написал А. А. Холодович.

Другое новшество в методике преподавания корейского языка, введенное А. А. Холодовичем, заключалось в переходе от так называемого «тематического» принципа к «ситуационному». При такой методике преподавания разговорного языка учащиеся в первую очередь должны были овладеть характерными для данного языка стандартными речевыми реакциями на ту или иную коммуникативную ситуацию. Большую роль в этом случае играет практическое овладение набором клишированных выражений, постоянно воспроизводимых в повседневной жизни.

А. А. Холодовичу же принадлежит и идея создания курса «Сопоставительная грамматика русского и корейского языков». Цель этого курса заключалась в том, чтобы познакомить учащихся с совокупностью правил, связанных с адекватной передачей по-корейски содержания различных, чаще всего многозначных, русских грамматических конструкций.

А. А. Холодович предложил также трансформировать курс «Введение в корейскую филологию», соответствовавший аналогичным курсам на других кафедрах Восточного факультета, в курс «Введение в корееведение», включив в него, кроме общих сведений о корейском языке, корейской литературе и истории их изучения, краткий обзор истории духовной и материальной культуры Кореи — с тем, чтобы дать студентам возможность составить первое, но вполне цельное представление о стране изучаемого языка.

Заседания кафедры, которые А. А. Холодович проводил регулярно два раза в месяц на протяжении всего учебного года, рассматривались им не только как инструмент управле-

ния учебным процессом, но в первую очередь как средство вовлечения молодых преподавателей кафедры в науку, как способ привить им интерес к научным разысканиям в той или иной области корееведения. Во всяком случае заседания кафедры корейской филологии, проходившие по председательством А. А. Холодовича, больше напоминали научно-методические семинары. На них никогда не заслушивались отчеты кураторов учебных групп о политико-воспитательной работе со студентами или план кафедральных мероприятий в связи с очередной годовщиной Октябрьской революции, что было в порядке вещей в те времена. Более того, на таких заседаниях, как правило, не обсуждались даже вопросы текущей учебной деятельности (итоги экзаменационной сессии, итоги очередного набора студентов, распределение педагогических поручений и т. п.), которые А. А. Холодович предпочитал решать «в рабочем порядке». Предметом обсуждений на заседаниях кафедры были по преимуществу либо научные сообщения преподавателей и аспирантов (чаще всего это были обсуждения очередной главы диссертационного исследования), либо программы лекционных курсов и практикумов, либо обсуждение статей по корееведению, подготовленных членами кафедры, и, разумеется, многочисленные доклады самого А. А. Холодовича.

Велика заслуга А. А. Холодовича и в организации на кафедре корейской филологии работы по переводу на русский язык корейской художественной литературы, особенно классической прозы и поэзии Кореи, дотоле практически неизвестных русскому читателю. В 1954 г. в Государственном издательстве художественной литературы вышла книга «Корейские повести», включившая в себя три шедевра корейской классики: «Сказание о птице фазане», «Повесть о Хон Кильдоне» и «Повесть о Чхунхян». Их переводы на русский язык были выполнены молодыми преподавателями кафедры, а вступительную статью и комментарий к сборнику написал сам А. А. Холодович.

Спустя два года в том же издательстве вышла в свет со вкусом оформленная книга «Корейская классическая поэзия», составителем и редактором которой, а также автором вступительной статьи был А. А. Холодович. Любители поэзии по достоинству оценили это событие, о чем свидетельствует тот факт, что та часть тиража книги, которая поступила в магазины Ленинграда, была распродана практиче-

ски мгновенно. Такому успеху «Корейской классической поэзии» способствовал не только интерес читающей публики к восточной экзотике, каковой была для нее корейская поэзия, но и имя переводчицы: автором русских поэтических переводов различных форм корейской классики, выполненных по подстрочным переводам А. А. Холодовича и других сотрудников кафедры, была прославленная русская поэтесса Анна Андреевна Ахматова. В ее мастерских переводах корейское поэтическое слово зазвучало необыкновенно свежо и притягательно.

А. А. Холодович стал организатором работы ленинградских корееведов и над подготовкой второго, расширенного, сборника корейских классических повестей. Последний вышел в Издательстве восточной литературы в 1960 г. и включал в себя русские переводы одиннадцати наиболее популярных произведений этого жанра.

В последующие годы выпускники кафедры корейской филологии Ленинградского государственного университета, храня традиции, заложенные их учителем, продолжили активную работу по переводу корейской классики и современной корейской прозы и поэзии, которая открыла русскому читателю ранее почти неизвестную ему область мировой литературы.

В начале 1960-х годов А. А. Холодович задумывает новое капитальное исследование по грамматике корейского языка под условным названием «Научный синтаксис современного корейского языка». Теоретической базой этой работы должны были стать лингвистические идеи А. А. Холодовича, которые он изложил в статье «Опыт теории подклассов слов», опубликованной в журнале «Вопросы языкознания» в 1960 г. Предполагалось, что в работе над книгой примут участие все члены кафедры, занимающиеся изучением грамматики корейского языка.

Но этим планам не суждено было сбыться. В 1961 г. в составе Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР по постановлению Президиума АН создается сектор структурно-типологического изучения языков, что само по себе было для того времени большим шагом вперед на пути освобождения отечественной лингвистики от пут «марксистско-ленинского языкознания». А. А. Холодовичу, который в лингвистических кругах уже давно был известен как приверженец структурного метода в языкознании, предложили возглавить

новый отдел в ЛО Института языкознания, и в 1961 г. он навсегда оставляет университет и корееведение, целиком посвятив себя решению новых задач.

Столь резкое изменение творческих планов А. А. Холодовича в начале 1960-х годов вполне объяснимо в контексте его научной биографии. Дело в том, что он всегда тяготел к проблемам общей лингвистики. Неслучайно первой научной работой А. А. Холодовича, написанной им в возрасте двадцати пяти лет, была статья «Патер Шмидт и яфетическая теория», в которой нашло отражение его тогдашнее увлечение идеями основателя «нового учения об языке» Н. Я. Марра. На Восточном факультете ЛГУ А. А. Холодович долгое время читал курс «Введение в общее языкознание», в 1950-е годы он ведет семинары по общему синтаксису и читает спецкурс по истории синтаксических учений на филологическом факультете ЛГУ, переводит и редактирует русские издания классических трудов Г. Пауля, Н. С. Трубецкого, Ф. де Соссюра. Многие статьи А. А. Холодовича посвящены отнюдь не грамматике японского или корейского языков, а общелингвистическим проблемам, к которым он всегда питал особое пристрастие. Более того, именно это пристрастие А. А. Холодовича к высокой теории и придавало его грамматическим штудиям по японскому и корейскому языкам столь характерную для них глубину мысли и оригинальность.

В Ленинградском отделении Института языкознания А. А. Холодович трудился вплоть до своей кончины 20 марта 1977 г. Обладая прекрасными организаторскими способностями и мощным творческим потенциалом, А. А. Холодович сумел сплотить вокруг себя работоспособный коллектив единомышленников из сотрудников возглавляемого им отдела и других секторов института, а также языковедов из иных научных учреждений, который на основе единой концепции, разработанной А. А. Холодовичем, на протяжении многих лет плодотворно работал над проблемами типологического изучения грамматической семантики в языках мира. На этом поприще А. А. Холодович снискал заслуженное признание как выдающийся русский лингвист-теоретик и как основатель ленинградско-петербургской типологической школы.

Уход А. А. Холодовича из отечественного корееведения был, несомненно, крупной потерей для последнего. Но и того, что ему удалось свершить за годы его деятельности на Восточном факультете Ленинградского университета в изучении

грамматического строя корейского языка, в подготовке корееведческих кадров и в популяризации корейской классической литературы в России, более чем достаточно для того, чтобы имя А. А. Холодовича навсегда осталось в истории российского корееведения звездой первой величины. Но, пожалуй, самое главное в творческом наследии А. А. Холодовича — это явленный им образец беззаветного служения науке, всепоглощающей страсти поиска истины, постоянного движения вперед. Где бы ни трудился А. А. Холодович — на Восточном факультете Ленинградского (ныне, как и в прежние времена, Санкт-Петербургского) университета или в Институте языкознания (теперь это Институт лингвистических исследований), он всюду был новатором, и именно в этом качестве прежде всего он остался в памяти благодарных потомков.

А. Г. Васильев

Основные труды А. А. Холодовича*

1. О латинизации корейского письма.— Советское языкознание. Т. 1. Л., 1935.
2. Грамматика корейского языка. Ч. 1. Морфология. М., Изд-во Московского ин-та востоковедения, 1937.
3. Корейский язык.— Большая советская энциклопедия. Т. 34. М., 1937.
4. Строй корейского языка. Л., Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1938. (Серия: Строй языков. Под общ. ред. А. П. Рифтина. Вып. 9).
5. Пер.: Корейские сказки — Сказки народов Востока. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938.
6. Корейско-русский словарь. Сост. А. А. Холодович. М., Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. (Приложения: О транскрипции; Географические названия; Список корейско-китайских фамилий; Список наиболее употребительных иероглифов и их корейское чтение).
7. Пер. и прим.: *Рамстедт Г. И.* Грамматика корейского языка. Под ред. и с предисл. Б. К. Пашкова. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951.
8. Корейский язык.— Большая советская энциклопедия. Изд. 2. Т. 22. М. 1953.

* Здесь помещены только труды по корееведению. Полный список работ А. А. Холодовича см.: *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории. Л., 1979, с. 299–303.

9. Очерк грамматики корейского языка (Учебное пособие для вузов). М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1954.
10. Сост., общ. ред., вступит. статья и коммен.— Корейские повести. Пер. с корейского Лим Су, М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич. М., Гослитиздат, 1954.
11. Ред.: Хан Дык Пон, Хван Юн Дюн В. А., Ким Ф. З. Учебник корейского языка для 1-курса. Вып. 1. М., 1954.
12. Ред.: Хан Дык Пон, Хван Юн Дюн В. А., Ким Ф. З. Учебник корейского языка для 1-курса. Вып. 2. М., 1954.
13. Ред.: Кан Гён Э. Проблема человечества. Пер. с корейского А. А. Артемьевой. М., Гослитиздат, 1955.
14. Общая редакция, предисл. и примеч.— Корейская классическая поэзия. Пер. с корейского А. Ахматовой. М., Гослитиздат, 1956; Изд. 2: М., Гослитиздат, 1958.
15. О проекте реформы корейской орфографии 1949 г.— Вопросы корейского и китайского языкознания. (Ученые записки ЛГУ № 236. Серия востоковедческих наук. Вып. 6), Л., Изд-во Ленинградского ун-та, 1958.
16. Корейско-русский словарь. Около 60 000 слов. Изд. 2, переработанное. М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 1958. (Приложения: Географические названия; Список корейско-китайских фамилий; Хронологические таблицы).
17. Ред.: Вопросы корейского и китайского языкознания (Ученые записки ЛГУ № 236. Серия востоковедческих наук, вып. 6.). Л., 1958.
18. Корейско-русский словарь. М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей.— Переиздание версии словаря 1958 г.
19. Ред.: Корейские новеллы. Пер. с корейского. М., Изд-во восточной лит-ры, 1959.
20. Кафедра корейской филологии.— Востоковедение в Ленинградском университете. Ученые записки ЛГУ № 296. Серия востоковедческих наук, вып. 13. Изд-во Л., 1960.
21. Сост.: История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. Пер. с корейского А. Васильева, Лим Су, Д. Елисеева, Г. Кузиченко, М. Никитиной, Г. Рачкова, А. Троцевич. М., Изд-во восточной лит-ры, 1960.
22. О предельных и неопредельных глаголах (по данным корейского и японского языков).— Филология стран Востока. Сб. статей. Л., Изд-во Ленинградского ун-та, 1963.
23. Ред.: Никитина М. И., Троцевич А. Ф. Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., «Наука», 1969.

24. Ред.: «Хунмин чоным» («Наставление народу о правильном произношении»). Исследования, пер. с *ханмуна*, примеч., прилож. и указ. Л. Р. Концевича. М., «Наука», 1979.
25. Материалы по грамматике корейского языка XV века. Фонетика. Приложения. Предварительные публикации Отдела языков Института востоковедения АН СССР. Вып. 5. Публикация подготовлена к печати Л. Р. Концевичем. М., «Наука», 1986.
25. Материалы по грамматике корейского языка XV века. Морфология. Приложения. Предварительные публикации Отдела языков Института востоковедения АН СССР. Вып. 6. Публикация подготовлена к печати Л. Р. Концевичем. М., «Наука», 1986.

ФАНЯ
ИСААКОВНА
ШАБШИНА
(КУЛИКОВА)

(1906–1998)

Фаня Исааковна Шабшина родилась 25 октября 1906 г. в г. Копысь Витебской области (Белоруссия) в семье служащего. В 1923 г. поступила на словесное отделение Института слова, однако, обучение в нем не закончила, так как в 1925 г. институт был закрыт. В 1926–1930 гг. училась во 2-м Московском государственном университете (на его основе в 1930 г. был создан Московский государственный педагогический институт им. Ленина).

С 1930 г., по окончании университета, на протяжении 8 лет жизнь Ф. И. Шабшиной была связана со знаменитым на всю страну Московским металлургическим заводом «Серп и молот». Здесь начала она свою трудовую деятельность: работала заведующей учебной частью заводской школы фабричного ученичества (ФЗУ), занимавшейся профессиональным обучением и общим образованием рабочих, затем там же и в той же должности была на рабфаке (рабочем факультете), готовившем молодых рабочих к поступлению в высшие учебные заведения, руководила партийным кабинетом завода. Годы, проведенные на заводе «Серп и молот», Ф. И. Шабшина всегда вспоминала тепло и благодарно. Пребывание в хорошем трудовом коллективе, общение с интересными, духовно богатыми людьми из среды рабочих и заводской интеллигенции сформировали те прекрасные жизненные принципы, которым она следовала до конца дней. Где бы она потом ни жила и ни работала, с заводом и старыми друзьями-заводчанами не теряла контакта никогда.

На заводе «Серп и молот» Ф. И. Шабшина обрела и свое личное счастье. Ее мужем, верным другом на всю жизнь стал Анатолий Иванович Куликов. Об этом замечательном человеке нельзя не сказать, поскольку он сыграл важную роль не

только в ее судьбе, но и в советско-корейских отношениях, в отечественном корееведении. Рабочий прокатного цеха на заводе, он много и упорно учился, закончил японо-корейское отделение Московского института востоковедения и стал дипломатом. В течение 9 лет жил и работал в Корее: в 1939–1946 гг. был вице-консулом Генерального консульства СССР в Сеуле, в 1946–1948 гг. — заместителем политического советника СССР в Пхеньяне (по условиям того времени принял фамилию жены и был известен как Шабшин). Впоследствии, находясь в Москве, А. И. Куликов по-прежнему имел по службе прямое отношение к Корее. Превосходный знаток Кореи, автор одного из первых корейско-русских словарей, он постоянно общался с учеными, поддерживал их словом и делом, за что те платили ему большим уважением.

В 1938 г. Ф. И. Шабшина перешла на работу в редакцию популярной молодежной газеты «Комсомольская правда». Вначале возглавляла отдел студенческой молодежи; затем — отдел литературы и искусства. Журналистская деятельность значительно расширила ее жизненный и политический кругозор, обогатила знакомством со многими видными мастерами художественного творчества, научила анализировать, писать, редактировать. Вместе с тем, именно тогда с особой силой проявились наихудшие черты того тяжелого периода истории нашей страны, и Ф. И. Шабшина вспоминала два года (1938–1940), проведенные в редакции «Комсомолки», как самую мрачную страницу своей биографии.

К слову сказать, «Комсомольская правда» — не единственная газета, где Ф. И. Шабшина приобретала журналистский опыт. В 1942–1943 гг. ей пришлось некоторое время работать заместителем редактора другой популярной газеты — «Советский спорт», о чем впоследствии рассказывала с юмором, так как ее личные наклонности были далеки от увлечения спортом.

Осенью 1940 г. Ф. И. Шабшина прибыла в Сеул, к месту службы мужа. Начавшаяся в июне 1941 г. Великая отечественная война, угроза нападения Японии на СССР вынудили советских дипломатов в Сеуле отправить свои семьи на родину. Но уже весной 1943 г. Ф. И. Шабшина смогла вернуться в Корею. Здесь она находилась до середины 1946 г., когда США, оккупировавшие Южную Корею, закрыли Генеральное консульство СССР в Сеуле. Таким образом, в общей сложности «корейский стаж» Ф. И. Шабшиной превышал 4 года. Проме-

жуток времени не такой уж большой, но в ее дальнейшей судьбе он сыграл, пожалуй, решающую роль.

Находясь в Корее, Ф. И. Шабшина не была, как многие другие, просто женой дипломата. Она преподавала в средней школе при Генконсульстве. Но главное — внимательно изучала страну пребывания, ее историю, географию, культуру, быт и традиции народа. Путешествуя по Корее, выясняла особенности разных провинций, знакомилась с достопримечательностями. Разумеется, самым важным для Ф. И. Шабшиной было современное положение колониальной Кореи, и ранее очень тяжелое, но еще более ухудшившееся в годы Второй мировой войны. Воспитанная в духе подлинного интернационализма, она была полна искреннего сочувствия к бедствиям корейского народа, угнетенного и униженного японскими поработителями. Ф. И. Шабшина регулярно следила за местной прессой, активно общалась с людьми, прежде всего корейцами, среди которых были и участники освободительного движения. Впечатления от Кореи и ее народа запечатлелись в ней на всю жизнь, не раз впоследствии выплеснувшись на страницы ее трудов.

Однако не в характере Ф. И. Шабшиной было, находясь в такой стране и в такое время, оставаться, хотя бы и неравнодушным, но все же только созерцателем. Свои наблюдения, накопленные знания, размышления о происходившем в Корее она реализовала по собственной инициативе в многочисленных информационных справках и аналитических записках, направлявшихся в Москву. Тематика их была разнообразна: положение корейских трудящихся в годы Второй мировой войны, нравы и обычаи корейцев, японская колониальная администрация в Корее, идеологические маневры японских колонизаторов и т. д. Когда Южную Корею заняли американцы, в сравнительно небольшой срок пребывания в Сеуле Генконсульства СССР, Ф. И. Шабшина составляла обзоры южнокорейской прессы, материалы об экономико-географическом и политическом положении Юга, мероприятиях военной администрации США, условиях жизни населения, политических партиях и общественных организациях Южной Кореи и пр. Можно не сомневаться, что это были, без всякого преувеличения, настоящие научные разработки о Корее сложнейшего, переломного периода ее истории, полезные для тех, кто занимался тогда отношениями СССР с соседней страной. Своим наставником в изучении Кореи и в ту пору, и всегда потом Ф. И. Шабшина называла А. И. Куликова.

Отмеченные выше этапы трудовой биографии Ф. И. Шабшиной, при несомненной значимости каждого из них, справедливо, как нам кажется, считать только подготовительными к главному в ее жизни — к ее приходу в науку, в корееведение.

Летом 1946 г., после закрытия американцами Генерального консульства СССР, Ф. И. Шабшина покинула Сеул. Пробыв некоторое время в Пхеньяне, возвратилась на родину. В ноябре 1946 г. она стала младшим научным сотрудником Тихоокеанского института АН СССР, который в 1950 г. влился в переведенный из Ленинграда в Москву Институт востоковедения АН СССР. Здесь Ф. И. Шабшина защитила кандидатскую диссертацию в 1953 г. по книге «Народное восстание 1919 года в Корее», а в 1963 г. — докторскую по двум томам «Новейшей истории Кореи». С 1956 г. — старший научный сотрудник ИВ АН СССР. Неоднократно ей предлагалось дальнейшее продвижение по служебной лестнице, но она упорно отказывалась, ограничившись тем, что с начала 1960-х годов в течение четверти века возглавляла Корейскую группу Отдела социалистических стран Азии (в настоящее время — Отдел Кореи и Монголии). В 1980 г. Ф. И. Шабшина перешла на должность старшего научного сотрудника-консультанта, в 1986 г. ушла на пенсию, но продолжала творческую деятельность.

В науку Ф. И. Шабшина пришла и начала работу в ней в качестве всего лишь младшего научного сотрудника в том возрасте, в котором иные уже становятся докторами наук. У этого обстоятельства, однако, имелась положительная сторона: к научной деятельности приступил человек, обладавший не только большим жизненным и творческим опытом, но и обширными знаниями о стране, изучению которой собирался себя посвятить. При ее уме, энергии, богатом творческом потенциале и работоспособности, Ф. И. Шабшина очень скоро выдвинулась на лидирующие позиции в науке, хотя и не занимала в ней никогда крупных руководящих постов. С самого начала тепло и уважительно относились к ней Е. М. Жуков, А. А. Губер, А. Л. Гальперин, другие выдающиеся ученые-востоковеды. Их она всегда почитала как своих учителей. Надо отдать должное — она оказалась их достойной ученицей.

Свою научную деятельность Ф. И. Шабшина начала с того, к чему прикоснулась лично, живя и работая в Сеуле, — с новейшей историей Кореи. На этом направлении отечественного корееведения она постоянно оставалась ведущим специалистом. Проблемы новейшей истории Кореи освещались в ее пер-

вой большой статье «Великая Октябрьская социалистическая революция и крестьянское движение в Корее» («Вопросы истории», 1949, № 6).

Первым крупным научным произведением Ф. И. Шабшиной явилась книга «Народное восстание 1919 года в Корее», вышедшая в 1952 г. и, как уже говорилось, защищенная в качестве кандидатской диссертации. Впервые объектом разностороннего и глубокого исследования стало одно из самых мощных народных движений в Азии после окончания Первой мировой войны и Октябрьской революции в России. В книге выявлены причины восстания в Корее, коренившиеся в нестерпимой грабительской политике японских колонизаторов, показан процесс перерастания мирных демонстраций в массовую вооруженную борьбу корейского народа, жестоко подавленную японской военщиной, дана характеристика причин поражения восстания и его роли в истории Кореи. Несмотря на то, что в книге, с современной точки зрения, есть некоторые спорные места (переоценка воздействия на Корею Октябрьской революции в России, отрицание влияния знаменитых «14 пунктов» президента США В. Вильсона, чрезмерно негативный подход к националистическим деятелям — инициаторам антияпонского выступления и т. д.), она до сих пор остается лучшей работой о важнейшем событии в истории национально-освободительной борьбы корейского народа.

Судьба самой книги, о которой сказано выше, сложилась весьма драматично. В ней уделялось достаточно много внимания Пак Хон Ёну (Пак Хен Ену) — видному корейскому коммунисту, писавшему о восстании 1919 г. в Корее. Ф. И. Шабшина близко знала и уважала его, использовала его труды по интересовавшей ее теме. Вскоре после выхода ее книги Пак Хон Ён был репрессирован в КНДР (до конца дней своих она не верила в его виновность). Книга Ф. И. Шабшиной по этой причине была закрыта. Нетрудно себе представить, каких тревожений стоило это ее автору. Лишь в 1958 г. удалось выпустить второе, переработанное и сокращенное, издание книги «Народное восстание 1919 года в Корее».

Дальнейшие занятия Ф. И. Шабшиной проблемами новейшей истории Кореи отражены в ряде публикаций, разных по объему и тематике. Самые значительные из них — «Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953 гг.)» (М., 1958) и «Очерки новейшей истории Кореи (1918–1945 гг.)» (М., 1959), ставшие ее докторской диссертацией. Несколько странный поря-

док издания этих книг, видимо, вызван тем, что приоритет был отдан периоду, к которому относилась незадолго перед тем закончившаяся Корейская война (1950–1953). Свою научную ценность оба тома «Очерков» не утратили и в настоящее время. Основанные на широком круге источников и литературы на русском, корейском, японском, китайском, английском и немецком языках, они весьма наглядно и подробно рисуют почти полувековую историю Кореи до и после ее освобождения от колониальной неволи, рассказывают о важнейших событиях социально-экономического и политического развития страны, вынеся на первый план борьбу корейского народа сначала против японских, а затем — американских оккупантов. Значительное место отведено Корейской войне.

Современным исследователям «Очерки» могут быть интересны не только солидной фактурой, взглядами автора по тому или иному конкретному поводу, но и тем, что в них воплощены некоторые общие черты концепции, бытовавшей во время их написания: предпочтение всему, что было связано в Корее с деятельностью коммунистов, воздержание от малейшей критики в их адрес, резко отрицательное отношение к националистическому потоку освободительного движения, сугубо положительная оценка политики СССР в Корее и т. д. Такой подход был свойствен тогда всем, кто писал об истории (причем, не только корейской) после 1917 г., и «Очерки» не могли быть исключением.

Изучая истоки народного восстания 1919 г., Ф. И. Шабшина неизбежно должна была обратиться к периоду, предшествовавшему аннексии Кореи Японией, отличавшемуся невиданным до той поры подъемом национально-освободительного движения.

В первом издании своей книги о 1919 г. она поместила «Хронику восстаний в Корее (1906–1911 гг.)», извлеченную из служебного документа японского военного командования, опубликованного Генерал-губернаторством Кореи в 1912 г. Это важное подспорье для тех, кто интересуется политической историей Кореи времен японского протектората над ней (1905–1910). Указанному периоду посвящены также ее статьи «Борьба корейского народа против установления японского протектората (1906–1911)» в «Кратких сообщениях Института востоковедения АН СССР» (1952, № 6) и «Освободительное движение корейского народа в 1905–1910 гг.» в сборнике «Первая русская революция и международное революционное движе-

ние» (М., 1956). Таким образом, Ф. И. Шабшина внесла определенную лепту и в изучение новой истории Кореи.

Всегда питавшая повышенный интерес к окружающей ее действительности, Ф. И. Шабшина распространяла его и на изучаемую страну. Вполне закономерно поэтому, что она не ограничилась хоть и недавним, но все же прошлым Кореи и обратилась к ее современным проблемам, сосредоточив на них основное внимание. Как и всех, кто был причастен к делам Кореи, ее волновала участь этой страны: насильственное ее расчленение, возникновение двух корейских государств, война между ними, стараниями внешних сил превращенная в опаснейший международный конфликт. Неслучайно одной из первых ее печатных работ стала статья «Корея после Второй мировой войны» в сборнике «Кризис колониальной системы» (М., 1949). В связи с Корейской войной и ее последствиями Ф. И. Шабшина опубликовала несколько небольших статей. Войне и предшествовавшему ей пятилетию целиком посвящены упоминавшиеся ранее «Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953 гг.)».

Каждое из двух государств, образовавшихся в 1948 г. на Корейском полуострове, в той или иной мере являлось для Ф. И. Шабшиной объектом исследования. Ситуация на Юге освещалась в названных выше работах, а также в главах «Захватническая политика США в Корее и борьба народных масс Южной Кореи за независимость (август 1945 — июнь 1950)» и «Освободительное демократическое движение в Южной Корее» (в соавторстве с В. М. Мазуровым) в коллективных трудах «Корейская Народно-Демократическая Республика» (М., 1954) и «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.)» (М., 1959). Однако главной темой для Ф. И. Шабшиной (как и для большинства тех, кто занимался в СССР современными проблемами Кореи) все же являлась Корейская Народно-Демократическая Республика. Проводимые там демократические преобразования, достижения в экономике, культуре, повышении уровня жизни народа показаны ею в брошюре «Со скоростью чхоллима. В новой Корее» (М., 1961), главе «Ленинизм и победа народно-демократической революции в Корее» в коллективной монографии «Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока» (М., 1970) и других работах. Первый в нашем корееведении опыт сопоставительного анализа пути, пройденного двумя частями Кореи после ее освобождения, был предпринят в коллектив-

ной монографии «Корея: Север и Юг» (М., 1965) в главе Ф. И. Шабшиной «Некоторые уроки минувшего двадцатилетия (1945–1965)».

Аналитический склад ума, усилившееся в процессе научной деятельности стремление подняться над сухой конкретикой, глубже вникать в суть исследуемых явлений и отражаемых ими тенденций общественного развития привели к тому, что Ф. И. Шабшина начала отдавать предпочтение вопросам социализма применительно к реалиям КНДР. Изучение теории и практики социализма считалось приоритетной задачей обществоведения в СССР. Расширение мировой социалистической системы, вхождение в нее разных по характеру и уровню развития стран Азии делали необходимым выявление специфики воплощения каждой из них общей для всех сущности новой формации. Первой и, пожалуй, единственной крупной работой в указанном направлении явилась книга Ф. И. Шабшиной, содержание которой видно из ее названия: «Социалистическая Корея (о формах проявления в КНДР общих закономерностей строительства социализма)» (М., 1963). На большом фактическом материале в книге рассмотрено своеобразие реализации основополагающих черт социализма в политике, экономике и культуре КНДР. Кроме того, Ф. И. Шабшина выступила по одной из дискутировавшихся в советском востоковедении тем со статьей «Теоретические проблемы некапиталистического пути развития» («Народы Азии и Африки», 1966, № 4).

Одинаковый интерес к теории и практике строительства социализма в Азии породил замечательный авторский «дуэт» в составе Ф. И. Шабшиной и Г. Ф. Кима. Автору данной статьи не раз приходилось наблюдать совещания этого небольшого творческого коллектива, в ходе которых случались и дискуссии, но чаще всего царили взаимопонимание и единомыслие. Из всего круга закономерностей социализма, определявших переход к нему ранее отсталых стран Азии, Ф. И. Шабшина и Г. Ф. Ким избрали две, которые считали самыми главными, решающими: пролетарский интернационализм, т. е. всемерная помощь этим странам их союзников, прежде всего СССР, и союз рабочего класса с крестьянством. Итогом их совместной разработки проблем реализации этих закономерностей в конкретных условиях ряда стран, в том числе КНДР, стали книги «Пролетарский интернационализм и революция в странах Востока» (М., 1967) и «Союз рабочего класса с крестьянством и опыт социалистических стран Азии» (М., 1977).

Через некоторое время к первой из названных выше важнейших, как тогда полагали, закономерностей социализма пришлось обращаться снова. Внутренние противоречия, исподволь нараставшие в социалистическом лагере, все явственнее сказывались и на Востоке, в том числе, и весьма заметно, — в КНДР. Всячески выпячивали там национальные особенности в ущерб общим принципам строительства социализма, уклонялись от участия в интеграционных процессах, в выработке единого курса в международных делах, замалчивали или преуменьшали значение помощи СССР и других стран, все достижения республики изображались как результат исключительно опоры на собственные силы и т. д. Необходимо было разъяснить советской и мировой общественности истинное положение дел. Под руководством Г. Ф. Кима и Ф. И. Шабшиной были созданы международная редколлегия и большой коллектив авторов из 7 стран (Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, СССР и Чехословакии), опубликовавшие капитальный труд «Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии» (М., 1983). На примере Вьетнама, Монголии и КНДР в нем показано действительное соотношение внешних и внутренних факторов строительства социализма в Азии, подчеркнут вывод о том, что возрастание роли интернациональной солидарности и сотрудничества социалистических стран — закономерность, определяющая успешное развитие каждой из них.

Те же причины, о которых только что сказано, вызвали появление нового вида корееведческой литературы — «мемуарных сборников». Открытая полемика с историографией КНДР по поводу освободительной миссии СССР в Корее, его роли в возникновении КНДР, отстаивании ею своей независимости и суверенитета, проведении там коренных преобразований у нас не допускалась. Оставалось только, по выражению Ф. И. Шабшиной, вести «разговор двух глухих», когда каждая сторона, как бы не слыша другую, утверждает свое. По ее инициативе и под ее руководством началось издание серии сборников воспоминаний и статей участников освобождения Кореи в августе 1945 г., советских специалистов, трудившихся в различных сферах экономики и культуры КНДР, активистов Общества советско-корейской дружбы, ученых. Всего удалось выпустить четыре таких сборника: «Во имя дружбы с народом Кореи» (М., 1965), «Нерушимая дружба» (М., 1971), «Освобождение Кореи» (М., 1976) и «За мир на земле Кореи» (М., 1985). Как

автор, Ф. И. Шабшина не участвовала в них, но в каждый вложила частицу своих знаний и души.

Обстановка, в которой приходилось работать советским корееведам, занимавшимся актуальными проблемами современности, принуждала их, если так можно выразиться, в известной мере «раздваиваться». В публикациях, рассчитанных на массового читателя, можно было лишь одобрительно отзываться о внутренней и внешней политике властей КНДР, показывать только достижения Республики в экономике и культуре, тем более, что их действительно имелось немало. Писать об ошибках и недостатках, высказывать критические замечания не разрешалось. Это расценивалось как вмешательство в дела союзника, чреватое ухудшением отношений с ним, и без того не очень хороших. Вместе с тем, высшему руководству СССР, правительственным ведомствам, связанным с КНДР, необходимо было знать истинную ситуацию в соседней стране, чтобы формировать корейскую политику на более прочной научной основе. Для этого существовала система «закрытых» изданий, подготовки справочно-аналитических материалов «для служебного пользования», доступных ограниченному кругу лиц в партийных и правительственных органах. В них можно было сообщать и размышлять о том, о чем возбранялось говорить в открытой печати.

В такого рода работе Ф. И. Шабшина, конечно же, принимала самое деятельное участие. Ее занимали преимущественно политико-идеологические проблемы Трудовой партии Кореи (партийное строительство, проявления национализма, возникновение и усиление культа личности, идеи *чучхе* и их соотношение с марксизмом-ленинизмом, позиции ТПК в международном коммунистическом движении и в мировой социалистической системе и т. д.). По ним было написано множество информационных справок и аналитических записок лично Ф. И. Шабшиной и в соавторстве с Г. Ф. Кимом, В. К. Паком, В. Д. Тихомировым и другими коллегами. Немалая их часть готовилась по ее инициативе. По перечисленным проблемам она неоднократно выступала на разного рода рабочих совещаниях, ситуационных анализах, материалы которых затем часто направлялись в соответствующие организации.

Несколько крупных исследований «закрытого» плана были выполнены корееведами ИВ АН СССР также по инициативе Ф. И. Шабшиной, под ее руководством и при непосредственном участии. Они публиковались в издававшемся институтом

«Специальном бюллетене», предназначенном «для служебного пользования». Это «Трактовка некоторых проблем корейской истории в историографии КНДР» (1963, № 43), «Некоторые вопросы идеологической деятельности Партии трудящихся Вьетнама и Трудовой партии Кореи» (1964, № 50) и «Корейско-китайские отношения с древнейших времен до наших дней» (1965, № 58). Эти три работы (они давно перестали быть «закрытыми») не утратили своей научной значимости до сих пор, поскольку освещают истоки ряда важных явлений современной действительности КНДР. Среди них выделялась вторая, в которой Ф. И. Шабшина (в соавторстве с В. Л. Ли) впервые столь подробно и аргументированно показала ситуацию в политике и идеологии ТПК к началу 1960-х годов.

Среди тем, интересовавших корееведение, одна долгое время оставалась недоступной — история коммунистического движения в Корее. Имевшиеся в СССР документы и материалы давали основание освещать ее не совсем так, как это делала официальная историография КНДР. История коммунистического движения считалась исключительной прерогативой ТПК и заниматься ею у нас категорически не рекомендовалось. В своих трудах по новейшей истории Кореи Ф. И. Шабшиной и Г. Ф. Киму удавалось лишь отчасти ее касаться. Но к концу 1970-х годов сложности в советско-корейских отношениях подтолкнули руководство КПСС к решению ослабить прежнее ограничение. Последовало даже указание опубликовать сборник документов и материалов по истории корейского коммунистического движения. Его подготовка возлагалась на ИВ АН и Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. На долю Ф. И. Шабшиной, возглавившей эту работу, выпала трудная задача — написать развернутое теоретическое и конкретно-историческое введение к сборнику. Однако большой труд ее и всего коллектива составителей оказался напрасным: советско-корейские отношения в 1984 г. улучшились и партийное руководство отменило издание сборника.

Накопленные в ходе подготовки сборника документы и материалы все же не пропали даром. На их основе, а также используя личный архив, источники и литературу на нескольких языках, Ф. И. Шабшина опубликовала в 1988 г. «Историю корейского коммунистического движения (1918–1945 гг.)», излагавшую существовавшее в то время у нас видение этой истории, со всеми трудностями и ошибками (самих корейских коммунистов и руководившего ими Коминтерна), с показом реальных

заслуг главных действующих лиц. Книга была издана «для служебного пользования». Но в СССР уже начиналась перестройка, связанная, в частности, с отказом от чрезмерной «за-секреченности», и работа Ф. И. Шабшиной быстро получила широкое распространение, оставаясь в нашем корееведении единственной до сих пор.

Выполняя большой объем исследований «закрытого» характера, Ф. И. Шабшина одновременно продолжала интенсивно трудиться в интересах корееведения и для широкого читателя. Периодически возникала потребность в создании общих очерков истории Кореи, которые подытоживали бы работу по отдельным ее периодам и проблемам и создавали условия для дальнейшего развития науки. В них Ф. И. Шабшина обычно являлась основным автором разделов по новейшей истории Кореи. Так было в первом у нас солидном историческом очерке в коллективном труде «Корейская Народно-Демократическая Республика» (М., 1954) и в справочном издании «Современная Корея» (М., 1971). Но особенно велик ее вклад в обобщающий научный труд, остающийся до сих пор самым крупным и содержательным в отечественном корееведении, — двухтомную «Историю Кореи (с древнейших времен до наших дней)» (М., 1974). Фактически возглавляя это фундаментальное издание, она написала предисловие ко 2 тому и (одна или в соавторстве с Г. Ф. Кимом) 8 из 9 глав первой части тома, охватывающей период 1917–1945 гг. Помимо того, ее перу принадлежат разделы о Корее в ряде томов «Всемирной истории», «Большой советской энциклопедии», нескольких учебных пособиях и т. д., а также (в соавторстве с В. К. Паком и В. Д. Тихомировым) в «Истории международных отношений на Дальнем Востоке. 1945–1977 гг.» (Хабаровск, 1978).

Во второй половине творческого пути Ф. И. Шабшина выступила с двумя томами своих мемуаров, которые, вне всякого сомнения, заняли достойное место в мировом, не только отечественном, корееведении. Оба они основаны на дневниковых записях давних лет, воспоминаниях автора, до конца дней своих обладавшего прекрасной памятью, и обширном круге источников, редких или вообще не сохранившихся, что делает сами эти книги источниками для историков.

Первая из них — «Южная Корея 1945–1946 гг. Записки очевидца» (М., 1974) — повествует о Корее последних лет господства в ней японских колонизаторов и первого года после ее освобождения, о жизни на Юге в условиях установленного там

американского военно-оккупационного режима, борьбе патристических сил за демократию, социальный прогресс, сохранение национального единства Кореи. В книге содержатся любопытные этнографические зарисовки, рассказы о встречах и беседах со многими политиками и дипломатами, деятелями литературы и искусства, простыми корейцами, впечатления от непродолжительной поездки в Пхеньян. Умный, наблюдательный, полный сочувствия и симпатии к стране и ее народу автор не только воссоздает для читателей остроту внутренних противоречий на Юге и сопротивления патриотов вмешательству в корейские дела извне, но и противопоставляет то, что видел и знал, с чем лично соприкоснулся, попыткам зарубежной историографии исказить в недобросовестных целях суть событий первого и, может быть, самого трудного года существования освобожденной Кореи.

Не умаляя значения всего, что сделано Ф. И. Шабшиной в корееведении, стоит все же, на наш взгляд, особо выделить ее последнюю книгу — «В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца» (М., 1992). Ее изданием она выполнила данное в предыдущей книге мемуаров обещание со временем вернуться к воспоминаниям о Корее конца колониального периода. Однако новая книга гораздо шире и богаче по содержанию, чем было обещано раньше и заявлено в ее названии. В некотором смысле она итоговая в научном творчестве Ф. И. Шабшиной.

Условно книгу можно разделить на три части. Первая — это яркие картины советской действительности 1920–1930-х годов, сложной, противоречивой, в чем-то даже трагической, и одновременно замечательной, полной трудового энтузиазма и духовного подъема в обществе, рассказ о множестве людей, известных и незаметных, хороших и не очень, встречавшихся на жизненном пути в молодости и так или иначе запечатлевшихся в памяти. Словом, это история человеческого и гражданского становления автора.

Вторая часть книги — непосредственно о колониальной Корее, какой ее видела, понимала и почувствовала Ф. И. Шабшина в 1940–1945 гг. Здесь и личные впечатления автора, ставшегося как можно больше увидеть и узнать, сведения из официальных японских изданий и газет того времени, пересказ услышанного от многих людей, с которыми приходилось общаться, в том числе видных участников антияпонского движения. В результате создается многоплановый, впечатляю-

щий образ Кореи накануне и во время ее избавления от колониальной неволи. В ряде аспектов он расширяет наши прежние представления об этом отрезке ее истории.

Однако главное во второй части — научные проблемы положения Кореи и национально-освободительной борьбы ее народа в указанный период. Автор не просто напоминает читателям важнейшие явления и процессы того времени, добавляя ранее неизвестные и интересные детали, но подходит к ним по-новому, с позиций более чем сорокалетнего научного опыта и с учетом коренных перемен, происходивших в нашей стране и в мире со второй половины 1980-х годов. Касаясь созданной в отечественном корееведении при ее участии концепции истории Кореи 1918–1945 гг., Ф. И. Шабшина утверждает, что она в основном выдержала проверку временем, но вместе с тем некоторые взгляды и оценки прошлых лет, в том числе ее собственные, нуждаются в уточнении и даже пересмотре. В частности, это неправильное отношение к националистическому потоку освободительного движения, преувеличение роли радикальных методов борьбы в ущерб мирным формам и т. д. Подобная самокритичность маститого ученого нечасто встречается в научной среде.

Третья часть — это приход Ф. И. Шабшиной в науку, ее работа в Тихоокеанском институте и Институте востоковедения АН, все то, что составило вторую и самую значительную половину ее жизни. Как и в предыдущих частях, в центре повествования — люди: те, кто приветил ее вначале и помог подняться по трудным ступеням науки, с кем вместе потом трудилась и преданно дружила долгие годы, и, конечно, молодежь, вступившая в науку с 1950–1960-х годов, выросшая на ее глазах и при ее участии. Для каждого у автора нашлись добрые, уважительные слова. С большим удовлетворением и в то же время озабоченностью размышляла Ф. И. Шабшина о прошлых достижениях, современном состоянии и перспективах российского корееведения, о творческом росте ученых. В них явственно ощущаются любовь автора к науке о Корее, которой она отдала большую часть своей жизни, и к коллегам, разделившим с ней эту ее любовь, искренняя забота об их будущем.

Как известно, с конца 1980-х годов начались крупные сдвиги в корейской политике СССР. Его руководство наконец-то пришло к пониманию неизбежности отказа от потерявшего смысл непризнания существовавшей на юге Корейского полуострова реальности — Республики Корея, успешно развивав-

шейся по многим направлениям. Необходимость нормализации отношений с ней Советского Союза уже давно отстаивали в своих обращениях в высшие партийные и государственные инстанции ученые Института востоковедения РАН, в числе наиболее активных — Ф. И. Шабшина. Своими трудами о Южной Корее они в определенной степени подготовили советское общество и его верхи к осознанию целесообразности решительного пересмотра не оправдавшего себя прежнего курса.

В конце 1988 — начале 1989 гг. СССР приступил к налаживанию прямых экономических связей с Республикой Корея. Но от дипломатического признания и установления полномасштабных отношений с ней пока воздерживались. В политических и научных кругах нашей страны развернулась по этому поводу оживленная дискуссия. Ф. И. Шабшина не осталась в стороне от нее. В центральной газете «Известия» она опубликовала большую статью «Можно ли распутать „корейский узел“. Мнение советского ученого», в которой писала: «Время диктует необходимость иных мер и подходов к корейской проблеме, творчески обобщающих весь предшествующий опыт, учитывающих интересы и требования КНДР, всей корейской нации, дела мира и безопасности в регионе и наши национальные интересы. Одной из таких мер может стать признание Советским Союзом Южной Кореи. Таково мое сугубо личное мнение. У него, конечно, есть альтернативы, контраргументы. Мысленно взвешиваю их. И все же на вопрос о целесообразности установления дипломатических отношений с Южной Кореей я лично отвечаю однозначным „да!“» («Известия». 01.09.1989).

Статья Ф. И. Шабшиной, опубликованная во второй по значению советской газете, получила широкий резонанс. В связи с ней заместителю министра иностранных дел СССР И. А. Рогачеву пришлось даже объясняться с иностранными журналистами. На их вопросы относительно высказанного в статье мнения он ответил, что это — не официальная позиция Советского правительства, МИДа СССР. «Наша линия в корейском вопросе остается неизменной, — заявил он, — мы не собираемся идти на дипломатическое признание Южной Кореи» («Правда». 6.09.1989). Такой ответ — один из примеров недальновидной и двусмысленной политики МИДа СССР времен Э. А. Шеварднадзе. Наши интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Корейском полуострове, логика нового курса в корейском вопросе настоятельно требовали того, за что

выступила Ф. И. Шабшина, выражавшая, между прочим, не только свое личное мнение. Не случайно всего через год, 30 сентября 1990 г., СССР все-таки установил дипломатические отношения с Республикой Корея.

Незадолго перед тем, как это произошло, Ф. И. Шабшина опубликовала еще одну статью: «Корейская действительность и советское корееведение» («Проблемы Дальнего Востока». 1990, № 2). Отметив несомненные достижения корееведения, она сосредоточилась на вставших перед ним новых задачах, преимущественно научно-методологического характера. Призывая избавляться от слабостей и недостатков нашего прошлого, в том числе в сфере общественных наук, Ф. И. Шабшина вместе с тем осудила усилившиеся к тому времени нападки на социализм, интернационализм, марксистско-ленинскую теорию, поддерживав тех, кто «зовет не „назад“ к Ленину, а „вперед“ к Ленину».

Что касалось непосредственно Кореи, она изложила свои взгляды относительно того, как надо разносторонне анализировать и реально оценивать историю и современное состояние КНДР и Республики Корея. Вновь Ф. И. Шабшина высказалась за необходимость ее признания Советским Союзом, другими социалистическими странами. «Знаю, — писала она, — о негативной реакции ученых КНДР на высказанное мною по этому поводу сугубо личное мнение („Известия“, 1 сентября 1989 г.), но остаюсь глубоко убежденной, что такая акция целесообразна по многим разноплановым причинам. Она отвечает принципам дружбы и солидарности с нашим стратегическим союзником КНДР, поддержки ее национальных чаяний и инициатив, лежит в русле интересов демократических, патристических сил Юга, наконец, направлена на разрядку напряженности в АТР. Нельзя, конечно, не учитывать при этом и наши национальные интересы» (Там же, с. 97). Уже после выхода этой статьи Ф. И. Шабшина получила из Пхеньяна несправедливое и грубое письмо одного из ведущих корейских историков, что свидетельствовало о том, насколько непросто было отстаивать идею нормализации отношений СССР с Республикой Корея.

Вклад Ф. И. Шабшиной в корееведение трудно переоценить: около десятка книг и брошюр, большое количество глав в коллективных монографиях и статей, широкий пласт поставленных и рассмотренных в них сложных проблем истории и современности Кореи. Этого с лихвой хватило бы на жизнь и труд нескольких солидных ученых. В очередной раз прихо-

дится признать, что с идейно-политических позиций, воцарившихся ныне в российском обществе, не все ее методологические принципы, характеристики и выводы кажутся объективными и оправдавшимися. Сама автор, говоря о времени и о себе, искренне и мужественно сказала об имевшихся недостатках, присущих, впрочем, всей науке в недавнем прошлом.

В свете того, что произошло с мировым социализмом, особый скепсис, вероятно, вызывают у кого-то работы Ф. И. Шабшиной по социалистической тематике. Но она писала о том, что реально существовало, более того, при всех деформациях и изъянах, сохраняется до сих пор в некоторых странах, включая и КНДР. Вряд ли кто-нибудь вправе безапелляционно утверждать, что случившееся в СССР и других странах — это «заключительная глава», а не всего лишь «предисловие» к подлинной истории социализма. До конца дней Ф. И. Шабшина сберегла веру в то, что за социализмом — будущее. Именно поэтому она посвятила ему много времени и сил. Все, что сделано ею на этом, как и на остальных направлениях науки, — это ценное достояние нашего корееведения.

Научные труды — это далеко не все, чем была представлена в корееведении Ф. И. Шабшина. Не занимая высоких официальных постов, она на протяжении многих лет являлась общепризнанным его лидером. К ней часто обращались ученые, преподаватели, специалисты из практических организаций, связанных с Кореей, причем не только Москвы, но и других городов, консультируясь с ней, прося совета и поддержки. И она с готовностью шла всем навстречу, помогая расширению географии отечественного корееведения, его количественному и качественному росту. Труды Ф. И. Шабшиной пользовались известностью в нашей стране и за ее пределами, издавались на разных языках. В частности, книги «Южная Корея 1945–1946 гг.» и «Колониальная Корея» в переводе на корейский язык опубликованы в 1996 г. в Республике Корея. Ф. И. Шабшина поддерживала обширные связи с зарубежными коллегами, которые также видели в ней подлинного главу корееведения в СССР.

Забываясь о современном ей состоянии и перспективах отечественного корееведения, Ф. И. Шабшина делала то, чего сегодня так не хватает нашей науке. Она стремилась преодолеть разобщенность научных центров, сплотить корееведов, содействовать тому, чтобы они лучше знали и понимали друг друга, теснее взаимодействовали в решении стоявших перед наукой

задач. С этой целью в ИВ АН периодически устраивались по ее инициативе научные конференции, координационные совещания широкого состава, встречи с учеными из других городов, вернувшимися из КНДР специалистами, участниками освобождения Кореи и т. д. К трудам по Корее, издаваемым ИВ АН, Ф. И. Шабшина старалась привлечь в качестве авторов, консультантов, рецензентов ученых других научных учреждений, практических работников. Большое внимание уделяла она пропаганде достижений корееведения: добивалась публикации отзывов об интересных книгах в научной печати, проводила коллективные собеседования ученых по проблемам науки о Корее с работниками московских предприятий, активистами Общества советско-корейской дружбы, студенческой молодежью, выступала сама на общественных мероприятиях по поводу Кореи и привлекала к этому своих коллег.

Как ученого, Ф. И. Шабшину отличали не только огромная трудоспособность, теоретическая подготовка, высокий профессионализм, но и острое политическое чутье, умение уловить и своевременно реагировать на то новое, что происходило в изучаемой стране. Так, в числе первых она откликнулась на националистические нотки в публикациях корейских ученых, проявившиеся еще до того, как подобные настроения стали заметны на официальном уровне. В результате под ее руководством была подготовлена и направлена в соответствующие инстанции упоминавшаяся выше большая коллективная работа «Трактовка некоторых проблем корейской истории в историографии КНДР». Примерно таким же образом, когда разгорелся советско-китайский конфликт и КНДР начала занимать в нем «особую» позицию, появилась еще одна упомянутая ранее «закрытая» работа «Корейско-китайские отношения с древнейших времен до наших дней». Это всего лишь два из многих случаев оперативного распознавания и анализа Ф. И. Шабшиной и ее сотрудниками новых и важных явлений корейской действительности.

Можно утверждать, что не будь инициативы и настойчивости Ф. И. Шабшиной, мы бы не имели ряда значительных работ, занявших достойное место в нашем корееведении. Живя интересами науки и находясь в гуще ее проблем, она одной из первых ощущала потребность в такого рода работах и с присущей ей энергией добивалась их издания. Автору данной статьи неловко теперь вспоминать свой спор с ней относительно того, готовы ли, «созрели» ли ученые ИВ АН для написания

крупного обобщающего труда по истории Кореи. Ф. И. Шабшина доказывала, что готовы и должны это сделать и, конечно же, оказалась права. Автор статьи вместе с другими коллегами уже более четверти века относит двухтомную «Историю Кореи (с древнейших времен до наших дней)» к числу главных достижений отечественного корееведения.

Непременным условием профессионального роста ученого Ф. И. Шабшина считала постоянное повышение его научно-теоретического уровня. Сама никогда не забывала об этом и призывала к тому других. По ее словам, каждую новую работу она начинала с изучения теоретических аспектов избранной темы. Обращения к вопросам теории требовала от других авторов, часто ставила их на заседаниях возглавляемой ею Корейской группы при обсуждении проблем истории и современности Кореи. Многие годы Ф. И. Шабшина руководила научно-теоретическим семинаром в отделе, приносившим немалую пользу его участникам. Помимо него, она вела также научно-методологический семинар для молодых ученых отдела, на котором старшие коллеги делились с ними опытом научной деятельности.

Высокий моральный и профессиональный авторитет позволял Ф. И. Шабшиной брать на себя функции воспитателя научного коллектива. В книге «Колониальная Корея» она не без юмора писала, что сотрудники между собой называли ее «мать-игуменя». Часто можно было наблюдать, как в укромном уголке отдельской комнаты или в коридоре Ф. И. Шабшина беседовала с кем-нибудь из коллег, особенно молодых, которых надо было в чем-то поправить, предостеречь от ошибок. Автору данной статьи самому не раз приходилось быть «объектом» таких собеседований, откровенных и неліцеприятных. Конечно, было бы лицемерным сказать, что они доставляли тогда большое удовольствие, тем более молодежи с ее самолюбием и амбициями. Но большинство понимало и принимало критику в свой адрес, высказанную человеком, заслуживающим уважения и доверия, исходящую из самых добрых побуждений.

Доброта вообще была замечательным свойством Ф. И. Шабшиной. Доброта не только на словах, но и на деле. Вникая в жизнь каждого из своих коллег, она старалась практически помочь тем, кто в этом нуждался. В случае необходимости, подключала дирекцию, профсоюзную организацию. Сама лично делала то, что могла. Одному отдала что-то из своей одежды, другому — имевшиеся у нее ценности, чтобы тот сдал их в ломбард и получил срочно понадобившуюся сумму денег,

третьего ссужала деньгами до зарплаты и т. д. Ни к кому и ни к чему не оставалась безучастной. К сожалению, не всегда отзывчивость ценилась, и за добро ей платили добром.

Дом Ф. И. Шабшиной и А. И. Куликова отличался особым гостеприимством. В нем часто собирались друзья разных лет, многие в прошлом занимали видное положение в советском обществе. Удивляло и восхищало, сколько в этих людях, изрядно пожилых и нездоровых, много переживших на своем веку, сохранилось бодрости духа, веселого задора и юмора, сколько у них искреннего уважения и симпатии к хозяину и хозяйке. Как и Ф. И. Шабшина, А. И. Куликов тоже был очень добрым человеком. Навсегда запомнился такой трогательный эпизод. По какому-то делу автор этих строк совещался с Ф. И. Шабшиной у нее дома. Вдруг отворилась дверь, и в комнату вошел А. И. Куликов. С трудом передвигаясь после тяжелой болезни, он нес чашку чая: душа радушного хозяина не могла смириться с тем, что в доме гость, а его не напоили чаем.

Сама Ф. И. Шабшина, хотя тоже было весьма неладно со здоровьем, всегда оставалась приветливой со всеми, веселой и озорной: любила пошутить, посмеяться, с удовольствием воспринимала удачные шутки товарищей, в том числе и в свой адрес. Охотно участвовала в отдельских вечерах с застольем. Иногда они проходили с капустниками по ее сценариям, написанным с выдумкой и юмором. Ее душевные силы и жизнестойкость просто поражали. Неоднократно приходилось видеть, как она, тяжело двигаясь, подходила к институту, но, войдя в него, преображалась, даже молодела, становилась бодрой и энергичной, заражая окружающих своим оптимизмом. На торжественном заседании в честь ее 70-летия заведующий отделом И. С. Казакевич не только приветствовал юбиляра, но и отчитывал сидевших в зале молодых сотрудниц за то, что те не умеют быть такими красивыми и элегантными, как Ф. И. Шабшина, обычно модно и со вкусом одетая и ухоженная, как бы плохо она себя не чувствовала.

Последние годы жизни Ф. И. Шабшина по состоянию здоровья не могла работать, но по-прежнему сохранила светлый ум, твердую память, а главное — огромный интерес ко всему, что происходило в ИВ РАН, в нашей стране, на Корейском полуострове и в мире, благо везде события нарастали тогда стремительно и противоречиво. Чуть ли не каждый день у автора этой статьи звонил телефон и раздавался традиционный вопрос: «Ну, что нового в институте?». После ответа на него сле-

довало обсуждение внутренних и международных проблем, часто перераставшее в бурную дискуссию, которую она вела с привычной для нее наступательной активностью. Однако сердцевину любого телефонного общения с ней все же составляла ее озабоченность тем, как живут и работают коллеги по институту, какие у кого-то личные дела, что можно и нужно срочно предпринять для нуждающегося в помощи и т. д. Даже на исходе жизни, тяжело больная, Ф. И. Шабшина оставалась по-прежнему доброй, отзывчивой, преданной своему делу, товарищам и ученикам.

Заслуги Ф. И. Шабшиной получили достаточно высокую официальную оценку. Она была награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За трудовую доблесть». В 1968 г. ей присвоили почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». Дирекция института многократно отмечала ее работу премиями и благодарностями, общественные организации — почетными грамотами.

Однако все же, наверное, самая высокая награда — уважение и признательность друзей и товарищей, запечатлевшаяся в их душах добрая и светлая память о ней. На вечерах в отделе Кореи и Монголии ИВ РАН, чему бы они ни были посвящены, обязательно вспоминаются тепло и сердечно покинувшие нас замечательные старшие коллеги и учителя и среди них в первую очередь — Ф. И. Шабшина. Нередко можно услышать грустные слова о том, как нам ее сегодня не хватает. Остается только благодарить судьбу за то, что нашему поколению корееведов довелось жить и трудиться среди таких, как она, интересных и крупных ученых, выдающихся знатоков Кореи, добрых и благородных людей.

Ю. В. Ванин

Основные труды Ф. И. Шабшиной

1. Великая Октябрьская социалистическая революция и крестьянское движение в Корее. — Вопросы истории. 1949, № 6.
2. Корея после Второй мировой войны. — Кризис колониальной системы. Национально-освободительная борьба народов Восточной Азии. М. — Л., 1949.
3. Корея в борьбе за свободу. — Октябрь. 1950, № 8.
4. Пять лет со дня освобождения Кореи. — Новое время. 1950, № 33.

5. Народное восстание 1919 года в Корее. М., 1952. Второе, перераб. изд. М., 1958.
6. Борьба корейского народа против установления японского колониального господства (1906–1911).— Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. 1952, Вып. 6.
7. Исторический очерк (с древнейших времен до освобождения в 1945 г.).— Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1954. (В соавт. с В. П. Нихаминым и Г. Д. Тягай).
8. Захватническая политика США в Корее и борьба народных масс Южной Кореи за независимость (август 1945 г.— июнь 1950 г.).— Там же.
9. Корейский народ в борьбе за мир, независимость и национальное единство.— Советское востоковедение. 1955, № 5.
10. Освободительное движение корейского народа в 1905–1911 гг.— Первая русская революция 1905–1907 гг. и международное революционное движение. Ч. II. М., 1956.
11. Корея в период войны на Тихом океане.— Корея. История и экономика. М., 1958.
12. Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953). М., 1958.
13. Очерки новейшей истории Кореи (1918–1945). М., 1959.
14. Освободительное демократическое движение в Южной Корее.— Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.). М., 1959. (В соавт. с В. М. Мазуровым).
15. Со скоростью Чхонлима. В новой Корее. М., 1960.
16. Корейская Народно-Демократическая Республика.— История международного рабочего и коммунистического движения. Ч. II. М., 1962. Ч. III. М., 1966. Ч. IV (В соавторстве с В. К. Паком). М., 1978.
17. Социалистическая Корея (о формах проявления в КНДР общих закономерностей строительства социализма). М., 1963.
18. Трактовка некоторых проблем корейской истории в историографии КНДР (в коллективе авторов).— Специальный бюллетень Института народов Азии АН СССР. 1963, № 43.
19. Некоторые вопросы идеологической деятельности Партии трудящихся Вьетнама и Трудовой партии Кореи. Коммунистическая (Трудовая) партия Кореи.— Специальный бюллетень Института народов Азии АН СССР. 1964, № 50. (В соавт. с В. Л. Ли).
20. Некоторые уроки минувшего двадцатилетия (1945–1965).— Корея: Север и Юг. М., 1965.
21. Разделы о Корее.— Всемирная история. Т. 10. М., 1965; Т. 11. М., 1977. Т. 12. М., 1979. Т. 13. М., 1983.
22. Корейско-китайские отношения с древнейших времен до наших дней. Новейшее время.— Специальный бюллетень Института народов Азии АН СССР. 1965, № 58. (В соавт. с В. К. Паком и М. Н. Ханом).

23. Теоретические проблемы некапиталистического пути развития.— Народы Азии и Африки. 1966, № 4.
24. Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока. М., 1967. Сокр. изд. на англ. яз., 1972. (В соавт. с Г. Ф. Кимом).
25. Октябрьская революция и освободительная борьба народов Востока. М., 1967. (В соавт. с Г. Ф. Кимом).
26. Ленинизм и победа народно-демократической революции в Корее.— Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока. М., 1970.
27. Исторический очерк. Новейшая история.— Современная Корея. Справочное издание. М., 1971. (В соавт. с В. М. Мазуровым и В. К. Паком).
28. Союз рабочего класса с крестьянством и революционный опыт Кореи (1918–1945).— Ленинизм, классы и классовая борьба в странах Востока. М., 1973.
29. Южная Корея. 1945–1946. Записки очевидца. М., 1974. Издана в переводе на корейский язык в Республике Корея.— Сеул, 1996.
30. Корея в начале периода новейшей истории. Политическое и социально-экономическое положение.— История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 2. М., 1974.
31. Послеоктябрьский революционный подъем. Народное движение 1919 г.— Там же.
32. Распространение в Корее марксизма-ленинизма. Развитие коммунистического движения (1920–1925).— Там же. (В соавт. с Г. Ф. Кимом).
33. Образование коммунистической партии Кореи. Расстановка сил и освободительное движение во второй половине 20-х годов (1925–1929).— Там же. (В соавт. с Г. Ф. Кимом).
34. Корея в годы мирового экономического кризиса (1929–1933).— Там же. (В соавт. с Г. Ф. Кимом).
35. Развитие партизанского движения под руководством коммунистов (1932–1935).— Там же. (В соавт. с Г. Ф. Кимом).
36. Создание Чогук кванбокхве. Новый этап корейского освободительного движения (1936–1939).— Там же. (В соавт. с Г. Ф. Кимом).
37. Корея в годы второй мировой войны (1939–1945).— Там же.
38. Союз рабочего класса с крестьянством и опыт социалистических стран Азии. М., 1977. (В соавторстве с Г. Ф. Кимом).
39. Борьба демократических сил против американской политики расчленения Кореи. Образование Корейской Народно-Демократической Республики (в соавторстве с В. К. Паком и В. Д. Тихомировым).— История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945–1977. Хабаровск, 1978.

40. Война США и других империалистических держав в Корее.— Там же. (В том же соавторстве).
41. Корея в международных отношениях.— Там же. (В том же соавторстве).
42. КНДР и Южная Корея: два пути, две политики.— Там же. (В том же соавторстве).
43. Пролетарский интернационализм и проблемы становления социалистической формации в Монголии, Корее и Вьетнаме. Народно-демократические формы перехода к социализму.— Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии. М., 1983. (В авторском коллективе).
44. Общее и национально-особенное в строительстве основ социализма в ранее отсталых странах Азии.— Там же. (В авторском коллективе).
45. Возрастание роли социалистического интернационализма — закономерность социалистического развития. Формы ее проявления в социалистических странах Азии.— Там же. (В авторском коллективе).
46. История корейского коммунистического движения (1918–1945 гг.). М., 1988.
47. Корейская действительность и советское корееведение.— Проблемы Дальнего Востока. 1990, № 2.
48. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. Издана в переводе на корейский язык в Республике Корея.— Сеул, 1996.

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ШИПАЕВ

(1928–1994)

Виктор Иванович Шипаев родился 14 января 1928 г. в селе Арефино Вагского района Горьковской (Нижегородской) области. Его родители — из рабочей среды. Отец — участник Великой Отечественной войны, был ранен, имел государственные награды. Работал главным механиком художественного ремесленного училища в г. Павлово-на-Оке Горьковской области. Мать — домохозяйка.

В сентябре 1945 г., окончив среднюю школу, В. И. Шипаев поступил на Восточный факультет Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета (ЛГУ). Только что закончилась Великая Отечественная война. Наша страна разворачивала восстановление разрушенного войной хозяйства, нужны были кадры всех профилей, включая востоковедов, необходимых для осуществления внешней политики СССР на азиатском направлении, в том числе на Дальнем Востоке, где центром международных отношений оставалась потерпевшая поражение Япония. В. И. Шипаев был принят на Японское отделение, куда по тем временам брали особо надежных и перспективных молодых людей. Каково ему жилось в первые тяжелые послевоенные годы, да еще в Ленинграде, пережившем ужасы трехлетней немецкой блокады, можно легко себе представить.

Невзирая на общие тогда бытовые трудности, полуголодное существование, В. И. Шипаев учился хорошо, с обычной для него старательностью и трудолюбием. Среди его преподавателей был А. А. Холодович — один из крупнейших в ту пору знатоков японского и корейского языков, дававший студентам солидную лингвистическую подготовку. Ее закреплению способствовала языковая практика, проводимая в далеко не комфортных условиях. В августе — сентябре 1947 г. В. И. Шипа-

ев был переводчиком с японского языка на Южно-Сахалинской научно-исследовательской базе Академии наук СССР, а с мая по октябрь 1948 г. работал в том же качестве в одном из лагерей японских военнопленных на Дальнем Востоке. Неплохая в целом языковая подготовка (японский, корейский, английский языки), полученная на Восточном факультете ЛГУ, впоследствии позволила В. И. Шипаеву занять уникальное место в отечественном корееведении.

С ноября 1950 г. В. И. Шипаев — аспирант Института востоковедения АН. Завершив учебу в ноябре 1953 г., он вскоре защитил диссертацию, и получил к концу 1954 г. степень кандидата исторических наук. В ноябре 1954 г. стал младшим научным сотрудником ИВ АН, где проработал до конца жизни. Как и у большинства ученых-гуманитариев того времени, восхождение по служебной лестнице происходило медленно. Лишь в ноябре 1968 г. В. И. Шипаев был назначен на должность старшего научного сотрудника, в которой оставался все последующие годы. Докторской диссертации так и не успел подготовить, хотя по уровню знаний и творческих возможностей, достигнутым в науке результатам вполне заслуживал докторской степени.

Став научным сотрудником ИВ АН, В. И. Шипаев вошел в круг специалистов по Дальнему Востоку высочайшего класса: японоведов (Х. Т. Эйбус, М. И. Лукьянова, П. П. Топеха, Г. И. Подпалова и др.), монголоведов (И. Я. Златкин, С. Д. Дылыков, Г. Д. Санжеев и др.) и, конечно, корееведов — Г. Ф. Ки-ма, Ф. И. Шабшиной, Г. Д. Тягай: В их среде он прошел своеобразный «второй университет». Надо отдать ему справедливость, В. И. Шипаев довольно быстро и основательно влился в эту среду, своей подготовкой, вдумчивой и кропотливой работой над источниками и литературой, стремлением к самостоятельности научных и жизненных позиций вызывая уважительное отношение к себе старших товарищей. Когда через несколько лет состав корееведов ИВ АН пополнился новой научной молодежью (в нее входил и автор данной статьи), в ее глазах он выглядел достаточно зрелым и опытным специалистом, у которого уже тоже было чему учиться.

Кандидатская диссертация В. И. Шипаева писалась им на тему: «Национально-освободительная борьба корейского народа против японского империализма (1918–1931 гг.)». Ее одобрили все читавшие, и она была успешно защищена на Ученом совете ИВ АН. В 1950–1960-е годы история национально-

освободительного движения в Корее до ее освобождения была в СССР в числе наиболее популярных тем, по разным ее аспектам и периодам готовились диссертации, публиковались книги и статьи. Возможно, по этой причине требовательный к себе В. И. Шипаев не считал нужным добиваться издания своей работы в виде книги, хотя она вряд ли уступала другим по качеству. Диссертация, однако, стала исходной базой для разработки им некоторых важных проблем новейшей истории Кореи, в чем он, как японист по образованию, обладал перед остальными заметным преимуществом.

Важной задачей отечественного корееведения 1950–1960-х годов явилось разностороннее освещение ситуации в Корее, положения и освободительной борьбы корейского народа в период японского колониализма (1910–1945). Деятельное участие в этой работе принял и В. И. Шипаев. В наибольшей мере его интересовали социально-экономическое состояние Кореи, особенно в промышленной и финансовой сферах, разорительные последствия эксплуатации Японией ее материальных и людских ресурсов, масштабы и формы становления в жестких колониальных условиях корейского национального капитала. По этим темам В. И. Шипаевым опубликовано несколько работ, среди которых самая крупная — глава (написанная вместе с И. С. Казакевичем) «Корея под гнетом японского империализма» в коллективной монографии «Очерки социалистического строительства в Корейской Народно-Демократической Республике» (М., 1963). Глава, открывавшая книгу, показывала социально-экономическое положение Кореи к концу колониального периода и те факторы (как негативные, так и позитивные), которые влияли на развитие экономики, социальные преобразования в Северной Корее после ее освобождения.

Однако главным для В. И. Шипаева на первом этапе его научной деятельности было, как нам представляется, исследование самого японского колониализма в Корее: определение его истоков, целей и задач, выявление основных методов и форм проникновения в эту страну и ее полного подчинения, анализ внутреннего механизма созданного Японией в Корее колониального режима и характера его действий, прежде всего в экономике и социальной сфере. Интерес к перечисленным проблемам диктовался не только необходимостью глубже вникнуть в те процессы, которые происходили в Корее до ее освобождения, но и политическими потребностями своего вре-

мени. В 1950-х — 1960-х годах активизировался распад мировой колониальной системы, вчерашние колонизаторы пытались разными способами сохранить и утвердить свои прежние позиции и потому считалось важным на примерах истории «старого» колониализма (в том числе японского) предостеречь молодые, только что обретшие независимость государства Азии и Африки от опасных для них политики и практики неоколониализма.

Названные выше проблемы в той или иной степени затрагивались В. И. Шипаевым в ряде работ. Но в концентрированном виде, подробно и глубоко они рассмотрены в его первой книге «Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895–1917)» (М., 1964). Избранные им хронологические рамки объяснялись тем, что с 1895 г. Япония, нанеся военное поражение Китаю, получила широкие возможности для внедрения во все сферы жизни Кореи, а к 1917 г., по мнению автора, в этой стране сформировался японский колониальный режим. Ранняя история японского колониализма в Корее подразделена на три периода: 1895–1905 гг., когда Корея формально оставалась самостоятельной; 1905–1910 гг. — время установления над ней японского протектората и превращения ее в колонию Японии; 1910–1917 гг. — начальный этап существования Кореи в качестве японского генерал-губернаторства. Колониальное закабаление Кореи Японией показано как единый целенаправленный процесс, в котором все периоды были связаны между собой и каждый имел присущие ему задачи, возможности и соответствующий набор колонизаторских действий в социально-экономической, политической, культурно-идеологической областях, подготавливавших переход от одной стадии захвата и эксплуатации Кореи к другой.

Уже в первых работах В. И. Шипаева проявился творческий стиль, свойственный всей его научной жизни. Прежде всего, — повышенный интерес к фактической стороне изучаемой проблемы. Ему были чужды нередкие в науке голые теоретизирования, выдвижение каких-то концепций, слабо обоснованных и подтвержденных фактами. В. И. Шипаев постоянно старался использовать максимум доступных ему источников и подводить под свои книги и статьи широкую и прочную фактическую базу. Для первого этапа — это русские архивы и дореволюционные документальные издания, японские официальные публикации рассматриваемого периода и

сборники материалов, вышедшие в КНДР. Одновременно он, по мере возможности, следил за отечественной и зарубежной литературой по интересующим его темам и использовал приведенные в ней важные данные. Учитывая взгляды и оценки других авторов, В. И. Шипаев относился к ним критически и всегда занимал самостоятельные позиции по всем вопросам. Как правило, в его работах четко прослеживается авторская концепция, они логично построены, обеспечены обширной аргументацией. В них любопытно сочетались строго академическое изложение мыслей и фактов с эмоциональными (чаще всего ироническими или негодующими) высказываниями, отражавшими личное, чисто человеческое отношение автора к тому, о чем он рассказывал.

Обладая способностью заниматься вопросами политики, культуры, идеологии, что также продемонстрировали его первые работы, В. И. Шипаев все же явно отдавал предпочтение социально-экономической проблематике. Оставаясь в основном историком, по набору интересовавших его аспектов исследуемой темы и подходу к ним, способам аргументации и т. д., он все же был близок к востоковедам-экономистам, которые, строго говоря, в большинстве своем являются скорее историками экономики, нежели экономистами в узкопрофессиональном смысле. В. И. Шипаев справедливо полагал, что первопричины многих явлений в политике, культуре, идеологии данного общества лежат в его социально-экономическом устройстве и понять их глубоко и всесторонне можно только с помощью анализа процессов в этой базовой сфере. Потому-то эта сфера и заняла большое место в его научной деятельности.

В творческом наследии В. И. Шипаева выделяется его вторая книга — «Корейская буржуазия в национально-освободительном движении» (М., 1966). Без преувеличения, это уникальное произведение, равного которому в отечественном корееведении нет до сих пор. О корейской буржуазии и ее роли в освободительной борьбе народа Кореи писали не раз и до В. И. Шипаева но делалось это попутно, не очень основательно, нередко на уровне пропагандистских клише. В. И. Шипаев впервые подошел к этой важнейшей теме исследовательски, опираясь на широкий пласт источников и литературы (в том числе южнокорейских), по большей части до той поры не использованных. Он отверг бытовавший прежде огульный подход к корейской буржуазии, как к чему-то единому и

цельному, разграничил ее на компрадорскую и национальную, выявил в последней дополнительную градацию, проследил взаимоотношения между различными группами корейской буржуазии и изменения их позиций в национально-освободительном движении, увязав все это с социально-экономической эволюцией Кореи и политикой японских колониальных властей.

Вероятно, в некоторых своих суждениях автор чрезмерно радикален и категоричен, чего нельзя было избежать в условиях сохранявшегося в нашей науке и идеологии негативного отношения вообще к освободительному потенциалу буржуазии колониальных и зависимых стран. Книга В. И. Шипаева ценна и уникальна главным — детальным, многоаспектным, более или менее объективным показом националистического потока корейского национально-освободительного движения, благодаря чему освещение этого движения нашим корееведением стало менее ограниченным, односторонним.

Своеобразие упомянутой книги в том, что она не просто освещала слабо до того времени изученное у нас важное направление национально-освободительного движения в колониальной Корее, но и практически воссоздавала предысторию южнокорейской политической системы. Ведь после освобождения Кореи в августе 1945 г. к власти на Юге пришли в основном те самые политические силы, которым посвящена книга В. И. Шипаева. Ее главные действующие лица входили в складывающуюся там правящую элиту (Ли Сын Ман, Ким Сон Су, Ан Дже Хён, Сон Джин У и др.). Вместе со своими сторонниками и при содействии США они создавали на Юге сепаратное государство, определяли пути дальнейшего развития Республики Корея. Анализ их мировоззрения и политического опыта 1920-х — 1930-х годов был необходим для выяснения особенностей ситуации в Южной Корее после 1945 г. Можно смело полагать, что это явилось одним из стимулов обращения В. И. Шипаева к исследованию роли корейской буржуазии в национально-освободительном движении периода до освобождения страны.

В числе первых, еще занимаясь историей колониальной Кореи, В. И. Шипаев одновременно приступил к разработке проблем Южной Кореи. Его интересовали многие из них, но как уже говорилось, в большей степени — социально-экономическая тематика. В коллективной монографии «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–

1958 гг.)» (М., 1959), с которой в отечественном корееведении практически началось серьезное, разностороннее изучение Республики Корея, ему принадлежала глава (написанная вместе с Н. К. Вайнцвайгом и Г. Н. Найденовым) «Установление контроля американского капитала над экономикой Южной Кореи». В ней рассмотрены этапы, формы и методы внедрения США в экономику Юга, подчинения ими этой части Кореи, что трактовалось как проявления их политики неокOLONиализма. Последствия произошедшего на Юге в 1961 г. государственного переворота и прихода там к власти военных во главе с Пак Чон Хи, критический анализ первых пяти лет деятельности созданной ими администрации — тема статьи В. И. Шипаева (в соавторстве с В. М. Мазуровым) «Южная Корея: поиски „обновления“» («Азия и Африка сегодня», 1966, № 10).

Круг научных интересов В. И. Шипаева в 1960-х — 1970-х годах включал также ознакомление наших ученых с труднодоступными тогда для многих работами зарубежных авторов. Среди его историографических трудов следует особо выделить два. В статье «К вопросу об освещении новой и новейшей истории Кореи в «Большом историческом словаре»» («Народы Азии и Африки», 1965, № 2) В. И. Шипаев привлек внимание корееведов к весьма содержательному и небесспорному, по его мнению, двухтомному справочному изданию по истории Кореи, подготовленному южнокорейским историком Ли Хонджиком и опубликованному в 1962–1963 гг. в Сеуле. Этим справочником у нас пользуются до сих пор. Основные направления и характер изучения в Японии проблем Республики Корея показаны им в большой статье «Японские издания о политическом положении в Южной Корее» в сборнике «История Кореи в буржуазной историографии» (М., 1976). После этой статьи в нашей литературе больше не было подобного рода аналитических публикаций, хотя Япония — один из центров мирового корееведения.

Как историк и специалист по Южной Корее широкого профиля, В. И. Шипаев активно участвовал в подготовке обобщающих трудов по истории и современным проблемам Кореи. В справочном издании «Современная Корея» (М., 1971) им были написаны разделы о Южной Корее: «Государственный строй», «Политические партии и общественные организации», «Внешнeполитические связи» и, частично, «Культура». В двухтомной «Истории Кореи (с древнейших времен до на-

ших дней)» (М., 1974), которую по праву относят к крупнейшим достижениям отечественного корееведения, В. И. Шипаев являлся автором главы «Корея после аннексии» (за исключением параграфа о культуре) в первом томе и большинства разделов главы «Антинародный южнокорейский режим (1948–1960)» — во втором томе.

В условиях обязательного равнения советского корееведения на политику и историографию КНДР, что считалось выполнением интернационального долга со стороны СССР, многие актуальные вопросы исторического прошлого и современного развития двух частей Кореи приходилось разрабатывать в «закрытом» плане, чаще всего в документах и материалах, направляемых в высшие инстанции государства. Вместе с другими учеными Института востоковедения АН В. И. Шипаев готовил справки, аналитические записки, объективно отражавшие положение в Республике Корея, происходившие в ней противоречивые процессы в политико-идеологической сфере, подъем ее экономики. В них нередко высказывались предложения отказаться от не оправдавшего себя непризнания Советским Союзом Республики Корея, подчеркивалась выгода для СССР установления с ней нормальных межгосударственных контактов. Некоторые статьи В. И. Шипаева по проблемам Южной Кореи публиковались в изданиях Института востоковедения АН «для служебного пользования».

Занимаясь многими вопросами текущей политики и экономики Республики Корея, разными по масштабам и значению, В. И. Шипаев продолжал одновременно создавать крупные капитальные труды на магистральных направлениях науки. Вполне естественно, что он, совмещавший в себе япониста и корееведа, не мог пройти мимо важнейшего для Кореи и всей Северо-Восточной Азии события — нормализации в 1965 г. японо-южнокорейских отношений. Итогом его длительной и углубленной работы по этой теме стала книга «Япония и Южная Корея („помощь развитию“ и ее последствия)» (М., 1981). В ней показаны основные причины, побудившие правительства двух соседних стран преодолеть тяжелейшее наследие колониального прошлого и пойти на взаимное признание и сотрудничество, а также стимулирующее воздействие на этот процесс США, исходивших из интересов укрепления своих позиций в регионе. Но главное в книге — подробный, опирающийся на огромный объем разнообразной информации, анализ взаимоотношений

Японии и Республики Корея после 1965 г., их влияния на южнокорейскую экономику, которое автор оценивал тогда весьма критически. Отмечая тенденцию к расширению японской экономической экспансии на юге Корейского полуострова, он высказывал предположение о возможности в перспективе обострения противоречий по разным поводам между Японией и Республикой Корея. События последнего времени (территориальные споры, протесты корейцев против попыток обелить японский колониализм, оправдать агрессивное прошлое Японии и т. д.) в известной мере подтверждают этот прогноз.

Интерес В. И. Шипаева к социально-экономической тематике, отмеченный нами ранее, особенно наглядно проявился в его последней книге — «Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства» (М., 1986). Изложив в обобщающем виде основные этапы и особенности экономического развития Республики Корея (сырьевые и трудовые ресурсы, планирование по пятилеткам, смена моделей хозяйственного строительства, роль государства, достигнутые результаты), автор сосредоточился на определении места страны в мировой экономике к середине 1980-х годов. Прежде всего он указал на теснейшую связь южнокорейской экономики с иностранным капиталом, показав позитивные и негативные стороны их взаимодействия. Детально рассмотрены им те пути, которыми Республика Корея входила в мировую экономику и утвердилась в ней на достаточно внушительных для еще недавно отсталой страны позициях (внешняя торговля, экспорт капитала, рабочей силы, строительных услуг). Пожалуй, впервые в нашей литературе было четко и недвусмысленно сказано, что экспортная модель развития имела для Республики Корея бесспорные плюсы, обусловив в значительной мере подъем ее экономики. В то же время не прошли незамеченными и отрицательные последствия для южнокорейской экономики экспортоориентированной стратегии, чрезмерной ее зависимости от внешних факторов, других недостатков развития, которые, как известно, были среди причин тяжелейшего для страны финансового кризиса 1997 г.

О том, какой резонанс имела у нас книга В. И. Шипаева, можно судить по такому факту. Вскоре после того, как в 1989 г. начались прямые экономические отношения между СССР и Республикой Корея, автор данной статьи по какому-то поводу обратился в ГКЭС (Государственный комитет по экономическим связям с зарубежными странами). Начальник

управления ГКЭС, ведавшего контактами СССР с государствами Азии, ответив на заданные ему вопросы, в заключение беседы сказал примерно следующее: «Изучаю сейчас книгу В. И. Шипаева „Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства“, ведь нам предстоит налаживать сотрудничество с этой страной». Некоторое время спустя в Отдел Кореи и Монголии ИВ РАН позвонили из Главного государственного-правового управления при Президенте РФ, передав просьбу В. И. Шипаеву подготовить для них справку о финансово-промышленных группах в Республике Корея, к формированию которых приступали в России.

Работы советских корееведов, в том числе и В. И. Шипаева, при всех их недостатках, вызванных трудностями и ограничениями времени, когда они создавались, в нарастающей степени давали читателям реальное представление о разностороннем прогрессе Республики Корея, способствуя более объективному и привлекательному ее восприятию нашей общественностью. Как уже говорилось, многие годы они настаивали на необходимости нормализовать отношения СССР с этой страной, развивать с ней взаимовыгодное сотрудничество. Наступившая после 1985 г. эпоха гласности позволила добиваться этого не только в «закрытых» документах и материалах, но и в открытой, общедоступной печати. Пальма первенства в этом по праву принадлежит В. И. Шипаеву.

Кардинальное изменение отношения в СССР к Республике Корея часто, и не без оснований, связывают с Олимпийскими играми, состоявшимися в Сеуле в сентябре — октябре 1988 г. Впервые тогда эта страна, с ее несомненными достижениями и большими возможностями, реально предстала перед глазами советских людей. Но еще до того, в мае 1988 г., о ней рассказывал широкому читателю В. И. Шипаев в одном из самых популярных массовых изданий — газете «Комсомольская правда». Завершая свою пространную статью «Южнее 38-й параллели», он писал: «Я уверен, что настоящее открытие Южной Кореи еще впереди. И еще. Я твердо знаю одно: можно принимать или отвергать идеологию, политику и порядки, существующие в той или иной стране, но нельзя, подобно трем китайским обезьянкам, закрывать рот, глаза и уши, делая вид, что такой страны не существует вовсе. Будем объективны!» («Комсомольская правда». 22.05.1988).

Осенью 1988 г. В. И. Шипаев выступил в той же газете с новой статьей: «От молчания — к контрактам». Поддержав вы-

сказанные тогда советским руководством соображения о возможности налаживания экономических отношений СССР с Республикой Корея, он рассказал о некоторых конкретных направлениях взаимовыгодных двусторонних контактов. В заключение В. И. Шипаев выразил то, о чем тогда думали и говорили многие: «Это лишь первые, отрывочные наброски. Я уверен, что при ближайшем рассмотрении возможности советско-южнокорейского сотрудничества окажутся гораздо более масштабными и перспективными. Важно лишь, чтобы единожды избранный курс был обеспечен не одними только благими пожеланиями, а подкреплялся конкретными действиями. За словом должно последовать дело» («Комсомольская правда». 25.10.1988).

Между тем, за словом уже следовало дело. Незадолго до опубликования второй статьи В. И. Шипаева, 21 октября 1988 г., в Международном отделе ЦК КПСС состоялось совещание узкого состава под председательством заведующего отделом, секретаря ЦК КПСС В. М. Фалина. В нем приняли участие несколько ответственных работников отдела, от науки — академик Е. М. Примаков (тогда директор ИМЭМО), член-корреспондент АН СССР Г. Ф. Ким (и.о. директора ИВ РАН) и автор данной статьи. Участники совещания были единодушны в том, что необходимо безотлагательно налаживать межгосударственные отношения с Республикой Корея. Через неделю они собрались вновь в расширенном составе (среди дополнительно приглашенных был и В. И. Шипаев), чтобы доработать составленный по итогам первого совещания документ, который направлялся в Политбюро ЦК КПСС. На его основе вскоре было принято решение о начале прямых экономических связей СССР с Республикой Корея, переросших к сентябрю 1990 г. в полномасштабные отношения между двумя нашими странами.

Со своей стороны, В. И. Шипаев прилагал усилия к тому, чтобы способствовать начавшимся советско(российско)-южнокорейским отношениям. Для соответствующих правительственных ведомств им был подготовлен справочный материал о ведущих фирмах Республики Корея. Когда в ИВ РАН задумали создать большой, разнообразный по содержанию справочник об этой стране, работу над ним поручили возглавлять В. И. Шипаеву, взявшему на себя написание ряда разделов. К началу 1990-х годов справочник был готов. Его издание предполагалось при содействии одной из крупнейших внешне-

торговых организаций Республики Корея, но из-за бюрократических неувязок этот проект так и не был реализован.

Вместе с другими коллегами В. И. Шипаев старался донести до южнокорейских ученых и общественности результаты развития советского (российского) корееведения. В сентябре 1990 г., еще до установления официальных дипломатических отношений СССР с Республикой Корея, он и автор данной статьи выступали по этой теме в университете Кунмин в Сеуле. На совместной с южнокорейскими учеными конференции «Изучение Кореи в Советском Союзе и Советского Союза — в Корею» (Сеул, май 1991 г.) В. И. Шипаев сделал доклад «Изучение истории Кореи в Советском Союзе». В следующем году он опубликовал статью «Новое российское видение Южной Кореи» в совместном сборнике «Корея и Россия. Навстречу XXI веку» (Сеул, 1992).

В октябре 1991 г. Исследовательский комитет по проблемам Корейского полуострова «XXI век» при университете Йонсе (Сеул) предпринял любопытную научную акцию: многосторонний научный прогноз, с использованием новейшей методики, относительно ситуации на Корейском полуострове до 2000 г. Возглавил работу известный корейский ученый профессор Чхве Пхёнгиль. К подготовке прогноза привлекли по 10 специалистов из 5 стран: Китая, России, Японии, Республики Корея и США. В российскую «команду» от Института востоковедения РАН были приглашены В. И. Шипаев и автор этой статьи. Каждый участник должен был ответить на множество вопросов о возможном развитии событий в период до 2000 г. в КНДР, Республике Корея, межкорейских отношениях и т. д. Итоги опроса обобщены и исследованы в книге «Предварительный взгляд на Корею-2000» (Сеул, 1993). В ряде случаев ее составители, обосновывая свои позиции, ссылаются на мнения В. И. Шипаева.

Выполняя перечисленные выше работы конца 1980 — начала 1990-х годов, В. И. Шипаев продолжал внимательно следить за текущими событиями в Республике Корея, стремясь проникнуть в истоки и основные факторы происходивших там изменений в обществе. Его статья «Условия и предпосылки модернизации Южной Кореи», возможно, была началом обстоятельного комплексного исследования по названным в ней проблемам. В этой статье В. И. Шипаев вновь обратился к внутренним противоречиям в стране, породившим государственный переворот 1961 г. и сопровождавшим впо-

следствии преобразования, проводимые режимом Пак Чон Хи. Опубликованная в сборнике «Республика Корея: опыт модернизации» (М., 1996), она увидела свет уже после кончины автора.

Не столь часто, как хотелось бы и как требовалось для учебного такого уровня, В. И. Шипаев все же бывал в изучаемой стране. В 1959 г. в течение месяца он знакомился с социально-экономической системой КНДР, в 1965 г. побывал там и в КНР в качестве туриста. Очень полезной была научная командировка в Японию в 1973–1974 гг., где он на протяжении пяти месяцев собирал материалы о Южной Корее, недоступной тогда для советских ученых, и о состоянии японского корееведения. Дважды, в сентябре 1990 и мае 1991 гг., посещал он на короткие сроки Республику Корея, в основном для участия в научных конференциях. Мало, но другие ученые ИВ РАН, занимавшиеся Республикой Корея (И. С. Казакевич, В. М. Мазуров, Б. В. Синицын), не были там совсем. Везде, где побывал В. И. Шипаев, он оставил о себе добрую память. Зарубежные ученые, приезжавшие в ИВ РАН, нередко встречались с ним как с хорошим знакомым, проявляли к нему уважительное отношение.

За 40 лет работы в корееведении В. И. Шипаев обрел высокий научный авторитет. Его трудам свойственны опора на максимально широкий круг разнообразных источников, скрупулезный и тщательный отбор фактов, логичность и аргументированность выводов и оценок, ясный и четкий стиль изложения. Основные из них настолько богаты фактами и мыслями, что сами могут служить источниками для исследователей. Неслучайно на них часто ссылаются авторы, пишущие о прошлых и современных проблемах Республики Корея. В. И. Шипаев многократно приглашался на разного рода научные конференции, ситуационные совещания в ИВ РАН и других академических и учебных заведениях, привлекался к консультациям практическими учреждениями, связанными с Кореей. Под его руководством защитили кандидатские диссертации несколько молодых специалистов. Большую и плодотворную работу В. И. Шипаева не раз отмечали дирекция и общественные организации института. Он был награжден медалью «Ветеран труда».

Как и большинство его коллег, В. И. Шипаев не замыкался в сравнительно узких рамках науки, жил делами и заботами всей страны и своего коллектива. В течение ряда лет вел заня-

тия в кружках политического самообразования на предприятиях Москвы, оформлял стенгазету института. Длительное время возглавлял профсоюзную организацию отдела и старался, по мере возможности, обеспечивать нормальную, слаженную работу его сотрудников. Постоянно интересовался спортом: в молодые годы был вратарем институтской футбольной команды, затем увлекся настольным теннисом, до конца дней своих являлся непременным участником проводимых в институте шахматных турниров.

Молчаливый, сосредоточенный на работе, В. И. Шипаев мог казаться тем, кто его мало знал, сумрачным, даже суровым человеком. На самом деле это был веселый человек, любитель шутки и розыгрыша, гостеприимный хозяин, предпочитавший провести вечер в дружеской компании, по русскому обычаю спеть что-то задушевное. На скучных заседаниях иногда рисовал шаржи на автора этой статьи, довольно похожие на оригинал и смешные (жаль, что не сохранил их). Сам аккуратный и точный в обработке и подаче материала, был нетерпим к небрежности в работах коллег. Некоторые из них долго помнили его язвительное «ха-ха!» на страницах их рукописей в тех местах, которые действительно заслуживали такой реакции. Вместе с тем, он был доброжелателен, всегда готов помочь товарищам словом и делом, не скупился на добрые отзывы о хороших работах, особенно молодых ученых. Глубоко порядочный, честный, принципиальный человек, обладавший повышенным чувством справедливости, В. И. Шипаев открыто и прямо всегда говорил о том, с чем был не согласен, не считаясь при этом с чинами и званиями тех, кого это касалось.

Своеобразный, интересный и нравственно чистый человек, ученый высокого профессионализма и больших творческих возможностей, преданный своему делу и сделавший для него так много важного и ценного, — таким, как нам кажется, останется В. И. Шипаев в истории отечественного корееведения 2-й половины XX века.

Ю. В. Ванин

Основные труды В. И. Шипаева

1. Колонизаторская политика японских империалистов в Корее (1910–1919 гг.).— Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. XV, 1956.
2. Положение в Корее в период мирового экономического кризиса (1929–1933 гг.).— Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. Вып. 25, 1957.
3. Колонизаторская политика японского империализма в Корее в области промышленности и сельского хозяйства (1920–1931 гг.).— Корея. История и экономика. М., 1958.
4. Установление контроля американского капитала над экономикой Южной Кореи.— Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.). М., 1959. (В соавт. с Н. К. Вайнцвайгом и Г. Н. Найденовым).
5. Корея под гнетом японского империализма.— Очерки социалистического строительства в Корейской Народно-Демократической Республике. М., 1963. (В соавт. с И. С. Казакевичем).
6. Тэрао Горо. Корея: Север и Юг.— Книги за рубежом. № 7, 1963.
7. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом. М., 1964.
8. К вопросу об освещении новой и новейшей истории Кореи в «Большом историческом словаре».— Народы Азии и Африки. № 2, 1965.
9. Корейская буржуазия в национально-освободительном движении. М., 1966.
10. Корея (раздел главы «Советское востоковедение»).— Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966.
11. Южная Корея: поиски «обновления».— Азия и Африка сегодня. 1966, № 10. (В соавторстве с В. М. Мазуровым).
12. Южная Корея. Государственный строй.— Современная Корея. Справочное издание. М., 1971.
13. Южная Корея. Политические партии и общественные организации.— Там же.
14. Южная Корея. Внешнеполитические связи.— Там же.
15. Корея после аннексии (кроме раздела «Корейская культура в конце XIX — начале XX вв.»).— История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 1. М., 1974.
16. Создание сепаратного южнокорейского государства.— Там же. Т. 2.
17. Антинародный южнокорейский режим (1948–1960).— Там же. (В соавт. с И. С. Казакевичем и В. М. Мазуровым).
18. Японские издания о политическом положении Южной Кореи.— История Кореи в буржуазной историографии. М., 1976.

19. Япония и Южная Корея («помощь развитию» и ее последствия). М., 1981.
19. Политические партии.— Южная Корея. Справочник. Ч. 1. М., 1981.
20. Обрабатывающая промышленность.— Там же.
22. Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М., 1986.
23. Условия и предпосылки модернизации Южной Кореи.— Республика Корея: опыт модернизации. М., 1996.
24. A New Russian Perception of South Korea.— Korea and Russia. Toward the 21st Century. Seoul, 1992.

Бажанова Наталья Евгеньевна — кандидат экономических наук.

Вавин Юрий Васильевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН.

Васильев Анатолий Григорьевич — старший преподаватель Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Воронцов Александр Валентинович — кандидат исторических наук, заведующий сектором Кореи Института востоковедения РАН.

Дмитриева Валентина Николаевна — кандидат филологических наук, профессор МГИМО(У) МИД РФ.

Иващенко Наталья Владимировна — старший преподаватель МГИМО(У) МИД РФ.

Концевич Лев Рафаилович — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Мокляк Виктор Васильевич — доцент Всероссийской академии внешней торговли.

Ремарчук Владислав Васильевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА при МГУ.

Суслина Светлана Серафимовна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Троцевич Аделаида Федоровна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Российское корееведение
в прошлом и настоящем

Том
I